

уральский

следопыт

№3 *** 1980

КИНО- СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

Борис
ЗЕЛИЧЕНКО

Из протокола заседания Совета народных комиссаров № 153 от 8 июля 1918 г.

Председательствует В. И. ЛЕНИН.

С л у ш а л и: 7. О выдаче охранительных мандатов операторам Кинематографического отдела Народного Комиссариата Просвещения (Луначарский).

П о с т а н о в и л и: 7. П о р у ч и т ь Комиссариату Внутренних дел выдать соответствующие мандаты.

Операторы кинохроники оставили нам бесценные кадры — образ живого В. И. Ленина. Первые кадры с В. И. Лениным после Октября были сделаны на Первомайском празднике — на параде войск на Ходынском поле, а последняя — в Кремле в ноябре 1922 года.

В номере:

УЧИЛИЩЕ — ПОРОГ ЖИЗНИ	2
Б. Зеличенко	
КИНОСТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ	5
А. Соларев	
УРАЛЬСКИЙ ЗНАЧОК	6
И. Исаев	
ПОРТРЕТ ВОЖДЯ	6
С. Блинкин	
ПОДВИГ АНАТОМА	7
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	10
Л. Богоявленский	
КАМБАРСКИЕ КОММУНАРЫ	12
Е. Новоселов	
ИЗБЫ С ЖАР-ПТИЦАМИ	17
Е. Ранова	
ЭКСКАРСИЯ ПО КВАРТИРЕ	18
Б. Путилов	
СОКРУШЕНИЕ ЛЕХИ БЫКОВА. Повесть. Окончание	21
В. Суворов	
ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ	37
Ю. Борисихин	
«ПРИСТУПАЮ К ДЕЙСТВИЯМ...»	38
Г. Иванов, Ф. Архипов, Ю. Казарин, М. Клипиницер, В. Суворов, А. Назаров	
ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР ПО СТЕКЛАМ БЬЕТ... Стихи	42
Г. Воронов	
ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?	44
Ю. Плашевский	
ВИТА — ЗНАК ОГНЕВОЙ	46
В. Роцаховский	
ЗДРАВСТВУЙТЕ!	47
Л. Фрелов	
АМБАРНАЯ МУЗЫКА. Рассказ	48
Е. Карасев	
ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ	53
Б. Чельшев	
«КОЛЛЕЖСКИЙ АССЕССОР ПУШКИН»	54
И. Каплун	
ДЕЛО ПОДПОРУЧИКА ИЛЬИНСКОГО	56
В. Чемляков	
ВЫГОВОР ЗА... ПАМЯТЬ О Л. Н. ТОЛСТОМ	57
В. Савченко	
ВСТРЕЧНИКИ. Повесть. Начало	58
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА. КАЛЕЙДОСКОП	71
Р. Лынев	
СТАЛЬНЫЕ И ПЕРНАТЫЕ	74
И. Акимушкин	
ПЛЕМЯ ДЛИННОУХИХ	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 29.11.1979 г.
НС 11120.
Подписано к печати 17.01.1980 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,8
Тираж 249 000.
Заказ 555
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1980 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№3 * 1980

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

УЧИЛИЩЕ - ПОРОГ ЖИЗНИ

Интервью с учащимися Свердловского профессионально-технического училища № 79, где готовят молодых рабочих разных специальностей — маляров по техническим покрытиям, монтажниц, обойщиков мебели.

О какой профессии вы мечтали?

Нравится ли будущая специальность?

Как вас встретили в цехе?

«Монтажники — это верхолазы...» — так представляла себе свою будущую специальность радиомонтажницы одна из девочек, поступивших в училище. И не только она. Лишь один ответ говорит о серьезном интересе к выбранной профессии: «Поступила потому, что хочу узнать, как это делается, и делать своими руками». Такая постановка вопроса говорит о сознательном выборе. Большинство же подростков, поступивших в 79-е свердловское профессионально-техническое училище, как они сами признаются, никакого представления о профессии не имели. «Друзья уговорили», «посоветовала тетя», «сестра подсказала» — вот главный мотив ребячьих откровений. Поступили — потому что надо куда-то поступать. Но самый большой контингент — те, кто, «случайно заблудши», вдруг неожиданно нашел себя, проникся интересом к будущему делу. Как видно из признаний учащихся, огромную воспитательную и «агитаторскую» роль сыграли здесь рабочие коллективы, с которыми ребята и девочки знакомятся на первой практике.

Ирина ВАЛИЕВА: Моя будущая профессия — монтажник радиоаппаратуры и приборов. Без нашей продукции не может обойтись ни одна крупная отрасль промышленности. Мне нравится творить из цветной мозаики проводов, из миниатюрных деталей, кажущихся детскими игрушками, — целые блоки. Мне нравится моя работа, хотя до поступления в училище я не имела о ней представления.

Сергей ЛАРИН, Алексей СПИЦЫН: Первая производственная практика показала, что мы многое еще не умеем. Поначалу не доверяли сложную работу, — так, меняли шкурки, равняли напильниками поверхности деталей. Где-то на восьмой-девятый день практики мы вместе с опытным специалистом налаживали шпонурильный станок, сделанный в КНДР.

Это уже было интересно. А в конце производственной практики мы сами уже смогли определить неисправность в станке: разобрали, отдали токарю сделать по чертежу износившуюся деталь. Вот эта работа понравилась — за то, что она сложная.

Галя ЗЫРЯНОВА: Иногда начнешь вспоминать с подружками: как играли в куклы, кто был продавцом, кто работал в конторе бухгалтером, кто швеей... Мне ужасно нравилось обшивать кукол — все ждала, когда вырасту и стану настоящей швеей. В восьмом классе от своей сестры узнала об училище № 79: она работает на фабрике «Авангард», и я с ней всегда советуюсь. По ее совету я и поступила. Нас учат не только профессии, но и многим важным жизненным вещам. Швеей все-таки хочу быть.

Галя АНДРЕЕВСКИХ: Недавно мы были на практике на заводе. Увидели конвейер, рабочих, операции, которые они выполняют. Я убедилась, что не зря выбрала специальность монтажницы. Сама обстановка понравилась, аккуратность, с которой работают люди, интерес каждого к работе.

Ирина ГОНЧАРОВА: Куда мне пойти после восьмого класса, мы думали вместе с мамой. Вместе с ней пришли в училище — подавать заявление в группу мебельщиков. Пришли рано утром. Территория фабрики, где располагается училище, показалась мне похожей на парк... Какое же это производство — голубые ели, фонтаны?! И солнце светит! Поднялись на третий этаж, в приемную комиссию. Сидят мастера производственного обучения, набирают... в группу радиомонтажников. «Монтажники — это верхолазы такие», — думаю про себя. Мастера начали объяснять. И когда мне объяснили, я поняла: вот профессия, идущая в ногу с эпохой. На следующий день мы с мамой принесли документы.

Ирина ОЛЬКОВА: Мечтала стать художником. Даже ходила одно время в художественную школу. Потом мечта прошла стороной, появилось новое увлечение — баскетбол. Ходила в секцию, играла в сборной школы. И решила поступать в физкультурный техникум. Опоздала, документы не приняли. Подруги договорили меня пойти в 79-е училище. Я выбрала специальность станочника, а когда увидела настоящие станки — испугалась: как же я на них буду работать?! Теперь научилась работать почти на каждом станке. Нравится ли профессия? И да, и нет. Я все-таки думаю о физкультурном техникуме. Наверное, постараюсь еще раз поступить.

Наташа ПОПОВА: Так уж устроен человек, что он вечно что-то ищет, к чему-то стремится. Не могу сказать, что профессия маляра по металлическим покрытиям — необыкновенная. Но необходимая — это точно. Есть в ней своя поэзия. Представьте себе, что эта специальность исчезла: какими неприглядными показались бы все металлические изделия — грубые, тяжеловесные... Я сама раньше никогда об этом не задумывалась.

Все наши мальчишки и девчонки с нетерпением ждали практику. Любопытство извело: какое оно — наше производство? В цехе нас приняли как равных. Попали в молодежную бригаду. Я очень удивилась, узнав, что бригадир Галя Глебова всего два года назад окончила наше училище. Ей столько же, сколько и мне, но насколько она больше знает в жизни!

Вера СКОРНЯКОВА: Что украшало всегда человеческое жилье? Мебель. До нашего времени сохранились некоторые образцы мебели Древнего Египта, Греции, римлян — целый набор оставило человечество за всю историю... По сравнению с теми временами неузнаваемо изменилась техническая оснащённость производства обоевых работ. На мебельной фабрике очень приятно работать. Профессия обойщика нужна людям, и я ее очень полюбила.

Люба САВИНОВА: Я мечтала стать учителем. И мечтала сознательно, зная, сколько сил тратит учитель, чтобы научить детей: проверяет бесконечные тетради, после уроков остается с отстающими, и в театр, наверное, чаще ходит с классом, чем со своими собственными детьми. Мечтала до поры, до времени, а после восьми классов решила поступать в энергетический техникум. Не прошла. Ну, тогда — девятый класс. В нашем поселке школа только восьмилетняя, а средняя находится через озеро. Я каждый день ходила по пять километров туда и обратно. Но вот снова пришло время выбирать дорогу; попыталась по стопам родителей — в лесотехнический, но завалила последний экзамен. Надо было лучше готовиться...

И пошла в училище. Выбрала профессию станочника. Никакого представления не имела о том, что буду делать. Поняла только на первой практике. Все было интересно: полировальные станки, лаконоливая машина... У каждой детали свое название, свой номер. Полка для шляп получила название «тринадцатая деталь», полка для тумбочки — «четвертая». Их очень много, и нелегко сразу упомянуть. Мы работали на лаконоливой машине. С машины детали выходят благородные, под лаком... Когда они высохнут и их отправят на полировку — тогда от них глаз не оторвать. А потом соберут деталь к детали — и получится шкаф, диван, сервант.

Таня МОЗГОВА: В конце десятого класса я еще размышляла, гоюсь ли для профессии учителя. И решила — нет, не гоюсь. Не хватает мне спокойствия, усидчивости, терпения. Когда пришла в ГПТУ, там сидела в приемной мастер. Она говорит: «Перспектива с вами остается — поступайте в вуз и после училища, никто у вас этого права не отнимает».

Практику я проходила на участке брусковых деталей. Кадровые рабочие делали все, чтобы мы не выглядели растерянными среди множества станков.

Если бы время вернулось на год назад, я бы постаралась лучше подготовиться в институт. Но и не считаю, что год пропадет даром.

Лена ПОМАЗКИНА: Пройдет время, и нас станут называть рабочими людьми. Наступает такой момент в нашей жизни, когда мы будем созавать, что в работе огромного коллектива есть и доля нашего труда, и гордиться этим. Мы и не замечаем, как у нас начинает появляться чувство ответственности; как бывает обидно, когда из-за одной ошибки пропадает труд многих людей.

Участок гальванических покрытий — мой участок. Металлические покрытия, цинком, хромом, медью, серебром — много операций. Руководит всем этим Александра Шаньгина. Никогда я не слышала, чтобы она кричала на кого-то из нас, в общем-то, еще неумех, не видела ее злой или грустной. Разве одна она такая? Работа, наверное, подтягивает. Год назад окончила наше училище Лида Голубева, мы вместе работали («на колокольчиках» — покрывали цинком мелкие детали. Я и делала, бывало, что-то не так, но упреков от нее не слышала ни разу. Лида не только в работе молодец: она — лауреат художественной самодеятельности, просто отличная девушка!

Некоторые считают — ну, что интересного работать простым рабочим? Вот уж окончить вуз и занять руководящее место... А рабочий человек остается незаменимым. Хотя и много сейчас всяких машин — без человека они мертвы. Рабочие люди всегда будут нужны.

Наташа ПАНКРАТОВА: Какие мои детские мечты?... Артисткой, учителем мечтала быть, или кем-нибудь другим — только не станочницей, разумеется. Как-то вовремя поняла, что нельзя быть всем знаменитыми, надо только, чтобы человек любил свою профессию. А вот для меня — какая она? Что выбрать? Так я и приехала в Свердловск после десятого класса — безразлично было, куда идти. Уехать, что ли, обратно домой, в Казахстан? О моем Казахстане можно говорить много. Я люблю наши степи... Вот вернусь, пойду трактористкой в наше село. Удостоверение на руках есть...

Жизнь распорядилась по-своему. Моя тетя сказала мне об училище № 79 (она работает паспортисткой на фабрике «Авангард»). Весь первый месяц еще был полон сомнений — как могла выбрать профессию, совсем не зная ее? Практика все поставила на свои места. Отделочник — это тот, кто простую грубую заготовку превращает в зеркальную красоту: посмотришь — и увидишь свое отражение.

Я свою профессию уже полюбила. Не жалею, что пошла в училище. Мне кажется, у нас самые лучшие мастера и учителя, честное слово!

Василий СОГУТОВСКИЙ: Не очень-то я представлял себе работу маляра по металлу, гальваника. Если откровенно, то мной руководило одно желание: как можно скорее определиться в жизни.

На практике я работал в отделе гальванических покрытий. Представили нас бригадир Юрию Николаевичу Аникину. Его бригада — победитель социалистического соревнования, и неоднократный. Если надо что-то быстро и качественно сделать, поручают Аникину и его людям. В течение всего месяца бригада работает четко и ритмично, а главное — не бывает, чтобы им вернули забракованную продукцию. У них каждый проработал гальваником от десяти до двадцати лет, отсюда и опыт, и мастерство.

Меня позвал к себе один. Молодой парень. Познакомились. Владимиром зовут. «Владеешь миром», — говорю. Посмеялся. Он держал в руках ничем не примечательную деталь — обыкновенный лист алюминия. Его сначала окунали в ванну обезжиривания, удалили с поверхности масляные пятна, грязь. Промыли. Отправили в ванну осветления. Следующая операция — хромирование. Деталь превратилась во что-то необыкновенное, я даже не поверил собственным глазам. Весь лист стал таким нежно-зеленым, что хотелось его трогать, гладить. В нашем цехе не только хромируют, но и анодируют, покрывают цинком и медью, есть отделение покрытий драгоценными металлами.

В бригаде Аникина любого можно назвать «мастер — золотые руки». Бригада заинтересована не только морально (благодарности, грамоты), но и материально: зарплата 200—250 рублей, ежемесячно премии. Вы бы видели, как они работают!

На следующий день была суббота. Нерабочий день. Но меня опять потянуло на завод.

Ирина БЕРСЕНЕВА: Я живу с бабушкой, и потому, чтобы облегчить ей и себе жизнь, решила после окончания восьми классов пойти в ГПТУ. Почитала объявления в газете, посоветовалась с подругами и выбрала специальность монтажницы. Я еще в школе увлекалась техникой, чертежи и схемы понимала. Сначала меня в училище не принимали, потому что я живу за городом, в Верхней Пышме, а на эту специальность берут только с городской пропиской. Но в конце концов приняли.

Через полгода нас привели на завод. Выдали пропуски, вручили инструменты. Не очень долго мы учились паять, а потом стали давать и продукцию.

Утром я встаю и первым делом слушаю сводку погоды. Сколько людей по утрам слушают погоду!.. И в том, что они ее узнают, есть и

заслуга монтажниц-радиоаппаратчиц. Ведь я сама делаю кабели, они идут в машины метеостанций, которые потом по всей стране определяют погоду, какая она ожидается.

Елена КРАВЦОВА: С раннего детства мы знаем: люди не просто живут — они работают. Мы не мыслим себе человека без работы. Человек, уважающий себя, никогда не будет сидеть сложа руки.

Я уже тоже могу работать в цехах нашей фабрики. А в первый раз... Интересно было? Да! Непонятно? Да... Страх подкрадывался, как только подходишь к машинам. С моей профессией связан весь мир — от домов-гигантов до детских игрушек. Она так же необходима, как специальность врача, повара, писателя. Может, даже больше — моя профессия вносит уют буквально в каждый дом. От того, правильно ли я пропилю, обработаю и выстрогаю доски, зависит форма, размер и вид мебели. В основе красивого серванта, дивана лежит именно правильная первичная обработка дерева. Что станочник сделает с материалом — то и пойдет в работу. И мне, конечно, хочется работать так, чтобы не было стыдно за продукцию мебельщиков.

Лариса РЕТЮНСКАЯ: С тех пор, как я решила стать монтажницей, прошло два года. Работа уже сейчас приносит мне радость, и я намного счастливее тех своих сверстниц, которые учатся «от скуки». Я стараюсь прийти в цех пораньше, еще до того, как включают мощные вентиляционные установки и освещение. В это время цех будто спит. Я продумываю предстоящий день, мысленно составляю схему работ, прикидываю, какой нужен инструмент, для какой продукции. Что такое монтажная схема? На этот вопрос ответит любой учащийся: это лишь плоское изображение на листе бумаги. Задача состоит в том, чтобы воссоздать то, что изображено. Поначалу боишься за каждое движение, а касание платы (пластины) паяльником представляется чуть ли не взрывом. Трясутся руки, падает инструмент. Ставишь паяльник на пайку — и видишь вместо ровной гладкой пайки неуклюжую лепешку... Изо всех сил стараешься выпрямить перемычку — вдруг оборвешь, и такое чувство стыда, неловкости... Но все это проходит.

На электронных часах, установленных над проходной, 7 часов 30 минут. Поток рабочих спешит в цеха. И я чувствую себя частицей огромного коллектива.

Расима НУРЕТДИНОВА: Нас готовят в волшебники. Посмотрите на улицу: каждый автомобиль на солнце переливается и сверкает, будто ал-

мазами усыпан. Уберите всю эту красоту из жизни — как скучно и тоскливо станет на улицах!..

...Когда мы в первый раз отправились в цех, по-моему, больше нас волновалась мастер производственного обучения Нина Матвеевна Василевская. Это и ее проверка: как-то мы себя покажем? Не ахти, какие взрослые — забудем что-нибудь простое, закапризничаем, нос от чего-нибудь отворотим... Но мы тоже не лыком шиты. Уж чему нас научили — покажем! Да не просто так, а чтоб все заметили!

Познакомили меня с бригадиром Ниной Петровной Левенок. Ну, никакого впечатления не произвела — ничем не выделяется, похожа на остальных женщин. Разве улыбка очень спокойная, добрая. Каждый день я к ней приглядывалась. И убедилась — нет, ни на кого она не похожа! Все у нее под руками вертится, пульверизатор водит и держит так, будто ее маленькие женские руки для этого прибора созданы. На шкурковке только детали мелькают: раз-другой замажет — и следующая деталь уже в руках... А говорит, объясняет — как прямо в сердце слова льет, и так хорошо становится, так веришь в свои силы.

Татьяна ДОЛГИХ: Нас со всех сторон окружает цвет. Не сразу поймешь — то ли металл, то ли пластмасса — но какую воздушность, яркость, легкость придает материалу цвет! Настоящий маляр — как художник, и неважно, что использует он не тоненькую кисть, а полукилограммовый распылитель.

Участок, на котором мы проходили практику, — комсомольско-молодежный. 70 процентов молодежи, и большая часть — выпускники нашего училища. Ольга Веткина, Зина Чепуштанова, Валентина Белых — депутаты райсовета. Галя Глебова и Маша Шилова — бригадиры.

За день в цехе используется в работе до шестидесяти наименований различных лакокрасочных материалов. Нельзя глаз отвести от деталей, так они, новенькие, хороши. Высокое качество покрытия, зеркальная поверхность — все говорит о том, что деталь сделана по первому классу. Настоящий опыт, настоящее мастерство. Но ведь люди, которые ими владеют, не так давно были такие же, как мы — учащиеся...

КИНОСТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

См. 2-ю стр. обложки.

С Лениным в сердце

Дважды кинооператоры снимали В. И. Ленина и до революции. В апреле 1917 года Александру Лембергу удалось снять Владимира Ильича на балконе особняка балерины Кшесинской. Лемберг же снял Ленина 1 мая 1917 года, пристроив свой аппарат почти у самого балкона. Через несколько часов Александр Лемберг снимал В. И. Ленина на Марсовом поле. К сожалению, эти бесценные кадры не сохранились.

Старый оператор Александр Григорьевич вспоминал затем, как его хозяин А. Ломашкин удержал с него 250 рублей за израсходованную пленку на съемках В. И. Ленина и уволил его с работы.

Лемберг еще дважды снимал В. И. Ленина — в 1919 году на Красной площади во время празднования второй годовщины Октября и в декабре — на съезде Советов.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится 112,55 метра кинопленки, заснятой оператором на параде войск Всеобуча 25 мая 1919 года. На 16 кадрах запечатлен В. И. Ленин. Эдуард Тиссэ вспоминал, что Владимир Ильич, увидев его с аппаратом, негромко и серьезно сказал:

— Поменьше, товарищ, снимайте меня, а побольше тех, кто будет меня слушать, — товарищей, уходящих на фронт.

Красная площадь была переполнена людьми. На многих из них — вещевые мешки и винтовки, пулеметные ленты и патронташи...

Особенно удачным для кинооператоров был день 1 мая 1920 года. Это был день Всероссийского субботника — так решил IX съезд партии, приняв предложение В. И. Ленина.

На субботник по уборке Кремля вышли работники Совнаркома, ВЦИК, курсанты кремлевских командных курсов. Пришел и Владимир Ильич Ленин.

Всероссийский фотокиноотдел направил в Кремль оператора А. Ле-

вицкого и фотографа А. Савельева. Много лет спустя Александр Андреевич Левицкий писал в журнале «Искусство кино» в заметке «Владимир Ильич на субботнике»:

«Владимир Ильич принимал непосредственное участие в первом Всероссийском субботнике в 1920 г. На порученном мне участке работали Владимир Ильич, Надежда Константиновна и многие другие. Они расчищали грязь, таскали бревна. Владимир Ильич руководил работами своего звена и сам работал усерднее других. Вижу, взялся он за какую-то тяжелую старую раму. Другие поспешили ему на помощь, но он оставил их:

— Ничего, ничего, товарищи, делайте свое дело, я сам.

И, явно напрягаясь, он сам потащил раму».

Через шесть дней после Первомайского праздника на экраны вышел хроникальный фильм «Всероссийский субботник», в который были включены ленинские кадры.

В тот же день, 1 мая, на площади Свердлова должна была состояться торжественная закладка памятника Карлу Марксу. Сюда прибыл оператор Эдуард Казимирович Тиссэ. Оператор снял В. И. Ленина во время беседы с окружающими его людьми и когда он располагался на металлической пластинке и закладывал первый камень.

На площади Свердлова вел съемки также оператор Григорий Владимирович Гибер.

Когда закончилась церемония на площади Свердлова, Ильич поехал на закладку памятника «Освобожденный труд» в сквере на Кропоткинской набережной. Здесь к Э. Тиссэ и Г. Гиберу присоединился и А. Левицкий. Трем операторам удалось с трех точек одновременно запечатлеть В. И. Ленина.

Потом Гибер, узнав, что в конце дня Ленин поедет на Прохоровскую мануфактуру, на «Трехгорку», бросился туда. Он заснял интересные кадры: Ленин около кухни-столовой беседует с рабочими. Рядом с ними стоят товарищи Меркулов, Седой, Владимирский, Беленкий.

18 июля 1920 года для участия в заседаниях II конгресса Коминтерна из Москвы в Петроград выехали В. И. Ленин и Н. К. Крупская. А за два дня до этого в Петроград отбыл в срочную командировку оператор Э. Тиссэ. Ему удалось снять момент вручения Ленину букета цветов, его выступление с трибуны, у входа в Зимний дворец, на митинге, посвященном закладке памятника К. Либкнехту и Р. Люксембург.

Не очень хороши технически, но ценны кадры, снятые в июне — июле 1921 года на заседаниях III конгресса Коминтерна в Москве.

Ленин выступал на этом конгрессе трижды: 28 июня, 1 июля и 5 июля. Его снимали операторы Н. Козловский и Г. Гибер.

Широко известны кадры, на которых Ленин, примостившись на ступеньках, ведущих к сцене, что-то записывает в блокнот. Их снял оператор Г. Гибер.

5 ноября 1922 года в Кремле начался IV конгресс Коминтерна. Ленин долгое время болел и никто не надеялся увидеть его на заседании конгресса. Но 13 ноября Ленин приехал. Устроившись у самого подъезда, его снимал оператор Николай Козловский.

В съемках IV конгресса Коминтерна принимал участие и молодой Александр Литвинов — будущий заслуженный деятель искусств РСФСР, режиссер Свердловской киностудии.

13 ноября 1922 года кинооператоры снимали В. И. Ленина последний раз...

Ленинские кадры входили во многие историко-документальные фильмы, киножурналы.

Известный советский режиссер Дзига Вертов и монтажёр Е. И. Свилова провели большую работу по поискам и выявлению ленинских кинокадров.

Д. Вертовым было создано двадцать три номера «Киноправды» — первого советского киножурнала.

В 1918 году Вертов создает до-

кументальный фильм «Годовщина революции» с кадрами, на которых запечатлен В. И. Ленин. В 1934 году вышел выдающийся фильм «Три песни о Ленине».

Е. И. Свилова в 1939 году сдала в Институт Маркса — Энгельса — Ленина 10 ранее не известных кинодокументов о В. И. Ленине.

Назовем остальные места и время съемок В. И. Ленина первыми советскими хроникерами:

Выступление В. И. Ленина на первомаяском митинге на Красной площади (1 мая 1918 года).

В. И. Ленин и В. Д. Бонч-Бруевич на прогулке во дворе Кремля (16 октября 1918 года).

В. И. Ленин произносит речь на открытии временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу в Москве на Красной площади (7 ноября 1918 года).

В. И. Ленин на открытии мемориальной доски в память борцам, павшим за революцию (работа скульптора С. Т. Коненкова), на Красной площади (7 ноября 1918 года).

В. И. Ленин произносит речь с балкона Моссовета на митинге протеста против убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург (19 января 1919 года).

В. И. Ленин участвует в похоронах председателя ВЦИК Я. М. Свердлов (18 марта 1919 года).

В. И. Ленин на Красной площади (1 мая 1919 года).

В. И. Ленин и Н. К. Крупская выходят из Дома Союзов после заседания Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию (6 мая 1919 года).

В. И. Ленин на Красной площади (7 ноября 1919 года).

В. И. Ленин на субботнике в Кремле (декабрь 1919 года).

В. И. Ленин принял в рабочем кабинете Кремля корреспонденцию американской газеты «Мир» Линкольна Эйра (февраль 1920 года).

В. И. Ленин выступает на Театральной площади на митинге, посвященном проводам красноармейцев на польский фронт (5 мая 1920 года).

В. И. Ленин на X съезде РКП(б) (8—16 марта 1921 года).

В. И. Ленин присутствует в Москве на Бутырском хуторе при испытании первого советского электропуга (22 октября 1921 года).

В. И. Ленин принимает в Кремле американского экономиста П. П. Христенсена (28 ноября 1921 года).

Но еще один раз снимали советские кинематографисты великого вождя революции. Снятые кадры вошли в документальный фильм «Похороны Владимира Ильича Ленина».

У операторов были мандаты за подписью Председателя комиссии по организации похорон товарища

Ленина Феликса Эдмундовича Держинского. Съемки, которые шли в Горках в ночь с 22 на 23 января 1924 года и утром 23 января, проводила группа хроникеров под руководством Дмитрия Бассальго и Сергея Гусева. В группе был и Эдуард Тисса, который вместе с С. Гусевым устроился на паровозе и снял прибытие траурного поезда на Павелецкий вокзал столицы...

**Борис
ЗЕЛИЧЕНКО**

УРАЛЬСКИЙ ЗНАЧОК

Центральный музей В. И. Ленина. Каждый, кто попадает в Москву, обязательно приходит сюда, в это здание на Красной площади столицы. В залах музея тысячи экспонатов, рассказывающих о жизни вождя.

Наряду с предметами, которыми пользовался Ильич, в залах музея экспонируется масса других вещей, которые помогают формировать экспозицию, специфическим языком раскрыть смысл и значение страниц ленинской биографии.

Предметом особой гордости сотрудников музея являются значки, которые носил Ленин, и другие, присланные ему в подарок. В экспозиции залов советского периода внимание посетителей привлекает оригинальный значок, на лицевой стороне которого изображен пролетарий, разрывающий цепи. В руке у него стяг, на котором слова: «Не на год-на два, навеки порваны цепи рабства». На лицевом поле даты: 1917 $\frac{25}{X}$ 1918.

На обороте выгравирован текст: «Вождю пролетариата тов. Ленину рабочий из Перми». Значок выполнен из серебра, красной эмали, инкрустирован уральскими самоцветами.

Пермская газета «Известия Советов рабочих и армейских депутатов» в номере за 31 октября 1918 года поместила заметку, в которой описывается этот значок, в ней говорится, что он переслан с окзакией в Москву Ленину. Здесь же названо имя автора — «т. Петушков, рабочий гравёр».

Кем он был «т. Петушков»? Как сложилась его судьба? Может быть, читатели «Уральского следопыта», юные краеведы смогут пролить свет на эту историю, приподнять завесу времени, рассказать о жизни талантливого уральского умельца?

**Аркадий
СОЛАРЕВ**

ПОРТРЕТ ВОЖДЯ

...В материалах первого Тобольского окружного съезда Советов, состоявшегося в начале декабря 1923 года, встретилась одна интересная запись. В ней говорилось, что представитель Тюменского губисполкома тов. Первухин, открывая съезд, сообщил делегатам, что «...гражданин Терентьев обратился в президиум съезда с просьбой принять сделанный им в дар первому окружному съезду из мамонтовой кости портрет т. Ленина...».

Автор этого портрета — один из талантливых тобольских косторезов Порфирий Григорьевич Терентьев. Его творчество чрезвычайно богато и разнообразно. Интересны его работы по пьесе А. М. Горького «На дне». Хорошо известно скульптурное изображение великого русского писателя Л. Н. Толстого. И вот портрет Ленина. Быть может, речь идет о первом портрете вождя, выполненном в сибирском крае. Дело в том, что первым сибирским портретом Ленина считался скульптурный портрет, выполненный тем же П. Г. Терентьевым в конце 20-х годов.

В Тобольском музее-заповеднике экспонируется много работ местных косторезов разных лет. Здесь же и работы П. Г. Терентьева. Однако среди них портрета, сделанного в 1923 году, не оказалось.

На запрос в Центральный музей В. И. Ленина пришел ответ. В нем сообщалось, что портрет В. И. Ленина, сделанный тобольским косторезом П. Г. Терентьевым в 1923 году, в настоящее время хранится в отделе фондов музея В. И. Ленина. Оказывается, он после закрытия Тобольского съезда Советов был выслан в Москву в дар Ильичу.

В ответе сообщалось, что портрет В. И. Ленина выполнен из мамонтовой кости размером 12,2 × 6,7 сантиметра. К письму была приложена фотокопия. Узнаешь знакомое волевое лицо, крутой лоб, пристальный сосредоточенный взгляд. Морщинки, собравшиеся в уголках немного прищуренных глаз. Под портретом надпись: «Тобольск. Терентьев».

Дальнейшее изучение архивных материалов привело к выводу, что это действительно первый скульптурный портрет вождя, сделанный в Зауралье.

И. ИСАЕВ

ПОДВИГ АНАТОМА

**Семен
БЛИНКИН,
профессор**

Когда я иду в бесконечной чередой людей к Мавзолею Владимира Ильича Ленина, когда в благоговейной тишине всматриваюсь в дорогие черты лица Ильича, мне вспоминается также человек, который сохранил нам облик великого вождя. Я думаю о своем учителе — академике Владимире Петровиче Воробьеве.

Об этом историческом событии так писал профессор В. В. Куприянов. «В. И. Ленин умер в январе 1924 г. В эти траурные дни Советское правительство приняло решение о сохранении его тела. Надо было найти ученых, которые решили бы поставленную задачу. Положение осложнялось тем, что в мире не было специалистов, подготовленных к решению такой задачи. Значит, требовалось выбрать ученого, который обладал бы качествами, нужными для разработки надежных методов, для безошибочного выполнения ответственного правительственного задания. Выбор пал на профессора-анатома В. П. Воробьева.

Председатель Правительственной комиссии по увековечению памяти В. И. Ленина Феликс Эдмундович Дзержинский советовался с наркомом здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко. Были созданы две бригады ученых: одной поручалось проведение бальзамирования, другой — оценка результатов, окончательное заключение. Во главе первой бригады или комиссии по проведению бальзамирования тела В. И. Ленина был поставлен В. П. Воробьев. Другая комиссия включала крупнейших специалистов химиков и биологов. Среди них роль главного консультанта-анатома отводилась В. Н. Тонкову, которого, как и В. П. Воробьева, Ф. Э. Дзержинский знал лично.

Историческое задание было выполнено. Облик вождя, его черты — все было сохранено для потомков.

Бывая в Харькове, я захожу на кафедру анатомии медицинского института. Там в мемориальной комнате хранится урна с прахом прославленного ученого, его труды. Вспоминаются годы, проведенные в

тесном сотрудничестве с ним, все, чем я обязан В. П. Воробьеву. Прошло более сорока лет после его кончины, мне самому уже за семьдесят, но бережно храню память об учителе.

Впервые я, студент первого курса, увидел Владимира Петровича на его вступительной лекции по анатомии. С трепетным чувством переступил я перед лекцией порог «анатомического театра», так тогда называлось здание кафедры нормальной анатомии Харьковского медицинского института. Там был музей, и он ошеломил меня. Какое множество анатомических препаратов! Белые нервные волокна, например, лежали на черном бархате, тем не менее некоторые нервные окончания можно было увидеть лишь с помощью лупы. Эти «ювелирные» препараты были приготовлены профессором Воробьевым. Большое впечатление произвели также препараты нервов сердца, принесшие В. П. Воробьеву и его школе европейскую известность. И вот у этого знаменитого ученого мне выпало счастье учиться!

После музея новое ожидало и в аудитории. Перед глазами студентов была фреска, на которой художник А. М. Любимов изобразил Леонардо да Винчи, изучающего человеческий труп. Эту фреску художник написал в знак глубокого уважения к Воробьеву. Профессор в каждой вступительной лекции обращался к теме «Леонардо да Винчи как анатом».

Забегая вперед, скажу, что мне приходилось слышать самому, когда я стал помощником Воробьева по руководству научной частью Украинского института экспериментальной медицины, как охотно и часто Владимир Петрович рассказывал о своем увлечении изобразительным искусством, о дружбе с художниками и скульпторами, о поездке в Италию, в частности, во Флоренцию, где он не только любовался шедеврами эпохи Возрождения, но и изучал гармонию человеческого тела. Профессор Воробьев был анатомом с душой художника, «поэтом в анатомии», так красиво и впечатляюще он читал свои лекции. Не случайно он преподавал анатомию и в Художественном институте. Воробьев как бы «одохот-

ворил» анатомию, превратил ее из науки описательной в динамическую. Возражая тем, кто считал анатомию наукой «законченной», Владимир Петрович говорил, что природа дает бесконечную изменчивость тончайших структур организма, их надо изучать в единстве с окружающей средой. Изучению нервной системы он посвятил всю свою жизнь. Эту проблему и при его жизни, и после смерти продолжали изучать многочисленные ученики.

Академик Воробьев создал метод макро-микроскопического поля видения. В 1912 году на Международном медицинском конгрессе в Будапеште им был сделан доклад о нервных сплетениях желудка собаки. Макро-микроскопический метод дает возможность почти не нарушать связи между целым и частью, позволяет исследовать целый орган, либо то или другое образование в нем, не прибегая к ножу. Об этом сам В. П. Воробьев говорил так: «Я разработал особые способы, с помощью которых стало возможным ясно видеть не только отдельные нервные стволы, их сплетения, узлы, но и отдельные клетки. Макро-микроскопический метод позволил создать новое направление в анатомии — стереоморфологию, дающую возможность видеть подробности строения тела человека в трехмерном изображении».

Новаторскими были идеи В. П. Воробьева в использовании рентгенографии и рентгенографии в анатомии. Рентгеновские снимки использовались для атласа анатомии человека.

Широта научных интересов В. П. Воробьева выходила за пределы анатомии, его идеи подхватывались физиологами, невропатологами, хирургами. Известность школы Воробьева перешагнула далеко за пределы нашей Родины. Немецкий историк Ширхорст писал, что В. П. Воробьев является основоположником динамической анатомии. Сам Владимир Петрович писал: «Подходя к анатомии с точки зрения борьбы за сохранение жизни человека, ставя вопросы охраны здоровья и жизни подрастающего поколения, пришлось сделать печальные выводы о почти полном незнакомстве анатомов с анатомией растущего поколения.»

В. П. Воробьев

Общественный облик В. П. Воробьева... Не примыкая ни к каким политическим партиям, он был резко настроен против царского самодержавия. Его прогрессивные взгляды начинали формироваться в студенческие годы. Принимал участие в студенческих сходках, а далее, став проректором кафедры нормальной анатомии, он участвовал в работе профсоюза младших служащих Харьковского университета.

Министр просвещения Кассо трижды не утверждал В. П. Воробьева в должности профессора Харьковского, Юрьевского и Варшавского университетов, хотя он был избран на эти должности. Кассо называл Воробьева «красным», политически неблагонадежным, крамольным. Знал бы Кассо и царские жандармы еще и о таком факте, который стал известен лишь после Октябрьской революции. Об этой, крайне интересной странице из биографии Владимира Петровича рассказал один из его ближайших учеников профессор Р. Д. Синельников в книге «Жизнь в науке», посвященной своему учителю.

Зимой 1905—1906 гг. рабочие-подпольщики приходили к Воробьеву... за паспортами, которые поступали в анатомический театр вместе с трупами из городских ночлежек, богаделен, больниц. Фотокарточки у этих паспортов подменялись. «Нетрудно сообразить,— пишет профессор Синельников,— какой большой опасности подвергал себя В. П. Воробьев, давая рабочим паспорта.»

...Весной 1917 г. большевики-депутаты городского Совета рабочих и солдатских депутатов, делегаты партийных ячеек и профсоюзов благодарили своего профессора. В. П. Воробьев был избран депутатом Харьковского городского и областного Советов депутатов трудящихся. В 1935 г. его избирают членом ВЦИК, а в 1936 г. депутатом Верховного Совета УССР.

Вспоминается многое... За годы общения с В. П. Воробьевым я хорошо узнал этого человека. Наблюдал его как научного руководителя, лектора, ученого. Видел его в спокойные и беспокойные дни работы и жизни.

Это был очень импозантный человек с классически профессорской внешностью. Часто замечал, идя с ним по улице, как люди оглядывались на него. Все в нем было притягательным. Даже «чеховское» пенсне, висевшее на черном шнурке, которое то и дело спадало, и он его как-то своеобразно, по-своему, надевал на крупный нос, когда хотел всмотреться в собеседника, слегка наклоняясь в его сторону. От этого создавалось впечатление особой пристальности его взгляда. И даже манера сбрасывать пенсне с носа, когда оно казалось ему ненужным, тоже была своеобразной. Он не снимал его, а сбрасывал немного в сторону, и пенсне повисало на шнурке. Ходил он всегда в хорошо сшитом костюме, в цвет которого был и галстук. Носил высокие крахмальные воротнички. Летом любил (и мне это очень нравилось) носить белый полувоенный китель, на котором ярко горели орден Ленина и значок депутата Верховного Совета. Он был большой эстет во всем. Вообще же мне не раз приходилось слышать от него, что ученый должен одеваться скромно, но, подчеркивал он, с изысканной скромностью.

Когда ему приходилось видеть научного сотрудника института или кого-либо из руководителей лабораторий, особенно клиник, небрежно или неряшливо одетых, на его лице отражалась неприязненность. Он придерживался старинных взглядов, касающихся внешности врача. Врач должен нравиться больному. Это важно и для лечения.

Владимир Петрович не переносил неряшливости ни в одежде, ни в работе. Как анатом Владимир Петрович был мастером тончайшей препаровки органов и тканей, в частности нервной системы. Эта черта была отмечена его учителем профессором А. К. Белоусовым еще в студенческие годы Воробьева. Изучая тончайшие нервные образования, он добивался большой точности и ювелирной виртуозности в работе.

Этому он учил и своих помощников. Поэтому коллектив его кафедры и научной лаборатории славился своими работами у нас в стране и за границей. Препараты школы Воробьева всегда имели большой успех на выставках, съездах и конференциях, привлекая внимание их участников. Крупные анатомы, гистологи и физиологи ряда стран заимствовали методы исследования, разрабатываемые Воробьевым и его учениками.

Как-то за обедом он показал мне свое умение препаровки. Во время обеда у него на квартире мы ели какую-то рыбу, не помню уж какую, но помню, что не очень крупную, которую подавали на тарелке целиком. И вот Владимир Петрович, пользуясь ножом и вилкой, оставил от рыбы один скелет, сохранив остов и все тончайшие косточки. Это был препарат тончайшей, ажурной работы... Очищая, например, кожу апельсина, он из нее делал нечто похожее на красивый цветок. В этих мелочах он оставался верен себе и своему искусству виртуозной препаровки. Казалось, будто он шутя, но все же серьезно тренировал свои пальцы для научной работы. Это было похоже на упражнении пианиста или скрипача.

Этот талант проявился в Воробьеве уже в молодые студенческие годы. Его учитель профессор А. К. Белоусов, руководитель кафедры нормальной анатомии, обратил внимание на талантливого юношу и взял его к себе на должность препаратора кафедры. Случай редкий в науке, когда студент второго курса уже работал на кафедре как штатный сотрудник. И Белоусов не ошибся в Воробьеве, который уже за научные студенческие работы был награжден двумя премиями.

Еще об одной важной черте Владимира Петровича. Он исключительно уважительно относился к тем знакам отличия, которыми награждало его правительство и удостаивал народ. В одном запомнившимся мне случае ярко видна эта черта его характера.

Как-то в Москве мы направлялись с ним поужинать в ресторан. У входа он останавливается и начинает отвинчивать с пиджака орден Ленина и значок депутата Верховного Совета. Все это он аккуратно уложил в карман жилета. «Видите ли, дорогой, не исключается, что мы с вами выпьем лишний бокал вина (а он знал за собой эту человеческую слабость), и настроение может подняться на несколько лишних градусов. Лучше чтобы это было без ордена и депутатского знака». Это было для меня еще одним жизненным уроком, преподанным человеком большой культуры.

В. П. Воробьев, автор прекрасно изданных учебников, удивительных

художественно-научных рисунков к атласу анатомии человека, был влюблен во внешнее оформление книг и рисунков.

Когда мы в Украинском институте экспериментальной медицины приступили к созданию редакционно-издательского отдела, который мне как ученому секретарю пришлось возглавить, Владимир Петрович и здесь учил не только редакторской требовательности к научной ценности книг, но и искусству их оформления. Его интересовало все — и качество бумаги и иллюстраций, художественная идея оформления обложек и супер-обложек.

Благодаря его авторитету удавалось преодолевать многие трудности с бумагой, типографиями и т. д. Благодаря ему было издано много хороших в научном отношении и красивых в смысле оформления книг.

Он вникал даже в такой вопрос, как устройство витрины для выставки изданных нами книг. Был заказан эскиз витрины хорошему художнику, а постройку ее он поручил лично ему известному мастеру-краснодеревщику. И вот на самом видном месте, против входа в вестибюль института была установлена красавица-витрина. Красное полированное дерево, никелированные трубки, стекло легло в основу конструкции этой действительно художественно выполненной витрины-выставки. Внутренняя поверхность витрины и полки были выложены темно-малиновым бархатом, на фоне которого книги выглядели особенно эффектно.

Во всем этом чувствовалась любовь и уважение Владимира Петровича к книге. Это было также для меня хорошим уроком. Такой же вкус и определенные взгляды Владимир Петрович вносил в оформление нашего ежемесячного журнала «Экспериментальная медицина».

Владимир Петрович любил делиться своими мыслями, он как бы проверял себя, высказывая их собеседнику и не переставая переспрашивать: «Так, так?».

Хотелось бы подчеркнуть строгую принципиальность и ответственность академика Воробьева за каждое произнесенное слово. Как-то на приеме у него был профессор — руководитель одной из лабораторий института экспериментальной медицины. Человек очень хороший и порядочный, известный специалист, болеющий за работу своей лаборатории, он жаловался, в частности, на нехватку реактивов и лабораторной посуды, и сказал: «Честное слово, я бы с удовольствием стащил пару хороших колб у более богатых коллег».

При слове «стащил» Владимир Петрович взвился, его нельзя было

узнать. Какие громы и молнии посыпались на голову незадачливого профессора, который всячески доказывал, что пошутил. Но Воробьев был неумолим. И долго Владимир Петрович мне, как ученому секретарю института, присутствовавшему при этом разговоре, повторял: «Подумайте только — стащить колбу! Да как можно говорить такое, даже в шутку». Через некоторое время удалось помирить их, а резонанс этого в институте был велик. Бедный профессор тяжело переживал конфликт.

К чести Воробьева, после ухода профессора он, вызвав заведующего снабжением и аптекарским складом, потребовал доклада о положении дел с химикалиями, реактивами, лабораторной посудой и тут же дал приказ обеспечить лабораторию «злополучного» профессора всем необходимым.

Владимир Петрович был необычайно усидчив за лабораторным столом. Он целыми днями мог работать не вставая. Как-то, условившись о приезде к нему на кафедру, я узнал, что с утра, часов с девяти до двенадцати, он будет работать у себя в лаборатории. Приехав к двенадцати часам, я застал его за лабораторным столом. Он делал тончайшие срезы спинного мозга и окрашивал их различными красками. Он был очень увлечен работой и молча указал мне рукой на стул рядом с ним.

Работа продолжалась, он рассматривал окрашенные срезы в биноклярную лупу и показывал мне. Я тоже занимался окраской микроорганизмов. Владимир Петрович интересовался нашими микробиологическими методами. Некоторые нравились ему, и он, знаменитый ученый, попросил меня, молодого научного работника, научить его методам окраски спиртоустойчивых микробов.

Так прошел час, два, три, а Владимир Петрович продолжал работать. Я тоже забыл о делах, с которыми пришел. Не знаю, сколько бы еще продолжал работать Воробьев, если бы его не прервал телефонный звонок из дома, напомнивший ему об обеде.

И только по пути домой мы поговорили об институтских делах. Он любил повторять: «В науке надо работать неотрывно, до седьмого пота». Так работал он сам, так учил и своих помощников.

И вот этот исключительно усидчивый человек в лаборатории терпеть не мог сидеть за письменным столом и заниматься бумагами. Он предпочитал обсуждать дела, прохаживаясь по широкому вестибюлю института. Здесь я докладывал ему о текущих делах, часто он здесь же подписывал деловые письма и бумаги.

Все знали, как остро реагирует он на многословные и неконкретные отчеты. Он требовал четкости, крат-

кости, деловитости, а самое главное — научной объективности в оценке полученных результатов. Его искренне радовали успехи той или иной лаборатории или клиники. Он «поднимал на щит» талантливых исследователей, всячески помогая, например, в публикациях их в журналах или продвигая их работы в практику. Помню его радость, когда киевский анатом профессор М. С. Спиров показал ему свои замечательные препараты. Они были действительно талантливо выполнены, давали новые научные данные. Он поставил доклад Спирина на заседании института, выступил с оценкой работ профессора и не успокоился, пока его работа не пошла в журнале. Мне, как ответственному секретарю редакции, Владимир Петрович несколько раз напоминал: «Вы уж позаботьтесь, голубчик, чтобы для рисунков была хорошая меловая бумага».

Большой ученый, он не показывал своего превосходства, а наоборот, как он говорил, «поднимал на щит» молодых талантливых исследователей.

Память о замечательном советском ученом живет не только в сердцах его учеников и многих поколений врачей, но будет жить в сердцах миллионов людей, которым академик В. П. Воробьев дал возможность видеть облик Владимира Ильича Ленина в Мавзолее...

● Поисковая группа следопытов из Томска под названием «Сибиряк» прошла по местам боев 19-й гвардейской стрелковой дивизии, сформированной в 1941 году в Сибири. Следопыты из Томска побывали на Синявинских высотах под Ленинградом. Вел группу ветеран дивизии Г. И. Винниченко.

● Музей В. А. Сухомлинского открыт в увинской школе № 3 в Удмуртии. В годы Великой Отечественной войны известный педагог был директором увинской школы. В день открытия музея с родины Сухомлинского пришла посылка с книгами и фотографиями — подарок удмуртским следопытам от учащихся павлышской школы.

● Двадцать первым бойцом студенческого строительного отряда «Волжанка» Волгоградского политехнического института зачислена Клава Панчишкина — комсомолка, подпольщица, погибшая от рук фашистских захватчиков.

● Каждый год 31 января в школе № 1 города Белозерска Вологодской области отмечается день подвига танкиста Ивана Малоземова, выпускника школы. С великим мужеством сражался лейтенант Малоземов: за бои под Сталинградом страна посмертно присвоила ему звание Героя Советского Союза. В деревне Пестово, где родился герой, школьные следопыты укрепили табличку на доме Малоземовых.

● Первый в Новосибирске школьный музей авиации и космонавтики открыт в 190-й школе Советского района города. В обширной экспозиции особый интерес вызывают документы и фотографии, рассказывающие о сибирских авиаторах.

● Две войны прошла знаменитая Пятая армия. В гражданскую, под командованием М. Н. Тухачевского, она освобождала города Урала и Сибири от белогвардейцев; в Отечественную прошла путь от Москвы до Кенигсберга. Музей боевой славы Пятой армии открыт в 16-й школе Копейска.

● Матросовский зал музея средней школы № 9 широко известен в Бийске. Здесь собраны материалы о тех, кто повторил подвиг Александра Матросова.

● Сибирское село Олонки расположено в ста километрах от Иркутска, на берегу Ангары. В эти края был сослан декабрист Владимир Федосеевич Раевский. Он прожил в Олонках срок четыре года. Бережно сохраняет память о нем школьный краеведческий музей. Здесь есть его личные вещи, многие документы, предметы обихода, подаренные старожилами села.

● Обелиски на старых могилах

О трех партизанских могилах на старом сельском кладбище следопыты ромненской школы узнали от старожилов. Могилы с трудом нашли, а как узнать, кто похоронен в них? В музее, архивы полетели следопытские запросы... И вот что удалось узнать.

В декабре 1919 года в Ромнах проходил VII «таежный» съезд трудового Приамурья, объявивший об установлении Советской власти. А бои в здешних местах еще шли. То и дело вспыхивали стычки между красными отрядами и белогвардейцами, еще держались опорные пункты бандитских групп. Одним из таких пунктов было глухое село Тарбагатай. Отряд красных партизан, посланный на штурм села, был встречен огнем. Для многих бойцов этот бой стал последним. От тяжелых ран умер партизан Яков Говоруха. В Тарбагатае принял мучительную смерть от озверевших бандитов его младший брат Антон Говоруха. Позже их перевезли в родные ромненские места и похоронили на сельском кладбище. Третьим партизаном был их односельчанин Иван Баклан, павший в бою под селом Павловским.

На старых партизанских могилах стоят теперь обелиски, увенчанные красными звездами.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Стал музей народным

Новое здание получил Бабаевский народный музей в Вологде. Главный организатор его и хранитель — учительница-пенсионерка Мария Васильевна Горбунова. Много лет создавала она свое детище. Помогали школьники, были добровольные помощники и из числа пенсионеров. Так, например, руками Александра Никаноровича Белозерова полностью воспроизведен интерьер крестьянской избы. Пришли потом старушки из местных жительниц, осмотрели все — и сказали: «Что за изба без зыбки?» Принесли откуда-то зыбку... И ее подвесили.

Есть в музее и макеты ветряной мельницы, колодца с журавлем, устройства для ручного распила леса. Парчовое платье — подвенечный наряд крестьянских невест; из домашней утвари представлены ткацкий станок, мотовило, медный рукомойник, ступа с пестом и вещи, названия которых нынче не каждому и ясны: скобарь, братина, ендова, светец... И все эти экспонаты принесены, подарены музеем вологжанам.

Любительский музей не только носит звание народного. Он народен по сути, по духу своему.

● Поиск ведет Анатолий Кузнецов

Анатолий Кузнецов, студент Читинского политехнического института, увидел фотографию в музее районного городка Балей. «П. А. Баранов, участник Великой Отечественной войны, участвовал в Словацком национальном восстании» — была подпись. Анатолия привлекло лицо фронтовика, заинтересовала странная его судьба, закинувшая русского солдата в далекую Словакию, удивило и то, что больше никаких сведений о Баранове в музее не оказалось.

Студент начал поиск. Сначала вслепую: заходил в каждый балейский дом, писал письма по найденным адресам. Искал в военкоматах, в объединении «Забайкалзолото», где до войны работал Баранов, днями сидел в областной архиве, листал старые подшивки газет... И постепенно предстала перед следопытом судьба советского офицера Павла Александровича Баранова, бежавшего из фашистского плена и объявившегося в Чехословакии под именем «командира Ласкина» — одного из руководителей восстания на Горной Нитре, награжденного многими словацкими орденами и медалями, но не дожившего до Победы.

За свою поисковую работу о земляках участниках войны А. Кузнецов получил диплом на республиканском конкурсе. Это не первая награда студенту за поиск. В 1976 году Анатолий Кузнецов получил грамоту за воссоздание истории комсомола города Балей в 1918—1939 гг.

● Певцы родной земли

«...Земля, подарившая миру хотя бы одного поэта, прекрасна. Ну, а моим городом и вообще всем моим краем, давшим многих певцов России, невозможно не восхищаться», — так написала в школьном сочинении ученица 50-й школы города Ульяновска Ирина Токарева.

«Сонный город» Симбирск дал России стихи Языкова, прозу Гончарова, Аксакова... С его именем связано творчество Д. Д. Михайлова, А. С. Неверова, С. Г. Скитальца, Ф. И. Панферова и многих других писателей и литераторов. Все сведения о них собраны в школьном литературно-краеведческом музее.

...Не на этой ли тропинке, рядом с обрывом, рассталась Вера с Райским? И беседка была... А теперь беседка-памятник стоит на самом высоком месте в Винновской роще. Эти места дороги жителям города, как дорого каждое упоминание о родном крае в произведениях знаменитых земляков. У каждого есть признание в любви к отечеству — как у Языкова в стихотворении «К Рейну»:

Я — волжанин. Тебе
приветы Волги нашей
принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но
Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней...

● Богатства Паланского интерната

Паланская школа-интернат на Камчатке была построена в 1934 году. Лес для нее везли на нартах и доставляли сплавом. Коряжки впервые тогда сплавляли лес: на плоты входили — с жизнью прощались. А как строить дома и вовсе не знали — школу строить приезжали русские плотники.

Не только историю школы знают воспитанники интерната, но и историю всего своего края. Богато представлен в школьном музее исторический раздел: бредни, каменные ножи, берестяные чашки, которыми пользовались жители, населяющие Крайний Север, одежда из оленьих шкур.

Из экспедиций на побережье Охотского моря, на реку Анадырку, в поселок Оссору, на Паланские ключи ребята привезли коллекции горных пород и минералов, почв, гербарии, рога снежного барана. Охотники помогли сделать чучела зверей и птиц, подарили меха горностая, соболя, россомахи, шкуру медведя.

На уроках географии и природоведения учащиеся средней школы-интерната в Палане пользуются своими наглядными пособиями.

КАМБАРСКИЕ КОММУНАРЫ

**Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

*Рисунок
В. Бубеницкова*

Три могучих тополя — прямые стволы в полтора обхвата, густые кроны шапками в поднебесье — как три богатыря былинных, стоят плечо к плечу на округлом полуострове у самой воды и словно думу думают. Молчаливые свидетели былого.

Вдвоем с Петром Александровичем мы огибаем залив, бывшую копань, и выходим на полуостров. В глухих воротах приземистого рубленого дома в двенадцать окон на улицу открываем тяжелую калитку и в середине двора, залитого июльским солнцем, поднимаемся на бугорок. Широкая панорама открылась перед нами.

Поблескивал под солнцем огромный пруд, постепенно сужающийся вправо, к северо-востоку, и тающий там в синеве прибрежных лесов. Слева подпирала громаду вод узкая, стремительно-прямая и, казалось, совсем хрупкая плотина, украшенная решеткой чугунной ограды. За прудом теснились по взгорку деревянные дома Заплотины, одного из районов Камбарки¹, а по нашему берегу, где полуостров, — цехи машиностроительного завода и кварталы городского центра. Ниже плотины вилась серебристой змейкой речка Камбарка, бегущая в Каму...

— В этом доме, — Петр Александрович глянул в сторону двенадцати-оконного здания, — были теоретические классы. Теперь — детский сад. А здесь стояла паровая машина. Возле нее и колдовал Александр Михайлович Татаринов, а я помогал ему.

От машины к главной трансмиссии токарно-механических мастерских тянулась канатная передача. В том же помещении находилась и слесарная мастерская. Левее стояла кузница с вагранкой, возле них — кладовка, а под тополями — двухэтажный дом инспектора школы. Он посадил и тополя, и акацию. Ни одного из этих зданий не сохранилось, погибла акация, а тополя — живут...

Большой дом на полуострове был построен в 1896 году для школы ремесленных учеников. В 1920 году здесь открылось профтехучилище. Через год его заменила школа-коммуна. Она преобразовалась в профтехшколу, а затем — в школу ФЗУ «Уралмашиностроя».

¹ Город Камбарка — районный центр Удмуртской АССР. Возник как поселок демидовского железодельного завода, построенного к 1767 году. До 1923 года — центр Камбарской волости Осинского уезда Пермской губернии. Потом — центр Камбарского района Сарапульского округа Уральской области.

Беспризорники

Из воспоминаний Тараса Антоновича Бузилова

В сентябре 1920 года ко мне в село Балаки приехал из Камбарки Доментян Родионович Марканов, бывший балакинский учитель, а теперь заведующий школой-интернатом для беспризорных детей, открывающейся в Камбарке. Он предложил мне перейти в школу-интернат учителем-воспитателем.

Татьяна Сергеевна Марканова, супруга Доментяна Родионовича, уже передавала мне это приглашение, но я отказался. После смерти родителей, замученных колчаковцами за то, что я и мой старший брат Тимофей ушли добровольцами в Красную Армию, на мои плечи легли заботы о четырех малолетних братишках и сестренках.

Мне шел восемнадцатый год. Я окончил четырехгодичную начальную школу в Балаках и трехгодичную школу ремесленных учеников в Камбарке, дающую общее образование примерно в объеме семи классов. Татьяна Сергеевна согласилась подготовить меня для сдачи экзаменов экстерном на звание учителя.

Я уже вынашивал грандиозные планы превращения своей школы в подлинно трудовую социалистическую школу, в культурный центр села.

— Тарас! — решительно заявил Доментян Родионович. — Я за тобой приехал. Бросай свою деревню и собирайся в Камбарку. Ты член партии, фронтовик, учитель. Кому, как не нам с тобой, воспитывать беспризорных детей и растить из них сознательных граждан рабоче-крестьянской республики?! Или ты думаешь, старые учителя возьмутся за это трудное дело? Не хотят, боятся.

Слушаю Доментяна Родионовича и вспоминаю прошлогодний август в Сарапуле. На мне солдатские ботинки с обмотками, брюки галифе, гимнастерка, шинель в скатку, а в кармане бумага: «Красноармеец 28-й Азинской дивизии Бузилов Т. А. 1902 года рождения участвовал в боях с Колчаком на Урале и ныне, как не достигший призывного возраста, увольняется из рядов РККА».

Я жду попутного поезда на Камбарку. Город, недавно освобожденный от белых, переполнен красноармейцами и разношерстным людом — беженцами, эвакуированными, мешочниками. И в этой людской пестроте всюду мелькали дети. Босые, оборванные, бродили они по улицам и по базару, ютились на вокзале и на пристани, прятались под лодками на берегу Камы, спорили, порою дрались. Их выгоняли из вокзала или дебаркадера, они пробирались в вагоны, на пароходы, прятались под

лавками, в трюмах, забирались на крыши вагонов, на тормозные площадки и ехали «зайцами» туда, куда их везли... Выпрашивали подавание, а то и шарили по карманам и котомкам пассажиров, за что их нещадно били.

На базарной площади у Камы мальчишка лет двенадцати, скрестив босые ноги и раскачиваясь маятником, тянул душераздирающим дискантом: «Пазабыт, пазаброшен с молодых юных лет, я остался сиротой...» У его ног валялась рваная шапка, в которую бросали кто картошку, кто луковицу, а кто — ломоть хлеба.

Тут же, у парапета церковного собора, два оборванца лихо отплясывали трепак под затейливый перестук на деревянных ложках третьего. Толпились зеваки. Один из плясунов взял в руку кепку без козырька и пошел по кругу, в диковатой улыбке скаля зубы и выкрикивая с украинским акцентом: «Храшдыни и храшданочки...» Он явно копировал кого-то, возможно, бродячего циркача, и делал это по-детски серьезно, видимо, полагая, что его кривляния забавны для публики. Бросились в глаза его чуть кривые ноги колесом и большая, с плеча взрослого, бархатная жилетка...

Доментян Родионович скользнул взглядом по моему столу и усмехнулся:

— Я вижу, Тарас, ты устраиваешься для спокойной жизни. Кабинет уютно обставляешь, книгами обогатился, далекую перспективу наметил! А вот сегодня, сейчас возьматься за трудное дело испугался?!

Пытаюсь возразить:

— Трудностей я не боюсь. Но ведь и в деревне кто-то должен работать, учить и воспитывать крестьянских детей. Притом и мне самому надо учиться...

— Вот-вот! — перебил меня Доментян Родионович. — С этого мы и начнем в Камбарке! Будем вместе и учиться, и создавать новую трудовую школу. Одному тебе не справиться с педагогической наукой, а в коллективе — лучшая учеба...

Брат Тимофей после ранения на Западном фронте вернулся домой. Я передал ему детей, хозяйство, старшей сестре — своих учеников в школе, и через неделю уже работал в интернате, определив туда и одиннадцатилетнего брата Анания.

Из рассказа Степана Матвеевича Шумилова

Тяжело мне вспомнить детство. Я не знаю, сколько мне лет. В городе Осе младенцем попал я в сиротский приют. Подобрала меня его

хозяйка, добрая женщина. Пошла она к осинским толстогосумам, один из них согласился стать моим «хозяином», дал женщине сколько-то денег, обещал и впредь оплачивать мое содержание в приюте до девяти лет. Потом я перешел бы к нему в работники, будто крепостной. У каждого приютского имелся вот такой «хозяин». Он выбирал ему и имя. А в приюте обходились кличками, меня звали Семнадцатым,

Добра была наша старушка, а все же не мать. Не ведали мы тепла домашнего очага. Жили — всяк по себе, со своими думами и бедами. Не оделся — никто тебя не оденет, не поспел к столу — еду тебе не оставят.

Однажды собрала нас добрая женщина и говорит:

— Вот я сварила вам последнюю картошку. Поешьте и ступайте, кто куда хочет. Мне содержать вас больше не на что...

Получили мы волю, а радости нет. Началось беспризорничество. С другом набрели мы как-то на солдатскую кухню. Помогли повару дров нарубить, воды из колодца принесли, а он накормил нас горячим супом. На другой день нашли другую кухню. И здесь помогли повару, и тоже получили по миске супу и по краюхе хлеба. Потом узнали: те были белые, а эти — красные.

Красные ушли. Начали мы воровать. В новой компании дали мне новую кличку — Нечетный, а моему другу — Сыч: глазаз он был и во время дела стоял всегда на шухере.

Вернулись красные. Ночью мы обокрали сторожа, спрятались под мостом через Осинку. Тут нас и накрыли. Попал я в детскую колонию под Камбаркой. Неожиданно встречаю своего друга. На радостях кинулся к нему:

— Сыч!

А он и отвечает:

— Я уже не Сыч, а Михаил Сергеевич.

Гляжу на него и ничего не понимаю: я ведь думал, меня опять привезли в колонию, а оказалось, что это школа-коммуна! Здесь врачи определили мой возраст: 12 лет. В честь Степана Разина дали мне имя Степан. За мой беспокойный характер получил я фамилию Шумилов. Почему Матвеевич — не помню.

Из рассказа Александра Михайловича Стрижевского

Я родился в Камбарке в 1909 году. Отец работал на заводе. Наша изба стояла на самом краю Заплотины у железной дороги.

В 1917 году отца взяли на войну, и больше о нем мы ничего не слышали. Осталось нас у матери четверо: Тася, потом я, еще Лиза и Вера — малютки. Источник пропитания — огород. Земля — голый песок. Сажали картошку. Овощи росли плохо. Хлеба нет. И пошел я по деревням с протянутой ладонью. Котомка на лямке через плечо, лапти на ногах, в руке — палка.

Зимой избу топить надо. Запрягался я в санки, и в лес за валежником. Летом распределяли обязанности: я с матерью ношу дрова из леса вязанками, а Тася милостыню

собирает, хлеб, значит. По грибы, по ягоды ходили — солили, сушили их. Щавель, дикий чеснок рвали. Так и перезимуем. Дотянули до весны двадцать первого года. Снег рано согнало, сушь. Картошка не взошла. Кругом неурожай, голод. Тася уже не приносила хлеба. Питались люди травой и древесной корой. Снимут кору с молодого ильма, очистят от верхнего слоя, а мягкую болонь на рубят топором на крошки. Высушат, смелют, и эту пушистую розовую муку замешивают с лебедой или тертым картофелем и пекут лепешки. Съешь гору их, живот вздуется, а через час еще больше есть захочешь.

Собак ели, кошек, ворон...

Продала мать избу за два пуда ржи.

Как-то вернулась она из Камбарки и говорит: берут меня в коммунию. Я было в слезы, перепугался, будто меня одного в темном лесу оставляют. Лизу и Веру уже взяли в детдом, Тася ушла в кухарки к богатому мужику. И мать подыскала себе работу. Не стало у нас семьи.

Отправился и я в новую жизнь...

Воспитанники

Из воспоминаний Тараса Антоновича Бузилова

...Уже смеркалось, на дворе подмораживало, ветер заметал в подворотни горсти снега. Милиционер привел в школу тройку путешественников, снятых с поезда: девочку лет семи в валенке на одной ноге, калоше — на другой и двух мальчишек, на одном из которых поверх рваной косоворотки была надета большая бархатная жилетка. Я глянул на его чуть кривые ноги колесом и узнал плясуна с базарной площади в Сапуле...

— Принимай пополнение, Тарас! — сказал мне Доментиан Родионович. — Эти будут твоими.

Все надо было делать сразу, все в первую очередь: постричь и помыть детей, одеть, обувь, накормить, посадить за парту и учить грамоте и труду. Увлечь бы этих детей интересным делом. Но как и когда? Нам было еще не до уроков — у нас не только парты или учебника, не было и одежды, обуви, постелей, посуды... И продуктов не было. Ничего не было у нас, кроме голых стен.

Первую ночь моя тройка вместе с другими детьми, поступившими в школу в тот день, спала на полу канцелярии.

А утром закипела работа. Иван Васильевич Щекалев, столяр, наш инструктор производственного обуче-

ния, мастер на все руки, вместе со старшими мальчишками пилил доски и сколачивал из них топчаны. Окна училища, в котором колчаковцы устроили свои казармы, зияли пустотой. Стекла купить невозможно. И тогда Иван Васильевич, переставляя от окна к окну высокую лестницу и орудия на морозном ветру ножовкой, стамеской и алмазом, вделал в рамы дополнительные переплеты. Кое-как, из обрезков, застеклили окна. Набили матрацы и подушки соломой. Ваня Халупов — так звали плясуна в жилище — колоч возле бани сосновые поленья. Увлекся, с его лица исчезла диковатая гримаса, глаза потеплели. Видно, и дома он держал в руках топор.

В маленькой баньке мыли детей. Мыла, конечно, не было, его заменяли зольным щелоком.

Купили машинку для стрижки волос, и старшие воспитанники охотно исполняли роль парикмахеров.

Приобрели швейные машины. Самы шили наволочки, белье, платья и рубашки.

Одеяла составляли из лоскутков. Стегали стрепками льна.

Всю старую, поношенную одежду и обувь мы чинили и пускали в дело. Кухонную посуду собирали по всему поселку. Консервные банки приспособляли под кружки.

Продукты питания добывали сами. Цены на рынке держались фантастические: пуд муки — восемь миллионов рублей, фунт мяса — четыре тысячи, фунт соли — миллион. Отпускали же нам на содержание школы тысяч четыре в год, этих денег не хватало на заработную плату учителям.

Волисполком передал школе конфискованные у буржуазии вещи: гобелены, шелк, модные туфли, фарфор. На них выменивали у спекулянтов продукты.

Учебные мастерские на полуострове превратили в подсобное предприятие. Отливали колесные втулки, вытачивали железные концы колесных осей и сбывали камбарским кустарям-экипажникам. Ремонтировали сельскохозяйственные орудия.

Выручка мастерской пополняла бюджет школы.

С весны 1921 года занялись полеводством и огородничеством. Приобрели коров и рабочих лошадей. Волисполком передал школе бывшую купеческую пасеку. И теперь девочки доили коров, мальчики работали на конном дворе. Конюхом поставили самого старшего воспитанника, балакинского сироту Артамона Прохорова, паренька лет пятнадцати. Был он плечист, имел силенку, носил традиционную леснуху — рубаху балакинских косачей-лесорубов и углежогов из домотканого полотна, не знающего износу.

Заметил я, что Степан Шумилов интересуется пчелами, и мы назна-

чили Степана пасечником, а его помощником — Колю Федорова.

Повар Нюра Ветешкина, вдова красноармейца, выпекала в школьных печах хлеб караваемы из муки, которую получали по нарядам на Трегубовской базе, километрах в сорока от Камбарки. Наряды приходили в школу нерегулярно, и однажды я вернулся из Трегубовки порожняком: управляющего на месте не оказалось, а кладовщики не решились выдать муку без документа.

В поддевке, перешитой из шинели, изрядно продрог я в саях за долгую дорогу. Крепко пробрал меня Доментиан Родионович:

— Как ты мог возвращаться без муки? Завтра нечего будет класть в квашонки! Детей оставим без хлеба? Надо было доказать, настоять!

Оправдываюсь:

— Подходил к одному-другому, просил, доказывал...

— То-то, что подходил, а не требовал. Посылаю завтра Татьяну Сергеевну. Увидишь: привезет она муку! И тебе не стыдно будет?

Татьяна Сергеевна муку привезла. Для меня это было хорошим уроком.

Даже в голод кормили мы детей три раза в день — завтрак, обед, ужин. Не богато, не до отвала, как говорится, но ничего. Мясное готовили только в большие праздники. Сахару, конфет, печенья дети не видели. В торжественные дни выдавали им по столовой ложке меду и по булочке, выпеченной из пшеничной муки простого размола.

Тертая сушеная морковь и обжаренные зерна ячменя заменяли чай и кофе. Заваривали кипятком и пили с молоком.

Мальчиков и девочек в школе было примерно поровну. Кроме русских, были украинцы, белорусы, татары, евреи. Метрик ни у кого не было. Иные не знали своего возраста. Тогда мы приглашали медицинских экспертов. Девочка, которую милиционер привел в школу вместе с Ваней Халуповым, не помнила своего имени. Назвали ее Октябрьной...

Коммунары

Из рассказа Александра Михайловича Стрижевского

Меня посадили сразу в третий класс: второго не было, а в первый я ходил одну зиму. В школе-коммуне все пришлось мне по душе. Учительница Мария Афанасьевна Манохина относилась к нам по-матерински ласково. И мы отвечали добром на добро.

Тарас Антонович преподавал обществоведение. От него услышал я впервые, что значит революция, буржуазия, пролетариат, кто был Владимир Ильич Ленин...

И вдруг опять случилась беда: директор приказал исключить меня из школы...

Меня и Васю Шапкина послали пасти лошадей. Угнали мы их за прокатный цех, стреножили и пустили на луг. Сами сели на траву, беседуем. Вася рассказал, как умерла его мама и как он попал в школу. Я начал рассказывать о своей семье, как жили мы без отца. Тут ударили колокола церкви, что стояла на берегу пруда. Вася усмехнулся и сказал сердито:

— Опять зазвонил долговолосый обманщик людей!

Я возмутился. Как и моя мать, был я тогда шибко верующим. Вася и давай хохотать над моей религиозностью, обозвал меня дураком. Я в драку, ну и отужил его...

Исключили бы меня, да вступился за меня школьный исполком. Лишь на третий год избавился я от веры в церковь и попов. Много беседовали с нами на эту тему. Но одно событие как-то сразу отсекло в моей душе старое от нового. Расскажу об этом.

Сообщение о кончине Владимира Ильича Ленина все мы, ученики и учителя, восприняли с невероятной скорбью. Все плакали и пришли в полную растерянность: как будем жить без Ильича? Ведь такой человек на свете только один...

22 января всей школой пошли на площадь, где уже собралось множество людей. День выдался холодный, но все стояли, не шелхнувшись. С трибуны произносились скорбные речи. Люди вздыхали, некоторые громко плакали, особенно после речи, произнесенной Тарасом Антоновичем.

Вернулись в школу — не знаем, за что братья. Тогда учительница говорит:

— Сейчас, как никогда, весь наш народ, каждый человек, каждый из нас должен стать еще сильнее, дисциплинированнее и показать себя верным ленинцем. Тогда мы достигнем цели, и Советская власть будет непобедимой.

В том году в числе первых двадцати трех воспитанников на торжественном собрании посвятили меня в пионеры. И вот когда наш отряд прошел с барабанным боем ровным строем по улицам Камбарки и все жители вышли из домов и приветствовали нас, ощутил я то огромное расстояние, которое пролегло между мальчонкой в лаптях, бродящим по деревням с котомкой на плече, и этим школьником в белой рубашке и с красным галстуком на груди.

О моих товарищах расскажу. Каждый из них запомнился мне

чем-то своим, особенным: характером, поступками.

Паша Иванов любил поэзию, но отличался он еще и страстью к рыбалке. До тонкостей знал это дело. Бывало, мы косить, а он удить, и на обед для всех — уха.

Петр Малых был способным в учебе. А как он рисовал! Замечательные портреты воспитанников сделал он. Мы звали его Художником.

Ананий Бузилов любил читать сказки и рассказывать товарищам о необыкновенных приключениях и похождениях сказочных героев, за что и получил кличку Ананий-Базарий-Косые Сапоги — до имени книжного персонажа. Соберет нас в кружок где-нибудь в укромном уголке, и примемся мы воображать себя отважными следопытами.

А порою требовалось проявить отвагу и у себя в школе. В августе, когда убирали хлеб, остались мы дежурить на пасеке: учитель и четыре воспитанника. Сидим в избе у окна и рассказываем истории. Под окном две телеги, у каждой лошадь привязана — Гнедой, старик уже, и Буланко, молодой конь, наш любимец.

Вовсе темно стало. Коля Пушин и говорит:

— Вон у ульев огонек...

Видим, вроде бы сигарку кто-то там курит на ходу. Вдруг лошади шархнулись, на террасе шаги слышались... Учитель говорит:

— Он не один, сидите тихо, не выходите.

Вдруг вижу я, что Буланко уходит: кто-то тянет его за поводок.

— Айда спасать Буланко! — кричу ребятам, а сам на выход. Все бросились за мной.

Бежим вслед лошади. По земле возжа волочится, а впереди, среди стволов, маячит силуэт человека. Наступил я на возжу, Буланко остановился, а вор — бежать.

Учитель сказал:

— Так делать опасно, вы рисковали жизнью, а я за вас в ответе.

На следующий день директор школы в приказе объявил нам благодарность за спасение лошади.

Школа-завод

Из воспоминаний Тараса Антоновича Бузилова

К весне 1926 года воспитанники закончили курс обучения в школе. Одних мы направили работать на производство, других для продолжения образования в Сарапульский и Воткинский техникумы, у третьих нашли родителей. Проводили мы и Колю Халупова — откуда-то из западных районов страны приехала

за ним мать. Уехал к матери в Сарапул и Александр Стрижевский. Большая группа ребят переехала в Сарапульский детгородок, где они учились уже в средней школе. Артамона Прохорова проводили на действительную военную службу.

Осталось пятьдесят старших воспитанников, которые и составили костяк коллектива школы, которая стала называться профессионально-технической. Приняли в профтехшколу еще тридцать подростков из Камбарки. Ребята теперь получали стипендию и учились три года по специальностям слесаря, токаря, столяр-модельщика, литейщика-формовщика.

Денег нам давали по-прежнему только на заработную плату учителей. И тогда в райкоме партии и в райисполкоме решили создать школу-завод.

Мастерские школы-коммуны на полуострове уже обветшали, да и производственные площади их были маловаты. И тогда мы сами — мастера, инструкторы, наши ребята-учащиеся — оборудовали новые цехи в каменных зданиях, принадлежавших камбарским купцам Вавиловым: столярный, слесарный, механический. Чугунолитейный цех разместили в бывшей конюшне.

Опытный камбарский печник Малых, по прозвищу Шубара, сложил кирпичную вагранку. Мастер школьных мастерских Михаил Васильевич Щербаков, истинный русский умелец, склепал и смонтировал кожух вагранки и все воздухоудное устройство. Осталось поднять на крышу и установить на место семиметровую газоотводную трубу, склепанную из толстого листового железа. Никто не решался взяться за эту операцию, так как кроме легкой тали никаких подъемных механизмов у нас не было. Почти в шутку предложил я плотнику В. Е. Соколову поднять трубу.

— Поднимем,— спокойно сказал он.

— Как же вы будете поднимать такую махину? — заинтересовался я, считая, что плотник ответил мне шуткой.

— А это наше дело! — улыбнулся он в усы.

Договорились об условиях, а наутро труба стояла на месте. В. Е. Соколов с двумя рабочими при помощи нашей легкой тали выкатил трубу наверх по двум наклонным жердям, нижними концами вкопанными в землю. На верхних концах жердей, где была прикреплена таль, перехватили трубу веревкой посередине, сбалансировали ее, перевернули на попа и опустили на подготовленное основание.

Вагранка работала хорошо. Рядом установили копер и крошили им чугунный лом для вагранки.

Мы делали подъемники и курженины к мельничным жерновам,

замки к железнодорожным стрелкам, скаты вагонных колес для узкоколейек, валы для лесопилок, втулки к тележным колесам, железные кровати, ремонтировали и сельскохозяйственные машины. С нашими цехами кооперировались камбарские кузнецы-кустари.

Учебный комбинат

Из рассказа Александра Михайловича Татарнинова

В 1930 году — дело шло уже к осени — приходит ко мне на гидроэлектростанцию, где я дежурил, Тарас Антонович Бузилов: я не удивился его появлению. Электростанция строилась при его активном участии, когда он был еще секретарем райкома, да и лично мы были давно знакомы: еще до революции вместе учились в школе ремесленных учеников, работали вместе в школе-коммуне. Пришел он и говорит:

— Ты ведь знаешь, что коммуна наша стала школой фабрично-заводского ученичества Уралмашиностроя. Мы приняли уже двести учеников. Еще триста ждем из Ирбита. А вот учителей по специальным предметам нет. Возьмись-ка ты преподавать основы токарного дела и технологию металлов.

Согласился я. Петр Малых, выпускник профтехшколы, заступил на мое место на электростанции. Получил я должность старшего инструктора и помощника заведующего производственным обучением — Петра Александровича Плешакова.

Из воспоминаний Тараса Антоновича Бузилова

В Уралобком попал я уже вечером, но заведующий промышленным отделом оказался на месте. Выслушал меня и тут же позвонил на Уралмашинострой.

— Находка вот тут у меня для вас имеется,— сказал он начальнику производства.— Паренек из Камбарки приехал и не знает, кому предложить действующую профтехшколу. Да-да! Как раз то, что вам нужно — по обработке металла и дерева...

На другой день я был на строительной площадке Уралмаша, а еще через день получил приказ о преобразовании нашей школы в школу ФЗУ Уралмашиностроя и о назначении меня ее директором.

...В 1930 году мы приняли триста ребят, бывших беспризорников из Ирбита. В 1931 году открыли при школе шестимесячные курсы слесарей и токарей для взрослых на три-

ста пятьдесят мест. Так наша маленькая школа превратилась в большой учебный комбинат Уралмашиностроя.

Пришлось опять расширять цехи, строить новые общежития, столовые, учебные кабинеты...

Уже осенью 1930 года отправили мы на Уралмаш первую группу выпускников из тех ребят, которые начали учебу еще в профтехшколе. Поехал и я с ними. Начальники цехов ждали от нас уже взрослых рабочих, а я привез им юнцов. Зато подготовкой ребят они остались довольны.

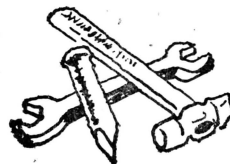
В июле 1933 года, когда Уралмаш вступил в строй действующих заводов и при нем открылся новый учебный комбинат, Камбарскую школу ФЗУ преобразовали в Камбарский литейно-механический завод, ныне — машиностроительный. Петр Александрович Плешаков стал главным инженером завода, а его первыми рабочими — Степан Матвеевич Шумилов, Иван Павлович Лопаткин и другие бывшие коммунары.

Дорогая память

Письмо уралмашевцев камбарским машиностроителям тиснено золотом:

«...мы до сих пор помним и благодарны вашему заводу за подготовку кадров для Уралмаша в период его становления, чем вы оказали существенную помощь в пуске в эксплуатацию гиганта тяжелого машиностроения».

ОТ АВТОРА. Для написания этого очерка использовались воспоминания Т. А. Бузилова «История г. Камбарки», «Камбарская школа-коммуна. Профтехшкола. Школа ФЗУ», его письма автору, а также письма П. А. Плешакова, А. М. Татарнинова, А. М. Стрижевского, И. П. Лопаткина.

Избы с жар-птицами

**Евгений
НОВОСЕЛОВ**

*Фото
А. Березовского
и А. Нагбина*

Иван Данилович САМОЙЛОВ, директор музея народной уральской живописи в с. Нижняя Синячиха.

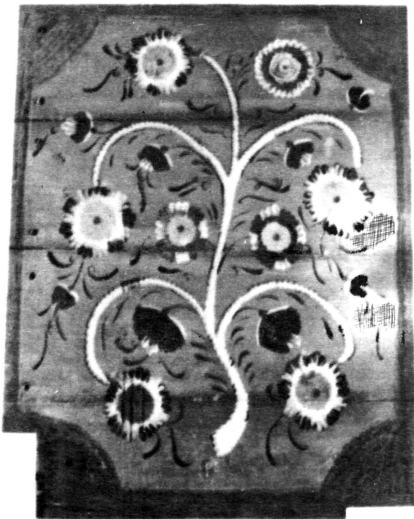
Живет в Алапаевске интересный человек — Иван Данилович Самойлов, работает главным инженером-землеустроителем районного управления сельского хозяйства. Но стоит поговорить с ним, как Самойлов раскрывается в другом своем качестве — тонкого знатока уральской росписи. За последние годы Иван Данилович собрал обширную и уникальную в своем роде коллекцию

белых горниц, дверей, заборов, грядок, прялок, расписанных удивительной красоты цветами и птицами...

Иван Данилович родился в деревне Исаково — в 15 километрах от Алапаевска. Отец его — Данила Николаевич — потомственный хлебороб, в 30-х годах вступил в колхоз. Семья Самойловых немалая — восемь человек, жила в небольшом домике,

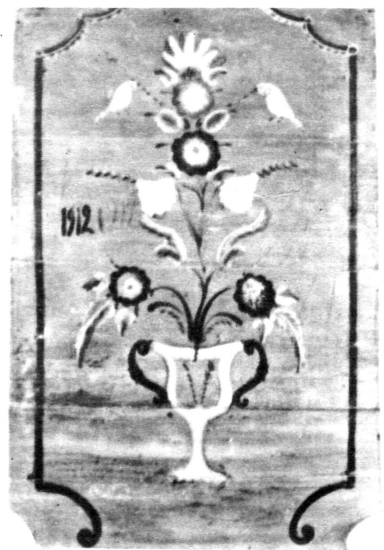
1.

2.

3.

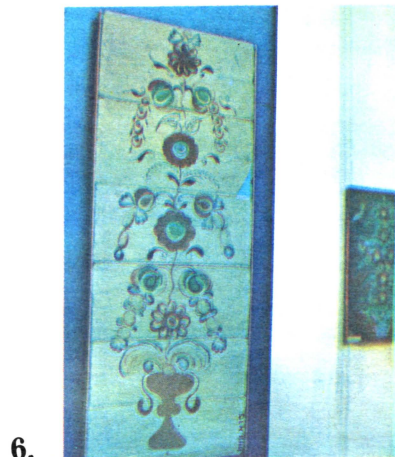

4.

5.

1. Роспись потолков. В. К. РЯБКОВ, дер. Камельская, 1897 г.
2. Роспись простенка. Неизв. автор, дер. Москалка, 1912 г.
3. Роспись простенка. Братья Егор и Павел МАЛЬЦЕВЫ, дер. Мезень, 1910 г.
4. Роспись простенка. Неизв. автор, дер. Катышка, конец XIX в.
5. Фасад белой горницы. Братья МАЛЬЦЕВЫ, дер. Мезень. Реконструкция художника Л. КЕЙТА.
6. Роспись простенка. Неизв. автор, с. Арамашка, 1911 г. Реставрация И. Д. САМОЙЛОВА.

6.

Подпалатная роспись. Неизв. автор, дер. Катышка, конец XIX в.

разделенном на две избы. Зиму коротали в одной, на лето переходили в другую, они так и назывались — «летняя», «зимняя». Зимняя изба, рубленная в середине прошлого века, была расписана в 1894 году.

Самое яркое из детства: птички в простенках. Необычные, на красно-оранжевом фоне, они пленили воображение мальчика. Длинными зимними вечерами Иван Данилович пытался срисовать их, старательно вы-

водя все детали. Изучив птичек, юный художник обратил внимание на весь рисунок. Его заинтересовало: почему птички порхают только на простенках? Почему их нет на потолке, на заборках?

— У кого весь дом в цветах, те — богатые, — так объяснил мальчику дедушка Николай Алексеевич. — У нас, сам видишь, семья большая, денег только на простенки хватило...

Грянула Великая Отечественная война. По фронтовым дорогам Иван Данилович прошел от Можайска до Кенигсберга, за ратные подвиги награжден орденами и медалями. Домой вернулся в 1946 году, и сразу стал работать помощником землеустроителя. В послевоенные годы Самойлов много учится, — заочно закончил сельскохозяйственный техникум, затем Московский институт инженеров-землеустроителей.

Красота, запавшая в душу в детстве, жила в нем все эти долгие и трудные годы. В годы войны, да и позднее, когда учился в институте, Самойлову часто приходилось бывать в Москве. Его прежде всего тянуло в музеи, театры, на выставки произведений художников: хотелось пополнить свои знания по искусству и живописи. Он не только смотрел и слушал, многое читал и изучал. И сейчас, разъезжая по селам и деревням, Иван Данилович разыскивает дома, в которых сохранилась домовая роспись. В записной книжке появляются названия деревень, фамилии хозяев, год росписи и ее авторы, рядом — фрагменты рисунка. Для чего? Отчета себе не давал, просто видел художественную ценность и не мог пройти мимо нее равнодушно.

А дома попадались удивительные, редкостные! Многие из них постройки конца XIX и начала XX веков. Возраст, иных — сто-сто двадцать и более лет. В селе Ярославском, в доме Т. П. Ветлугиной сохранилась расписная дверь в горницу работы неизвестного мастера конца XIX века. В деревне Мизень нашлась белая горница, авторы которой братья Мальцевы — Павел и Егор — известные уральские мастера. Роспись сделана в 1904 году. Более восьмидесяти изб взял на учет Самойлов. Все они «дышали на ладан»...

В те годы заметно крепились колхозы. В деревнях строятся новые дома, в них устанавливается современная мебель. Крашенные стены и потолки не удовлетворяли хозяев, во-первых, потому, что потемнели и поблекли краски, во-вторых, рисунки — признак старой дореволюционной деревни, а советский крестьянин хотел жить по-новому, по-городски. Он стал белить стены, расширять комнаты, удаляя заборки, лавки, кухонные грядки, полати и голбцы. Вместе с ними исчезали и драгоценные реликвии...

Надо было спасти художественные ценности. Но как? Иван Данилович пишет письма хозяевам: сообщите, когда предполагается провести ремонт дома и какая будет произведена перепланировка комнат. Переписка не дала ожидаемых результатов: избы по-прежнему пускали на дрова, белили, перестраивали. Начать сбор экспонатов подтолкнул один случай...

Вьюжной зимой 1959 года Самойлов поехал в деревню Пешково, в колхоз «Красный Урал» на отчетное собрание. Когда оно закончилось, Ивана Даниловича пригласил переночевать Александр Федорович Пешков. Пришли в дом поздно. Под навесом, освещенном электрической лампочкой, были разбросаны поленья, нерасколотые чурки. Глянув на них, Самойлов увидел яркие цве-

ты. Что это?! Смутная догадка поразила его. Не обращая внимания на хозяина, Иван Данилович начал лихорадочно перебирать дрова. Через минуту стало ясно: распилены детали внутреннего убранства с росписью. Какими словами выразить волнение и горе гостя! Хозяин смущенно разводил руками, топтался на месте, и чтобы искупить вину, предложил:

— Вон простенок не успел распилить. Можешь забрать, Дарю!

После этого события Самойлов, бывая в деревнях, снова заходил в знакомые избы и просил продать или подарить доски с рисунками. Многие хозяева и продавали, и дарили.

Однажды узнал: в деревне Мизень разламывается дом с хорошей росписью. Не медля ни дня, Иван Данилович помчался на мотоцикле. Приехал вовремя. Дом уже стоял без крыши, зато внутренняя отделка была цела. Однако из беседы с хозяином он узнал: некоторые доски с рисунками вывезены в соседнюю деревню Клевакино и из них сделан загон для свиней. К счастью, они еще не пострадали. После долгих препирательств, уговоров хозяин соизволил продать ненужные ему доски. Так постепенно, с большими хлопотами и расходами, собиралась коллекция.

В 1966 году И. Д. Самойлов избирается председателем районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С тех пор он действует уже от имени общества. Его инициативу по спасению уральской росписи поддержал председатель исполкома Алапаевского районного Совета народных депутатов С. К. Шубин.

— Особенность уральской росписи, — рассказывает Самойлов, — как и любого народного искусства, состоит в том, что человек создавал рисунки прежде всего для себя. Он непосредственно выражал мысли и чувства народа, характерные черты его быта и окружающей природы, среди которой жил и трудился. Отсюда самобытная оригинальность, непосредственная наивность росписи. Жизнь крестьянина в прошлом веке была нелегкой, и он стремился хоть чем-нибудь ее скрасить. У некоторых домов довольно мрачный внешний вид, но стоит зайти в комнату, как происходит удивительное превращение. Попадаешь в особый мир, где простенки, стены, потолки, заборки украшены необычными цветами, птицами. Тут и незамысловатые сцены — кругом цветы, а мужик едет на санках, чаепитие, гуляние молодежи, паровоз с вагонами. Часто встречаются совы, филины, жар-птицы. Все это на оранжево-красном и голубом фоне. Цветные занавески и полосатые, домашней работы половики гармонируют с общим радостным настроением росписи. От полы-

хающего огня красок, пестроты солнечных бликов дух захватывает...

Уральская расписная изба — явление удивительное. В книге «Памятники Отечества», изданной в Москве Всероссийским обществом охраны памятников и истории культуры, в статье В. А. Бародулина «Стенописи крестьянского дома на Среднем Урале» отмечается: «...во многих селениях Алапаевского района, расположенных вдоль течения Нейвы, Режа, Тагила, обнаружены дома, интерьеры которых украшены яркой цветочной росписью. До недавнего времени ученые не знали о том, что на Урале существовало искусство кистевой росписи по дереву. Но сейчас можно говорить о его самобытности, отличии от домовых росписей русского севера (Архангельской, Вологодской областей, Карельской АССР), Алтая. Более того, можно утверждать мнение о первородстве уральской росписи. Известно, что уральские мастера расписывали дома по всей Западной Сибири и на Алтае. И далее: «Велика заслуга в этой работе активиста районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры И. Д. Самойлова».

Уральскую роспись нельзя считать явлением, принадлежащим только истории. Московский научно-исследовательский институт художественной промышленности совместно с уральскими предприятиями проводит эксперимент по восстановлению художественных и технических приемов уральской росписи по дереву, чтобы использовать их в оформлении современных художественных изделий из дерева. С этой целью на базе коллекции Ивана Даниловича Самойлова проведено несколько семинаров. Его участники — художники из Свердловска, Нижнего Тагила, Невьянска, Туринска, Сухого Лога, олицетворяющие новое поколение уральских мастеров живописи, не только смотрели, но и рисовали, копировали, осваивая приемы уральской кистевой росписи. Они стремятся продолжить и развить традиции росписного дела. Хранитель древней красоты Иван Данилович щедро делится с ними знаниями.

Экскурсия по квартире

Елена
РАНОВА

Фото
П. Устюжанина

Экскурсия по квартире... Непривычно звучит?

Наша квартира уже давно похожа на музей. Экскурсанты в ней бывают ежедневно. В основном это ребяташки-школьники, они приходят смотреть игрушки.

Экспонаты для нашего домашнего музея мы с мужем, сейчас мы оба пенсионеры, собираем лет пятнадцать. За это время собрано игрушек и различных поделок очень много — из самых разных областей, из союзных республик, из двадцати двух стран мира. И материал, из которого сделаны игрушки, самый разный: камень, дерево, стекло, янтарь, кукурузный лист...

Сразу за порогом гостей встречает целый хоровод веселых матрешек. Самая старшая матрешка — моя ровесница. Она родилась в конце XIX века в поместье Абрамцево, на берегах речушки Вори. Однажды туда попала привезенная из Японии деревянная фигурка добродушного лысого старичка Фикуруми. В Фикуруми была спрятана вся его семья. Она-то и стала прототипом знаменитой нашей матрешки.

Первая русская матрешка была изготовлена по эскизам художника Малютина, и им же расписана. А вытачивал ее мастер игрушечных дел Звездочкин. В 1900 году матрешка попала в Париж на Всемирную выставку и сразу завела себе множество поклонников — из Франции, Германии, Америки, Японии посыпались заказы...

У каждой матрешки — нарядный фартучек, цветастый платок. Конечно, девушки на селе сейчас так не одеваются, но матрешка неизменно сохраняет свой традиционный наряд.

Словно репка она крутобока,
И под самым платочком на вас
Смотрит весело, бойко, широко
Пара черных смородинок-глаз!..

Они стоят в ряд — яркие, расписные. А одна всех ярче: сарафан расписан большими красными, зелеными цветами, а лицо точно нарисовано детской рукой. Таких матрешек делают надомницы — жительницы села Семенова, расписывающие игрушки на дому. Матрешки, сделанные в Семенове и в Полях Майдана Горьковской области, особенно популярны.

Разошелся «матрешкин промысел» по всей России: каждая республика, каждая область вносит что-то свое в форму и расцветку. Вот наро-фоминские матрешки. Они не такие крутобокие, и роспись скромнее, но расцветка отличается большим вкусом. Марийские, башкирские, татарские матрешки. Есть еще матрешки-неваляшки. Как ни положи их на бочок, все равно вскочат — родные сестры ванькам-встанькам,

которые в бытность моего детства продавались на ярмарках старого Пскова...

Другие экспонаты разместились на стеллажах и в шкафах комнат. Ребятам, которые приходят к нам, разрешается брать в руки любую игрушку. Мы не только показываем, но и рассказываем — откуда игрушка, как появился промысел, чем отличается от других.

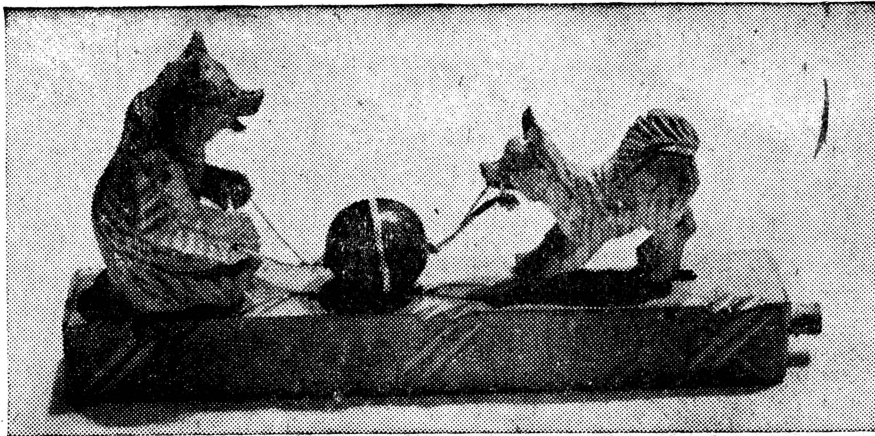
Любопытна легенда о возникновении богородской игрушки. «Близ старинного города Загорска на высокой горе, среди лесов и полей, раскинулось село Богородское. По народному преданию, в селе давным-давно жила семья. Задумала мать позабавить малых ребят. Вырезала она из чубучка фигурку «ауку». Дети обрадовались, поиграли и забросили «ауку» за печь. Раз муж стал собираться на базар и говорит: «Возьму-ка я «ауку» и покажу на базаре торгашам». «Ауку» купили и еще заказали. С тех пор и повелась резьба игрушек в Богородске», — так читаем мы в книге о богородской игрушке. Называли эти поделки в XVII веке «щепным товаром».

Особенно интересна игрушка с движением. Начало ей когда-то положили кузнецы. Крестьянин и медведь, постоянные герои народных сказок, по очереди бьют по наковальне. Вы нажимаете на стержень планки: тук — медведь ударил молотом; нажимаете еще: тук — кузнец опустил кувалду. Тук-тук, тук-тук — продолжается соревнование...

Медвежонок с зайцем играют в мячик. Белочка молоточком разбивает орешек. Журавль засунул длинный клюв в пасть жадному волку, хочет помочь вытащить кость, застрявшую в волчьей глотке. Тук-тук, тук-тук... Уж сколько лет помогают ребятишки журавлю, а кость все еще в горле... Одна остроумная игрушка называется «развод». Прежде на раздвижных планках игрушечники размещали солдатиков; потянешь планки с двух концов — и они вытянутся в один строй. У нашей игрушки на планках — стадо, и гонит его пастушок, играющий на дудочке. Вот стадо выходит из деревни: кто где — не поймешь, все вперемешку. А возвращается с пастбища — все друг за дружкой: коровы, овцы, лошади... И пастух играет на дудочке: выбегайте, хозяйки, на улицу, загоняйте скотину во двор!

В книжном шкафу живут фарфоровые звери. Многие из них «родились» на Ломоносовском фарфоровом заводе в Ленинграде. До чего же приятно смотреть на всех этих зверушек — жирафов, барсуков, медведей... Целый зверинец — сидят в шкафу, как в клетке.

Вот уж кто разбрелся по всей квартире — так это ежи. Ежи у нас повсюду: глиняные, фарфоровые, каменные, стеклянные, янтарные, из

Богородская игрушка с движением

карельской березы... Вид у ежа преразбавный — мордочка, лапки, колючки, — недаром все дети так любят их. И потому, наверно, еж часто вдохновляет умельцев, каждый раз приобретая новый облик. У ежа из Праги на спине вместо иголок — зубчистки. Еж из Будапешта сделан из щетки, которой мы моем бутылки. Очеловеченные ежи, в платочках и шляпах, прибыли из ГДР. Из Латвии — целое семейство глиняных ежей...

Дальше — праздник красок, разноцветье дымковской игрушки. Только взглянешь на нее — и уже радостно. Но, как ни странно, возникновение этой игрушки связано с печальной легендой. Давно-давно на берегу реки Вятки был построен город Хлынов (ныне Киров). Огородили жители город высокими стенами. Но не спасали они: по лесам-полям бродили враги, грозили городу. Хлыновцы пошли к соседям просить помощи. Как-то ночью раздался у ворот шум. Хлыновцы думали, что это хотят вернуться в дом враги — начали забрасывать их камнями. «Свои своя не познаша, свои своя побиваша...» Утром только узнали, что свои пришли под стены. В память этого грустного события каждый год поминали хлыновцы погибших и бросали с берега в овраг камни. Камней на вятской земле мало, и тогда стали лепить из глины шарики и бросать их вместо камней. А потом появились раскрашенные шарики, а еще позже превратились они в олешек, уток — в свистульки. И возник праздник «свистунья». Вот так родился якобы промысел.

Разве не загляденье — дымковская молодница, несущая воду!.. Румянец во все щеки, пуңцовый кружочек — рот, пышная юбка, ведерки красные... На кокошнике, на ведрах — еще и роспись сусальным золотом. Рядом с водоноской — невзрачно пышный индюк: крылья с оборками, под клювом роскошное

жабо... Богатая фантазия у дымковских мастериц!

Молодицу сопровождает целый эскорт всадников: один другого меньше — целых пятеро, и тоже расписные. Это — филимоновская игрушка, сделана в Тульской области.

Есть игрушки, прибывшие из далекого далека. Из Калькутты привезен прогулочный слон. На нем великолепная попона с блестками, и весь он нарядный и парадный. Таких слонов водят в Индии во время праздничных шествий. Игрушечная девушка с предгорьев Гималаев лихо несет на голове плетеную корзину — в таких корзинах монахи ламы. Куколку Кокэси привезли из Японии. Деревянная точеная Кокэси так же распространена в своей стране, как у нас матрешка. Внутри игрушки спрятан лист линованной бумаги. Таких кукол, наверно, посылают молодые японцы своим избранницам, вместе с письмами... Жук-скарабей — по нашему, просто навозный жук, а в Египте он считался священным. Хоть караван, хоть сам фараон — все остановись и жди, пока жук переползет дорогу...

Не только игрушки хранятся в квартире-музее. Есть и амулеты, маски, миниатюрные скульптуры. Кое-что привозил в дом из разных стран наш сын Вадим, он археолог, а многое подарено, прислано, передано самыми разными людьми.

Так что путешествие по домашнему музею можно продолжить. Милости просим.

г. Курган

Сокрушение Лехи Быкова

Борис
ПУТИЛОВ

Повесть

Рисунки
Н. Мооса

4.

Между тем, приближались экзамены.

Вообще-то к экзаменам нам было не привыкать: мы их сдавали, начиная с четвертого класса. Но раньше — только по основным предметам, нынче, в седьмом выпускном, нас ждали испытания чуть не по всему: литература, русский — письменно и устно, геометрия, алгебра — письменно и устно, физика, химия, немецкий... — двенадцать экзаменов!

«Несчастные, — пожалуют нас сегодняшние ученики и педагоги. — Ненужные перегрузки».

— Счастливые, — отвечу я. — Необходимые перегрузки!

Это те перегрузки, от которых, как в спорте, человек становится крепче. Крепче, организованней делается его мозг.

Мне снова возраят: «Наверное, тогда, в ваше элементарное время, такие экзамены были возможны. Но нужны ли, возможны ли они сейчас, когда так невиданно взбурлил поток информации? Под силу ли они ученикам?»

Под силу. Временное умственное перенапряжение, концентрация всех сил нужны, чтоб ребенок, а потом юноша был готов к более сложным испытаниям — на аттестат зрелости, в техникумах, в институтах. Всю жизнь!.. Ранние экзамены нужны именно сейчас, чтоб растущий человек не захлебнулся в этом самом информационном потоке, чтоб он особенно крепко знал основы всех предметов.

Они нужны и в моральном плане: только сдав экзамены, успешно завершив труд, можно испытать по-настоящему праздник окончания учебного года. Но что это за праздник, что за счастье, коли тебя отпускают на каникулы, на целых три месяца, просто помахав тебе ручкой?

Не проверив, способен ли ты на большее, не узнав, каким ты уходишь в старший класс?

...Несчастливым исключением, испытывающим перед грядущими экзаменами не просто испуг, а панический ужас, был мой старый новый сосед по парте и душевный друг Шакалов Леонид Дермидонтович.

— Здорово, Ленька, — сказал я. — Пустишь на фатеру?

— Садись, — удивленно пробурчал он. — Парта не моя, казенная.

Больше он ничего не сказал, все четыре часа просидел молча, шмыгая носом и что-то черкая в одной, на все предметы, вконец разлохмаченной, знаменитой своей тетради: «немец» Василий Александрович звал ее, по Пушкину, собраньем «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». В шутку, понятно, потому что там, кроме обрывков нерешенных задач, недописанных упражнений и каких-то диких рисунков, никаких «замет» не было.

С двух последних уроков, с военного дела, мы с Ленькой умотали: надоел нам Юрка-Палка за год со своей шагистикой.

— Пусть генерал Быков марширует, ему надо, — сказал я. — А мне это ружье скоро шею перетрет.

— Мне тоже, — сказал Ленька.

Мы двинули нашей старой дорожкой через Зыйский сад к его дому, и тут под сенью древних, демидовских еще лиственниц Ленька, наконец, заговорил:

— Слышь, Денис, а ты навовсе ко мне перешел? Али временно, пока с охломоном своим военторговским не помиришься? А?

— Та-ак, — сделал я суровый вид. — Завтра же передам Быкову, как ты его величаешь.

— Передавай, — уныло сказал Ленька. — Я не боюсь. Я счас ниче не боюсь, окромя экзаменов. Как вспомню, какую прорву надо сдавать, так живот болеть начинает, есть даже неохота...

Окончание. Начало см. в № 1, 2.

Нет, не стану я. Допрежь на завод уйду. К станку.

— На завод ты уйдешь,— сказал я уже серьезно.— Но «допрежь» экзамены сдашь, свидетельство получишь... Совсем я к тебе вернулся. Вместе готовиться станем. Если ты, ясно, захочешь. Прямо с сегодняшнего дня. И начнем с алгебры. А то, я видел, ты даже в степень возводить разучился.

— А я и не умел!— возликовал Ленька.— Значит, полаялся ты со своей орясиной? Я ведь знал, что все равно так будет. Угнетатель он, паразит!

— Ладно, кончай ругаться, труженик из чашки ложкой,— сказал я.— Поворачивай оглобли. Пойдем ко мне.

Но Ленька вдруг встал.

— А может, зряшное это дело? Не в коня корм?

— Пошли, тебе говорят! Терпенье и труд все перетрут.

С этой прописной истины и начали мы с Леонидом Дермидонтовичем подготовку к экзаменам. И— кончилось мое одиночество. Я снова стал кому-то нужен. Снова была рядом родственная душа, с которой можно было и помолчать, и поругаться, и излить душу. Мы занимались с Ленькой каждый день, так что Шолохова— за это время пришли остальные тома «Тихого Дона»— я мог читать только ночью, а днем, во время перекуров, пересказывал его Леньке, который слушал, разинув рот...

Леха же Быков сидел один, сидел с безразличным скучающим лицом, и классные делишки ему, как и прежде, были до лампочки. Хотя власти своей он не выпускал, врезал тому, кто попадется, даже чаще, чем раньше. Особенно доставалось от него крикливым Борьке Петухову и Ваньке Хрубиле. И другу моему Шакалу он раз, проходя, сунул под дых, так что тот с минуты, наверное, хватал впусую воздух, пока продышался. Не трогал он только меня, но и не замечал, насквозь смотрел, будто меня и не было.

В классе стало еще скучней и молчаливей, хоть не ходи в школу. Но вот все кончилось. Пришло 20 мая, а с ним первый экзамен.

Изложение.

Сейчас в выпускном восьмом классе шагнули дальше— сочинение пишут! В прошлом году мой сын тоже писал; из трех тем— о моральном облике, о будущей профессии, об Отечественной войне— выбрал последнюю. Войну, конечно, мы забывать не должны, но где же литература? Великая русская литература? Ведь именно в восьмом они проходят Радищева и Пушкина, Лермонтова и Гоголя! Нету литературы!

Мы не были семи пядей во лбу, но русскую литературу немного знали— это точно. А разве воспитание души менее важно, чем воспитание ума?.. То изложение мы писали по Гоголю, из

«Тараса Бульбы». Отрывок о русском товариществе и казнь Тараса, соединенные в один кусок.

«Нет уз святее товарищества!..»

Я написал первым. В каком-то полубреду, еще не очнувшись от гоголевского текста, проверил «труд» Шакала. Чтоб не вертелся, Екатерина Захаровна велела собрать мне работы: отведенные на экзамен два часа кончились.

К последнему, видя, что он еще пишет, я пошел к Лехе Быкову. Он поставил точку и пододвинул ко мне раскрытые листки; я глянул в конец и ахнул: трубку, которую потерял Тарас, он написал через «п», а прощальную, с костра, речь старого полковника пустил сплошняком с другим текстом, не выделив ее никакими знаками.

— Ты хоть проверь,— прошептал я, вновь чувствуя узы товарищества.— Жаба подождет. Хоть «трупку» исправь!

— Катись отсюда, грамотей,— ответил он.— Четверка все равно будет. Ясно?

«Ясно. Куда Жаба денется, если вы ее ворованной жратвой за горло взяли?»— со злостью думал я, топая к кафедре...

Отметки за изложение Жаба объявляла на другой день, на консультации по литературе. Я схлопотал четверку. Шакал, слава богу, выполз на троечку. Пятерка была одна— у первого ученика Сереги Часкидова. Этот красивый настырный парнишка, вроде и памятью не блистал, не то что наши гении Борька Парфен и Борька Петух, но учился легко, счастливо, хотя и за учебниками не пропадал, не зубрил, как окаянный, до полуночи гонял футбол на своей Пароходной улице, а пятерки сыпались на него, будто с неба. Счастливая, видно, у человека была планида!

Но я, замерев душой, ждал оценки Быкова. Однако Жаба, промолчав о ней, стала раздавать работы.

— А Быкову чо?— крикнул Борька Петухов, рискуя получить от него очередной подзатыльник.

Екатерина Захаровна остановилась, побледнела еще больше своим измученным лицом, похоже, всю ночь не спала, разбирая наши каракули.

— Быкову? А разве я не сказала? Он получил тройку. Много ошибок.

Ай да, Жаба! Ай да, Екатерина Захаровна Сибирякова! Не струсилась, не продалась за американскую тушенку. Мо-ло-дец!.. Ну что, съел, Леха Быков?

Но Леха даже не шелохнулся. Ошибки свои смотреть на стал. Сидел себе, безразлично глядя в окно: там на полянке военрук Юрка-Палка бился с пятиклассниками в футбол...

Так же, еле-еле душа в теле, на уровне моего, одуревшего от зубрежки, Шакала («У меня,

Дениска, эти формулы из ушей торчат,—ревел он,—спать мешают!») сдал Алексей Быков и другие экзамены. «Хило, товарищ генерал, весь-ма хило». И только по химии Аделька-Сарделька нарисовала ему крупную пятерку, а последний экзамен, который нас ждал,—историю, он, конечно, сдаст с блеском. Знает. Да и красавица Марина Обрезкова, это теперь видели все, была от него без ума.

Но последнюю свою консультацию Марина Матвеевна начала не с истории: она все еще оставалась общественной пионервожатой и вела культурно-массовую работу.

— Сегодня в нашем городе открывается летний театральный сезон,—объявила она.— Оперой Верди «Травиата».

...Нет, не война сформировала нас,—уверенно утверждаю я сейчас, вспоминая те далекие годы.— Не только война! Конечно, она преподала нам великий, тяжкий и горький урок на всю жизнь. Но человеческое формирование, рождение души нашей, моей уж точно, стояло на трех китах: книгах, школе и опере. Даже цирк, с его Борисом Вяткиным, Кио и борцами, не сделал меня человеком больше, чем Свердловская опера.

В лютые январские морозы, в душные летние вечера моя мама, совсем не понимающая в музыке, но понимающая в воспитании, усталая после работы, голодная, как я, водила меня в оперу. Странно, но у меня не было, как у толстовской Наташи, непонимания—сперва было удивление, потом восторг и слезы, потом уж я сам, только увидев афиши о приезде оперного театра, клячил деньги и бежал за билетами.

Театр этот больше гастролировал летом, и спектакли шли в городском парке, в старом скрипучем летнем театре, названном так по недоразумению: он больше походил на обыкновенный сарай, или, в лучшем случае, ангар для допотопных аэропланов... И тут, на маленькой сцене с неглубокой оркестровой ямой—видны были даже головы музыкантов, почему-то сплошь лысые,—я впервые услышал «Русалку» и «Дубровского», «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова»... Тут со скалы, где сквозь зеленый тюль жалко просвечивал деревянный остов декорации, надменный Демон в крылатом своем одеянии, черном и поношенном, умолял Тамару громовым басом артиста Соколова: «Не плачь, дитя! Не плачь напрасно»... Но смятенная Тамара плакала, и я ревел вместе с ней. Тут тот же Демон кидал в зал свое презрительное: «Что люди? Что их жизнь и труд? Они прошли, они пройдут...», и я вдруг с ужасом впервые понимал, что прекрасная, казавшаяся мне тогда бесконечной, жизнь моя тоже скоро пройдет, и дыхание смерти касалось меня.

Ибо все оперы, которые я смотрел, кончались смертью. Или несли смерть,

Может быть, поэтому драматические спектакли, а их тогда мы тоже смотрели немало, в войну у нас работал приезжий драмтеатр, стерлись в моей памяти. А оперы живут и будут жить всегда, и достаточно мне услышать начало знакомой арии, как я вспоминаю и музыку, и слова. Вспоминаю старый черный скрипучий сарай, пропахший прошлогодними листьями, свежей сиренью и ветром, дующим с пруда, вспоминаю полутемную маленькую сцену, на которой разыгрывалось великое действо. И больше всего—да простят меня великие русские композиторы!—я любил две иностранные оперы: суровую «Кармен» и сладко-печальную «Травиату». Мою младую душу, жаждущую любви, они резали больнее всего...

— На «Травиату» есть билеты,—сказала моя тайная любовь Марина Матвеевна.— Подходите записываться. Деньги можно принести завтра, на экзамен.

Деньги я мог отдать сегодня. И не на один, а на целых два билета: пятерка бабушкина у меня осталась от цирка, еще пятерку мне дала на окончание экзаменов мама, расщедрившись с премии.

— Пойдем, Ленка! — жарко зашептал я.

— А учить кто будет? — резонно возразил он.

— Держите меня — он ученый! — изумился я.— Мы же с тобой два дня долбили, хватит. Перед смертью не надышишься. А оперу ты когда услышишь?

— Оперу? — Леха вытарачил свои голубые шары.— Это там, где поют всю дорогу, воют, как под ножом?.. Меня брат старший еще до войны туда таскал, дак я ни хрена не понял, уснул посередке. Нет. Я лучше про оппортунистов всех мастей еще раз повторю.

— Слушай, Пылаев,—вернулся на наш разговор сидящий впереди Серега Часкидов,—возьми на меня, только подальше. Деньги завтра отдам...

Так мы очутились в этот нежный и теплый июньский вечер на последнем ряду нашего летнего театра.

А в первом ряду—я их сразу увидел: заметная пара!—сидела Марина Обрезкова, совершенно неотразимая, в легком крепдешинном, впервые надетом платье, и подтянутый, строгий, тоже впервые при галстукке Леха Быков. В перерывах они гуляли по аллее вдоль пруда, ясно, не под руку—все-таки учительница и ученик! А перед началом каждого действия Марина Матвеевна близко склонялась к своему соседу и что-то шептала ему... Ревновал ли я их, завидовал ли? Нет. Мне просто было грустно, больно до тоски, под стать музыке, бьющейся в старых деревянных стенах.

Марина Обрезкова что-то шептала Лехе Быкову, а тот нетерпеливо оглядывался. Словно искал кого-то. И — нашел.

После третьего антракта наша прекрасная историчка вернулась на свое место одна, а Леха подошел к нам с Сергеем Часкидовым, одиноко и свободно сидящим на последнем ряду.

— А ну, сыпь отсюда, отличник! — приказал он.

— Тебе что, места мало? — огрызнулся Сергей. — Садись, куда хочешь.

— Я сюда жочу, — Леха приподнял Сергея за худые плечи, поставил на ноги и дал по шее так, что тот полетел по уходящему вниз, к сцене, полу. — И на двадцать шагов не подходи, — послал ему вслед. — Понял, краса и гордость класса?

В это время потух свет, Сергей где-то потерялся в темноте, а я спросил, хоть уже понял, что Быков искал меня неспроста — бить или мириться? — спросил со злым вызовом:

— Ты совсем озверел, Быков?

— А если он с одного раза не понимает! — Леха сел, ослабил надоевший, непривычный ему галстук. — Ну, как живешь, Денис?

— Хорошо. Чего и тебе желаю.

— Кретинов, вижу, нянчишь?... Добрый ты. Добренький и глупый, как страус. — Леха усмехнулся. — Не любишь правду-то? Прячешься от нее. А жизнь — это война, и побеждает сильнейший. Так говорит моя матушка. Она, хоть и дура, но иногда выдает умные мысли. Война и обман.

— Как в цирке?

— Как в цирке.

— Врешь ты все! — уже не сдерживая себя — будь что будет! — закричал я. — Твоя правда и есть первая ложь! Ложь, обман, грязь и зло! Как можно с этим жить?

— А страусом можно?..

С передних рядов на нас зашикали — тихо вступил оркестр, поднялся источенный временем занавес, и на сцене, освещенной всего двумя прожекторами, слева и справа, возникла на своей качалке умирающая Виолетта.

Мы примолкли, но когда Виолетта начала свою последнюю арию, Леха снова заговорил, правда, тише:

— Значит, я зло? Злыдень... А кто вас конфетами кормил, чьи вы всем классом папиросы зобали?.. Это сейчас, когда мне плохо, бывает, не сдержусь, влуплю кому-нибудь просто так. А раньше-то я вас бил?

— Слушай, замолчи! — попросил я. — Иди к своей Обрезковой.

— Да ну ее. Билет мне всучила. А я и не знал, что рядом. Я из-за тебя пришел.

— А я из-за Верди. Дай послушать!

— Дам. Но сперва ответь все-таки: добрый я или злой?

— Не знаю. В общем-то добрый. Но без души. Как сказал один человек, ты угнетатель по натуре. Но даже добрый тиран — это тиран.

— А хочешь я тебе сейчас врежу за эти слова? Хотя мне и чихать, что вы обо мне думаете.

— Врежь. Но, значит, это не я, а ты правды не любишь... И вообще, если ты меня бить пришел, бей, но после спектакля, я не убегу. А если мириться — пустые хлопоты.

— Ты все сказал, Пылаев?

— Все, Быков.

Мы опять замолчали. На сцену, как на крыльях, влетел раскаявшийся и счастливый Альфред Жермон, больная поднялась ему навстречу, и теперь они уже вдвоем, Альфред и воскресшая Виолетта, вознесли во мрак уходящей вывески деревянной крыши, как в небо, поддержанное стропилами, свою ликующую песнь вновь обретенной любви. Это был прекрасный дуэт звезд первой величины: Китаевой и Даутова, это была прекрасная музыка!.. И я забыл и о Лехе Быкове, и о Серее Часкидове, и даже вечная, точившая меня грустная мысль о недостаточной Марине Обрезковой растаяла, исчезла. Я вместе с музыкой унесся в тот «далекий чудный край», где снова счастливы своей любовью эти прекрасные люди.

Меня вернул назад голос Быкова:

— Ты глухой, что ли?

— А?

— Чем, спрашиваю, закончится эта бодяга?

— Что?

— Чем эта бодяга закончится, говорю?

Наконец-то я понял.

— Плохо закончится. Это же опера. Умрет она.

— Не дам помереть, — сказал Леха. — Не люблю несчастных концов. Расстраиваюсь сильно.

Он сделал движение рукой вниз, в карман галифе, потом медленно поднял ее — в полумраке сверкнуло черными бликами знакомое тело парабеллума... Давненько я уж его не видал! Как сошли снега и дорогу на Голый Камень, на наше стрельбище, развезло, мы прекратили «огневую подготовку». Да и приелась она, однако, надоела. А потом пришли Первое мая, цирк, ссора... И вот парабеллум снова возник из небытия.

— Что ты хочешь делать? — испугался я.

— Кончать эту бодягу, — Леха спокойно отвел предохранитель. — Не терплю трагедий. Я же добрый.

Он вскинул пистолет на уровень глаз и, почти не целясь, выстрелил в два громоздких, хорошо видных прожектора. Два раза — влево и вправо. Раздался звон стекла, свет потух, а вместо враз оборвавшейся музыки возник из зала протяжный и страшный женский визг.

И тут я почувствовал, что парабеллум лежит в моей руке.

— Беги, Денис, беги! — толкнул меня Леха. — Жди под Новым мостом. Я тебя тут прикрою.

Я зажмурил глаза и уже было разжал руку, чтоб освободить ее от жгущего ладонь металла. Но не разжал — сознание сработало мгновенно: сейчас вспыхнет яркий электрический свет, и все увидят нас, лежащий на полу пистолет, и поймут, что это стреляли мы. Потом — милиция, допрос. Леха, конечно, с помощью матери отбрышется, а мне конец. Колония... Я открыл глаза и в темноте, все еще стоящей в зале, увидел вдруг плачущую маму, трясущуюся от горя бабушку...

И я рванулся, в два прыжка подскочил к двери, с громом сбил длинный крюк и, выскочив в ночную прохладу парка, кинулся бежать. Но не через главный вход, где вечно торчат милиционеры, которые, услышав выстрелы, конечно, уже всполошились и торопятся сюда. Я обогнул летний театр и перемахнул, разодрав в мотне новые свои штаны, через невысокий здесь забор.

Я бежал, не чуя ног, Красноармейской улицей, самой длинной в Моем Городе, бежал мимо молчаливых темных домов, мимо шарахавшихся от меня редких прохожих. Бежал, прижимая под рубашкой прямо к голому телу по-змеиному холодный пистолет.

Я бежал... и очнулся только, сорвавшись по откосу под Новый мост, где успел зацепиться за мокрую сваю, а то бы свалился в грязную, вонючую воду нашей реки. Я ухватился за сваю обеими руками, пистолет выпал из-под рубашки, пополз по слизи берега вниз, но у самой воды застрял. Мне достаточно было двинуть ногой, и река унесла бы его к чертям собачим, как Доң винтовку Гришки Мелехова. Но я не мог этого сделать: не моя железка. Я сел на мокрую землю, поднял парабеллум и, не обтирая, бросил рядом — ненавидел я его сейчас, как последнее дерьмо. Это я-то, еще год назад отдавший бы все за настоящее, пусть мало-мальское, но боевое оружие! Видно, перегорела война и в моей душе, кончилась — вырос я...

Лехи не было долго.

Я сидел под мостом, куда до войны и еще в первое ее лето мы бегали купаться. Даже не купаться, купаться мы могли и на своем Зыйском пруду, — тут, в прозрачных струях, особенно быстрых среди свай, хорошо было играть в догоняшки, в «ляпы». Вцепишься руками в сваю и уходишь по ней в воду на два-три-четыре метра, до самого песчаного дна, а там переплываешь к другой свае и по ней вылетаешь на поверхность — попробуй догони!.. А сейчас никто не купался в нашей знаменитой реке. Знаменитой потому, что когда-то Ермак плыл по ней открывать Сибирь. Нельзя было в ней купаться теперь: заводы отравили, забили ее смолой, мазутом, брошенной резиной и железом, погубили за какие-то год-два, если не навечно, то лет на пятьдесят — сто, это точно. Я мог бы сравнить жизнь человеческую, свою тоже, с этой рекой:

один-два черных поступка навсегда ее, доселе чистую, замутят, загрязнят, до дна черной сделают — век не отмоешься! Но я не сравнивал, я думал о человеке, которого ждал.

Почему он стрелял? Может, хотел, как говорят урки, «повязать» меня, чтобы я никуда уже больше не делся от его подлой скучной дружбы?.. Вряд ли... Зачем я ему? Он слишком равнодушен ко всему, кроме себя. Просто привык делать, что его левая нога захочет. Захочет есть — возьмет тушенки, захочет стрелять — возьмет пистолет, захочет дружить — возьмет меня. Захочет любить — тоже подходящую игрушку найдет. Он, хоть и толковал сейчас про жизнь, — вроде и не жил, и не живет вовсе. Вроде до сих пор спит, будто и не рождался: ведь только во сне бывает все возможно!.. Что ж, надо будить гусара. Пора... Вот оперу жалко не дал доглядеть, гад такой!

Я поднялся, тряхнул порванные и намокшие сзади штаны.

Уже рассвело. Где-то за Красным Камнем, нагромождением скал нависшим над рекой, вставало солнце, окрашивая небо в розовый цвет. Темная, согретая заводскими горячими испарениями река была теплее воздуха, заметно остывшего к утру, и над ней, затягивая тот берег, начал подниматься вонючий грязный туман.

Я не мог больше ждать: дома мать с бабкой и так переполошились, не спят, да еще за новые штаны отвечать придется. Надо идти. И, оставив пистолет на земле, я полез вверх. На волю. Подальше от мокрых свай, вонючей реки и грязного тумана. И, уже поднявшись, вставая на ноги, услышал стук по мостовой подковок бегущих Лехиных сапог.

— Где пушка? — спросил он, задохнувшись.

— Там, под мостом, — сказал я, — спустишься — увидишь.

— А я влип. — Леха сорвал галстук. — В милицию таскали, шмон устроили. Фамилию, адрес, школу — все в протокол. Как бы завтра с обыском не нагрянули. — Он полез вниз. — Ты что, уронил его?.. А почему не обтер?

— Сам оботрешь. Я вообще хотел утопить это дерьмо.

— Что? Я б тебя самого утопил, — Леха, стоя внизу, сорванным галстуком вытирал парабеллум. Вытер, швырнул галстук в воду, подбросил пистолет на ладони, любуясь им. — Придется тебя спрятать до лучших времен, дружище... Подожди меня, Денис!

— Отстань! — Я сделал несколько шагов по мосту, который назывался Новым, потому что был построен позднее Моральского, уже на моей памяти, но сейчас сравнился с ним и чернотой перил, и измочаленностью бревен проезжей части. — Слушай! — я остановился и, перегнувшись с перил, сказал то, что должен был ска-

зять сразу: — Завтра мы тебя бить будем, Быков.

— Дядя шутит? — снизу спросил он.

— Нет, серьезно.

— Значит, как князь Святослав — «иду на вы»? — спросил он, знаток истории. — А где и когда?

— На выпускном вечере. Только не смойся. Не струсь.

— Не струшу.

— Пока.

— Пока.

...Утром, еле дождавшись, когда бабушка зашьет мне штаны, и клятвенно пообещав ей, что впредь буду приходить домой вовремя и целехонький, я побегал на Пароходную улицу. К Борьке Петуху.

У того уже были гости. Вместе с ним нежились на полянке перед петуховским домом его сосед, мой вчерашний товарищ по театру Серега Часкидов и вечный Борькин соперник в спорах Борька Парфен — уже высоко взобравшееся солнце дробилось на осколки в линзах его очков. Ребята валялись навзничь, бездумно и молча пуская в чистое небо едучий дым самосада. В их сибаритских позах чувствовался конец экзаменов: учебник истории СССР забыто лежал на завалинке.

— Здорово, лодыри, — сказал я. — Надо Леху Быкова бить. Пора.

Ребята дружно повернулись на животы.

— Крови возжаждал, Пылаев? — спросил Петух, и они засмеялись. — Или справедливости?

— Я серьезно!

— А если всерьез — кто вчера стрелял? — Серега Часкидов вдавил в землю сигарку. — Он?

— Это, Серый, к делу не относится! — снова крикнул я. — Знаю точно, что оружия у него сегодня не будет. Ну, согласны?

— Мы давно согласны, — Борька встал на одно колено. — Да ты между ног мешался... Однако справимся? Силенок-то хватит? Он вон какой бугай.

— Всем классом-то?

— Легко сказать, всем классом. Котлярова, Шевкуна и прочую мелюзгу можно сразу вычеркнуть, твоего придурка Шакала туда же. Ты, Парфен, тоже не воин: очки потеряешь, своих сослепу перебьешь.

— Индифферентного стойка, — вмешался Сергей Часкидов (ему к тому времени начальники-родители купили «Словарь иностранных слов», и он начал щеголять ими), — стойка Альберта Далина тоже можешь вычеркнуть. И великого скрипача Рублика-Паганини тоже.

— А ты над Рубликом не смейся. При его упорстве из него и верно может что-нибудь знаменитое вылупиться, — возразил Борька Парфен.

— Опять спорить начали! — перебил их

Борька Петух.— О деле давай. Будем считать активные штыки. Я—раз...—И Борька Петух загнул первый свой большой, разбитый при делании гробов палец.

5.

Наш выпускной вечер начался в восемь часов.

Сперва всех насмешил Широчайший—Василий Александрович, председатель экзаменационной комиссии.

— Попрошу снять головные уборы,—сказал он.

Все заулыбались и уставились на меня—я схватился за голову: на ней забыто торчала солдатская пилотка.

— И вернуть хозяину!—Василий Александрович, сверкнув очками, прочитал гробовым голосом, опять из Пушкина: «Ужасный век, ужасные сердца!».

Улыбки сменил дружный хохот: дело в том, что «хозяином» этой пилотки был наш школьный скелет, учебное пособие по имени Федя. Он стоял в каменной части школы, в зоологическом кабинете, высокий крупный мужчина, желто блестя отполированными костями и нагло улыбаясь своими здоровенными, один к одному, зубами.

Заходя в кабинет перед уроками зоологии, Борька Петух обычно тряс его длинную кость: «Здорово, Федя!»—на что скелет отвечал тихим приветливым звоном своих костей. А однажды кто-то напялил на него эту пилотку. Наша одноногая биологиня Клавдия Ивановна сорвала ее и выбросила, один раз даже в форточку, но пилотка каким-то неведомым образом упорно возвращалась на голый череп, придавая Феде уморительно боевой вид.

Потом и Клавдия Ивановна, приняв шутку, привыкла к Федеиной пилотке и снимала ее только, объясняя строение черепа.

И вот сегодня, скитаясь перед вечером в волнении по школе, я забрел в зоокабинет и примерил Федину пилотку—она оказалась мне как раз. Из стекла шкафа с заспиртованными глισταми, змеями и человеческим эмбрионом (да, человек в этом кабинете был представлен от плода до скелета, от рождения до смерти!) на меня глянуло не мое, а будто чужое—с заострившимися скулами лицо, с большими тревожными темными глазами, повзрослевшее под пилоткой. Лицо солдата. В это время раздался звонок, собирающий всех в коридор деревянного здания, который служил нам вместо актового зала, и я, забыв о пилотке, прямо в ней сбежал вниз...

А сейчас все хохотали, даже Леха Быков— вот нервы!—улыбался. А может, он не принял всерьез моей угрозы? Тем лучше...

Я сорвал пилотку и сунул ее в карман.

На сцену вышел наш директор Виктор Иванович.

— Семь лет назад,—сказал Витя,—я вас несмышлеными детьми принял из рук родителей. За два года до начала войны. А потом пришла она. Вы голодали и холодали...—На обычно бледных щеках нашего директора выступил чахоточный румянец.—Но держались и—выдержали! Не удалось Гитлеру ни армию нашу победить, ни даже наших детей. Честь вам и хвала, друзья мои! А сегодня вы получаете свидетельства, первую путевку в жизнь.—Витя помчал, видать, перехватило дыхание, потом взял из стопки на столе верхний лист:—Сергей Часкидов! Свидетельство с отличием!

Сергея Часкидов вскочил на сцену.

— Ну, Серый,—улыбнулся Витя,—сколько я тебя раз из школы исключал? Четыре?

— Нет, пять,—ответил Серега.—Спасибо, что в шестой и последний раз не исключили. Большое спасибо вам всем!

Заулыбались и захолопали на сцене и в зале—хороший был парень Серега Часкидов!..

После выдачи свидетельств—свернув в трубочки, мы рассовали их кто куда—нас поздравили Василий Александрович и Екатерина Захаровна. Слава богу, что Адельки-Сардельки не было: она бы развела тут лицемерную говорильню, все бы испортила. Неужели Витя, наконец, от нее избавился?

А потом начался концерт.

Первыми, как всегда, выступили славные представители Пароходной улицы Борька Петух и Серега Часкидов. Наши народные артисты. Народные потому, что со своей «Хирургией» (инсценировкой чеховского рассказа) они обошли все рабочие клубы и военные госпитали. Но или они заиграли свою комедь, или тоже сказалось волнение от предстоящей битвы—выступили без обычного уморительного блеска. Серый, игравший фельдшера-зубодрала, вдруг беспричинно замирал со своими страшными щипцами, не зная, что делать, а Петух (что с ним, с его сумасшедшей памятью сроду не бывало) вдруг забыл чеховский текст и понес отсебятину.

Куда больше насмешил нас второй номер, хотя по идее он был совершенно серьезен.

На сцену забрались наши недомерки, бывший вшиварь Юрка Котляров и вечно сонный Ванька Шевкун. Они встали рядом, глянули друг на дружку, протянули вперед руки, словно взяли за уздцы невидимых лошадей, и вдруг отчаянно затопали, изображая цоканье копыт. И запели, забаззлали во все горло:

Копыта звонкие стучат
По пы-ыльной мостовой!
Вор-роны ч-черные кричат
У нас над гол-ловой!

Голосишки у них были хилые, слух вовсе отсутствовал, но все эти нехватки они компенсировали истощенностью и старанием. Народ в зале лег в лежку. Даже аккомпанирующий им мастер на все руки Яша-Пазуха хихикал, уткнувшись в меха аккордеона.

Друзья! Закутайтесь в плащи.
Т-труби протяжно р-рог!
Ты с нами встречи не ищи!
Бандит! С больших! Дор-рог!..

Изрубив и перестреляв всех бандитов и врагов, наши гиганты не убежали со сцены, а бешено, с кулаками поспорив, что петь еще, рванули песенку, фронтového шофера, вертя перед собой руками, будто крутили баранки. Особенно у них был отработан припев:

Эх, помирать нам рановато, эх! —
тут певцы, разом и хитро подмигнув в зал, возопили:

Есть у нас еще дома дела, да!

Теперь уже хохотали все. И мы, и директор Витя, и Вася Широчайший, и даже стоящая в дали коридора наша вечная гардеробщица Ульяна Никифоровна. Под этот хохот, гордо подняв головы, и сошли певцы со сцены.

Но следующий номер перевернул все, бросил в дрожь, пронзил сердца великим.

На сцену вышла Марина Матвеевна Обрезкова.

Она расстегнула две верхние пуговицы своей гимнастерки, освобождая нежную, высокую шею, горло освобождая, и, переждав смех, тихо, торжественно сказала:

— Маргарита Алигер. «Зоя». Отрывок из поэмы.

Марина Матвеевна не смогла, конечно, в полную силу заменить неистовую Тасю-Маковку, не хватало ей еще мастерства и убежденности, а возможно, и глубины знания. Но она тоже любила историю, была справедлива в оценках, и мы ее приняли.

Но то, что она сделает сейчас, на этой маленькой, скрипучей нашей сцене, мы и представить не могли.

Это, собственно, был не отрывок, а отрывки из поэмы, самые сильные, собранные, как в кулак, в один могучий кусок.

Она начала тихо, словно вглядываясь своими грустными огромными глазами в предвоенную даль:

Жизнь была скудна и небогата.
Дети подрастали без отца.
Маленькая мамина зарплата —
Месяц не дотянешь до конца...

Но постепенно, вырываясь из дали, голос ее креп, ширился — Зоя вступила в комсомол, и мы, тоже комсомольцы первого года, тоже платившие взносы по двадцать копеек, признали себя...

С девятого класса, с минувшего лета
У тебя была книжечка серого цвета.
Ее ты в отдельном кармашке носила
И взносы по двадцать копеек вносила

И остро защемило в груди от этого узнавания, но, не давая нам опомниться, Марина ударила замерший зал — войной... Военкомат. Отправка в тыл врага. Плен. Попытки. Восхождение на Голгофу... И уже не прекрасная наша учительница истории хромовыми сапожками шла по сцене, а та измученная гордая девочка ступала по скользкой дороге обмороженными, окровавленными ногами, и не расшатанные половицы нашей школьной сцены скрипели — это скрипел обжигающий, заледеневший за ночь снег под босыми ступнями Зои...

Вот она встала на табуретку и в последнем усилии схватилась за упавшую на шею петлю:

Всех не перевешаешь. Много нас.
Миллионы нас!..

Я вдруг представил, как раньше читала (а она, конечно, читала это и раньше — стихи были прочувствованы и поняты ею до конца), читала там, на фронте, где-нибудь стоя на танке или лафете орудия, и как обмудрили, как наливались теплыми слезами и новой силой замерзшие и усталые солдатские сердца: мне стало жутко, больно и высоко.

Фашист выбил табуретку из-под девичьих окровавленных ног. Но смерти не наступило.

Жги меня страдание чужое,
Стань родною мукою моей.
Мне хотелось рассказать про Зою
Так, чтоб задохнуться вместе с ней.

Родина,
мне нет другой дороги.

Пусть пройдут, как пули, сквозь меня
Все твои раненья и тревоги,
Все порывы твоего огня!..

Марина Матвеевна давно ушла со сцены. А зал молчал. Не было сил ни хлопнуть, ни кричать: мы знали, мы чувствовали, что с этим мгновением нам жить долго, может, всю жизнь. Всклинула сзади неутешная Ульяна Никифоровна, утер невольную слезу Василий Александрович.

В этом молчании и вышел на люди Венька Рубдик, наш классный Паганини. Он мучал свою древнюю обшарпанную скрипку уже года три, с пятого класса, под началом регента Казанской церкви и нашего учителя черчения старика Степанова, обладателя могучего баса-профундо, и я не раз, заходя на Липовый тракт, где эвакуированные Рублевы (Венька и его горбатенький отец-часовщик) обретались в приспособленной под жилье бане, слушал остервенелое пиликанье, слушал, пока хватало терпения — Венька готовился в музыкальное училище. И сейчас, если не считать его мелких халтур на еврейских

свадьбах и похоронах, он впервые проходил проверку на публике.

— Сен-Санс. Рондо-каприччиозо! — испуганно объявил он и, как вытный (на Зые так называли тех, кто хотел казаться взаправдашним, настоящим), положил на плечо, под скрипку, белоснежный платок, тряхнул кудрявой головенкой и поднял смычок...

Я не раз обмирал, слушая по радио это пронзительное и верно капризное рондо, и похолодел за Веньку: хоть не первый, но все ж приятель, родная душа, — а вдруг сорвется? Или, как там у них, лабухов, говорят, — облажается... Но или все были еще под впечатлением высоких стихов, или Венька на самом деле кое-чего добился за эти мученические годы в своей баньке, но его тоже слушали серьезно, без смешков, тоже замерев, и проводили аплодисментами. Потом опять вышел Яша-Пазуха и, разгоня торжественную тишину, вдруг ударил всей пятерней по клавишам:

— А теперь заключительный номер нашей программы! Мы, правду сказать, не репетировали, товарищ решил выступить в последний момент... Итак — Леонид Шакалов! Народный русский танец «Цы-га-ночка»!

Когда пели наши вшивари-гиганты, мы думали, что это уже предел смеха. Но оказалось, что смешному, как и трагическому, предела нет.

Шакал вылез на сцену красный, в растоптанных ботинках, в отвислых на коленях, сроду не глаженных штанах своих и громко на весь зал шмыгнул носом.

Пролетел легкий смешок, и теперь мне стало по-настоящему страшно за моего бедного и настоящего друга: зачем он-то вылез? Опозорится ведь, чучело! Я, понятно, и не воображал даже, что меня, что всех нас ждет настоящий праздник!..

— И — раз! — скомандовал Яша-Пазуха.

Ленька выкинул далеко вперед свою длинную ногу, задержал ее в полете и, когда Яша рванул меха, со страшным грохотом опустил на пол. И пошел, поехал... Обучался он этому дикому танцу, видно, в первых классах, а может, в детском еще садике (в военную голодную пору ему, ясно, не до плясок было), движения его сложностью не отличались, были по-детски однообразны, но каким азартом, какой страстью кипели его приседания, отчаянные хлопки ладонями по впалой груди и худым ляжкам, его лихие выкрики, взмахи ног и рук! Казалось, он вот-вот разлетится на части, не соберешь после...

Зал хохотал, визжал, топал вместе с Ленькой десятками ног — колебалась не только сцена, весь наш старый деревянный пристрой ходил ходуном, как при землетрясении. А Ленька плясал, вытарашив глаза... И вдруг в этом гро-

хочушем содоме меня пронзила простая до слез догадка: Ленька плясал больше не от радости, что свалил тяжкие экзамены, что закончил школу, нет! Своей первобытной пляской он благодарил, как мог, меня, класс, учителей своих. Он понимал, что нелеп, смешон, но он все-таки не струсил, вышел на люди, милый, честный, чистый, всеблагородный Ленька!.. И я уже не мог понять: смех или рыдания рвутся из моего горла...

Ленька сделал последний отчаянный прыжок, и тут один разбитый его ботинок сорвался с ноги и, тяжелым снарядом просвистев над нашими головами, упал возле Ульяны Никифоровны, и она отпрыгнула от него, будто боясь взрыва.

Зал ответил на это уже бессильным смехом. А наш бедный Вася Широчайший, тонкой натуры которого смешное в таких чудовищных дозах было просто смертельно, в изнеможении упал головой на плечо директора Вити.

Великий же плясун прыгнул на одной ноге со сцены и так, на одной ноге, проскакал к Ульяне Никифоровне.

— Концерт окончен! — крикнул Яша-Пазуха. — До следующего года, ребята!

...Слова его еще звучали в воздухе, но первая наша пятерка во главе с Ванькой Хрубилой встала и пошла. От школы, слева и справа, спустились к реке два проулка — Кривой и Короткий. Ванька вел свою дружину в Кривой, чтоб перекрыть Лехе Быкову все пути отступления.

Следом, чуть подождав, поднялся Борька Петух, и вторая наша пятерка двинулась в Короткий — встречать Леху...

Он не появлялся долго. Мы уже закурили по второму «гвоздю» — курили по случаю окончания учебы не обычный самосад, а папиросы, хоть и тонкие. Лехи все не было.

— Может, ночевать он там останется, — проворчал Борька. — Зря ты, Пылаев, предупредил, что мы его бить будем. Сдрейфит или охрану из учителей возьмет.

— Нет, — сказал я. — Он хоть и гад, но не трус.

И, подтверждая мои слова, на высоком крыльце школы, хорошо видимом из нашей засады, возник Леха Быков. Красивый и широкоплечий в своей расстегнутой сталинке — настоящий мужик. По спине моей пробежал холод: а что если мы не справимся с ним?.. Леха взглянул по сторонам, видно, ища нас. Не нашел. И, спрыгнув с крыльца, спокойно пошагал серединой улицы. Домой.

Я растоптал папироску, вытащил из кармана и надел пилотку.

— Пошли, — сказал Борька.

И наша пятерка встала на Лехином пути. Выросла так внезапно, что тот даже остановился от неожиданности, невольно оглянулся назад.

Сзади, тоже покинув свою позицию, надвигалась на него пятерка Ваньки Хрубины,

— Так, — сказал Леха. — Десять на одного? Мало что-то вас... Ну, кто первый? — И, наклонив голову, утопив свой могучий подбородок в ворота рубашки, он встал в боксерскую стойку. — Жду.

И тут, словно камень из пращи, вылетел из нашего сомкнувшегося кольца Ванька Хрубило — так же, как когда-то летел он на Витю Кукушкина, отчаянно, без оглядки, но уже с силой и умением выросшего и приобретшего опыт в последующих драках.

Леха не успел среагировать на Ванькин прыжок, его страшный кулак только скользнул по шишковатой голове, и Ванька врезался в Лехин бок. Быков качнулся, и сразу все мы навалились на него и, подмяв, рухнули в пыль дороги. Мелькнули кулаки. Еще минута, и наш тиран был вбит в землю.

Но Серега Часкидов, благородный и нежный начальничий сынок, крикнул:

— Стой, ребята, лежачего не бьют.

Мы отпустили нашего врага и встали. Он лежал, все еще закрывая локтями лицо. Потом медленно поднялся, весь от растерзанного пробора на голове до щегольских сапог — в пыли и грязи. По могучему подбородку текла слюна, а в глазах его, маленьких и волчьих глазах, я увидел то, что, думал, никогда не появляется в них: страх!

— Не надо, парни, — попросил он. — За что?

— Чо, не сладко? — усмехнулся Борька Петух. — А нас лупить сладко было? Да?

Тут к Лехе молча шагнул Серега Часкидов и два раза, слева и справа, ударил его по щекам. Не сильно, ладошкой, больше для позора.

Мы замерли — сейчас Леха не стерпит и врежет открыто стоящему перед ним Сереге, и мы снова ринемся на него. Но это был уже не тот грозный Быков, а безликое существо, впервые, внезапно и до конца, смятое страхом: идя на вечер, идя на нас, он и сам, конечно, не знал, что с ним такое возможно...

— Ну, извините, парни, — повторил он, тряся толстыми губами.

Все невольно отвели от него глаза: больно, противно было глядеть на униженное, грязное, слюнявое это лицо. Ребята смотрели на Борьку Петуха, априори признанного лидером, главой нашей вновь победившей классной республики. А Борька поглядел на меня:

— Ну как, Пылаев, отпустим, ли чо, зайца? А то в галифе свое накладет, развоняет на всю улицу.

Я через силу снова повернулся к моему вчерашнему сюзеру и столкнулся с его глазами: в них была такая тоска, боль, такая мольба, что моя ненависть растворилась в жалости и стыде за него. Жалость к людям, стыд за них, любовь к ним — это были не случайные и временные, как ненависть, это были изначальные,

вечные, с молоком матери впитанные нами, зыбскими ребятами, чувства.

— Ладно,— сказал я.— Пусть катится. Но чтоб его ноги больше в нашей школе не было. Пусть за три километра обходит ее, скот позорный.

— Что стоишь — иди,— сказал Серега Часкидов.— Пока мы хорошие.

Леха нерешительно двинулся через наше кольцо. Мы молчали. И только Ванька Хрубило — у него воспитание все ж таки было другое, заречинское! — со слезами обиды крикнул:

— Да вы чо, обалдели, робя!.. Вы хоть слово с него возьмите, а то изуродует он нас потом по одному!

— Обещай! — приказал Петух.

— Обещаю,— Леха вытер ладонью слюну.— Никого не трону, сука буду.

И когда мы расступились и он почти освобожден из наших тисков, на крыльцо школы вылетела историчка Марина Обрезкова. И прыгнув на землю, и высоко поднимая в беге белые коленки, кинулась к нам, на миг замерла перед растерзанным Лехой, убедилась в своей догадке, быстро оглядела нас и, рванувшись, вцепилась мне в грудь:

— Это все ты, гигант мысли, устроил! — кричала она, рвя своими руками мою рубашку и пиджак.— Друг-предатель! Брут сопливый!

Исчезла хорошая учительница и великая артистка — перед нами бесилась разъяренная, как ее темные предки в драках, ключевская девка.

Вот когда мне стало и в самом деле невыносимо больно: я ведь, дурак наивный, несмотря ни на что, мечтал и надеялся, мучаясь ночами первой любовной тоской, что не так когда-нибудь коснутся меня эти нежные руки и не ненавистью будут гореть эти прекрасные огромные глаза... «Господи! Дай мне силы не упасть,— молился я про себя, дергаясь в ее руках.— Дай мне силы пережить это, господи!..»

И бог услышал — Обрезкова отпустила меня и, полуобняв за плечи нашего врага, повела его от нас.

Они шли назад, к школе.

Меня же обнял Борька Петух:

— Брось, Дениска, не расстраивайся. Дура она, слепая дура. Чо с них возьмешь, с баб? — И он вдруг запел, заорал вслед уходящим одну из популярных среди нас в то время английских морских песенок, чуть переиначив ее:

Будьте к нему не строги.

Он ведь устал с дороги.

Дайте стакан вина!

А Ванька Хрубило засунул в рот два пальца и по-разбойничьи похабно свистнул. И от Борькиной ли песенки, от этого ли свиста, или сам вдруг поняв позор бабьего заступничества, Леха Быков, не доходя до школы, рванулся из рук Марины Матвеевны и кинулся прочь вдоль ули-

цы. Он убежал, сопровождаемый пронзительным, теперь уже общим нашим свистом...

— Чо-то неохота домой идти,— казал Борька Петух.— Больно уж вечер хороший. Айда, робя, на Лисью гору.

— Нет,— замотал шишкастой головой Ванька Хрубило.— Я в свою Заречную побегу. Хвастаться, пока светло. Ведь мои предки, да и вся улица не верили, что я школу-то кончу. А вот оно, *свидетельство! Одно на всю Заречную,— Ванька вытащил из-за пазухи смятый лист, разгладил его.— Пока, робя. Теперь можно и в горный техникум поступать!

Он пошел. За ним потянулись и другие. Остались мы только втроем. Соседи: Борька Петух, Часкидов и я. Да еще за углом Кривого переулка я заметил давно торчашую там тощую фигуру моего друга Леньки Шакала. Но с собой не позвал: скучно нам с ним будет, да и ему среди нас, умников, одиноко... Завтра увидимся, Ленька!

— Ну, пошли,— сказал я. И прочитал из Гейне, или, как упорно называл его на немецкий манер Вася Широкайший, из Хайне:

— Auf die Bergen will ich steigen.

А Борька Петух опять запел своим дурным — без слуха, без памяти — голосом. Снова одну из английских, переделанных на наш зыбский лад песенок:

В Кейптаунском порту с какао на борту
«Жанетта» заправляла такелаж.

И прежде, чем уйти в далекие пути,
На берег был отпущен экипаж.

И мы, вновь свободные граждане, вольные пожиратели пространств, торжествуя свою победу, заорали в три юных глотки припев:

Идут, сутулятся,

Вливаясь в улицы,

И клещи новые ласкает бриз!..

На Лисьей горе, парящей своей голой вершиной и древней сторожевой башней над всем нашим городом, я не был лет пять, всю войну не был — жизнь шла в голодной суете, в трудной борьбе жизнь шла: не до высокого парения, не до тихих спокойных дум нам было.

Когда мы, отдышавшись от крутого подъема, уселись на сложенном из доисторических гранитных плит высоком цоколе башни, на город далеко внизу под нами легли поздние июньские сумерки. Окраины — Ключи, Тальянка, Зыя — были уже едва различимы, просто угадывались по первым вспыхнувшим огням, зато старый завод четко выделялся на фоне неба округлыми контурами домен и кауперов, да городской пруд, привольно раскинувшийся до самых дальних лесов и накопивший в глуби своей за долгий день огромный запас солнца, возвращая его, светился изнутри темной голубишной, почти синью. И на этой сини шумно скользили паруса, как белые бабочки-капустницы, сложившие крылья,

и казалось, что там, вдали, они расправят крылья, вспорхнут и скроются в темноте неба... Тогда, в первые послевоенные годы, парусников было много на нашем пруду — потом их вытеснят практичные, быстрые и вонюче ревущие моторки. Но это будет потом — тогда по глубокой сини пруда летели белые паруса.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом,—

не выдержал и вспомнил Серега. Я же опять прочитал из Гейне, из любимой Васей «Лорелей»:

Прохладен воздух, темнеет,
Но Рейна глубь светла.
В лучах зари пламенеет
Высокая скала...

А Борька Петух, вечно крикливый, ехидный, деревянный Борька, стихов этих знающий прорву, сейчас неожиданно притих, бросил со скалы вниз нераскуренную папироску, заложил руки за голову и сказал лишь:

— Как привольно-то, робя. Как хорошо.
— И жизнь только начинается,— сказал я.
— И войны больше нет,— сказал Борька.
— И никогда больше не будет,— сказал Серега...

Мы опять замолчали. И только когда на Лисью гору, на нашу скалу совсем легла тьма, на сторожевой башне зажегся предупреждающий самолетный красный маячок, и мы встали, чтоб спустаться, Борька показал вдаль:

— Глянь, робя. А в нашей-то школе окна светятся.

Действительно, в нашей двадцать третьей школе, хорошо видной отсюда, потому что она стояла на угоре, на красном месте Зыйского Криуля, в каменной ее части на втором этаже пластали все окна.

— Учителя, наверно, наш выпуск празднуют.

— И Вася Широчайший с Ульяной Никифоровной танцуют танго.

Мы засмеялись, представив эту невероятную сцену, и так, смеясь и дурачась, спустились вниз к городу.

...Мы вернемся сюда только через три года, после десятого класса, после долгого, на всю ночь, с вином, выпускного бала. Так же тихо будет лежать внизу Мой Город, еще не пробудившийся, в ранней голубой дымке, а остывший за ночь пруд, уже светлый посередине, будет исходить по берегам легким туманом. Но душам нашим не станет здесь так же легко и тихо. Мы придем сюда не одни, и подружки наши, девочки из соседней женской школы, будут ломаться и хныкать от усталости и утренней прохлады, а нас — томить уходящий хмель. Но больше — жалость к минувшему ясному прошлому и тревожная неопределенность будущего...

Нет, никогда нам уже не станет так хорошо,

как в наше первое послевоенное восхождение на Лисью гору!

Мы миновали центр, процокали каблуками по настилу Моральского моста, вышли на улицу Фрунзе. И тут под фонарем на углу Зыйского Криуля нос к носу столкнулись, врезались с ходу в Леху Быкова. Как раз на том самом месте, где была в войну глубокая длинная яма — место наших детских кровавых ристалищ, теперь, слава богу, засыпанная.

Уже по виду его — он стоял, широко расставив ноги и улыбаясь, — мы учуяли что-то неладное.

— А вот они где, народные мстители, — сказал Леха, зачем-то натягивая в такую теплынь на большие кулаки кожаные перчатки. — Мы их по всей Зые ищем, а они лунные ванны принимают. Ха-ха-ха!

Рядом с ним, чуть сзади, полукругом стояли: кто, точно разобрать было трудно. Пять молчаливых фигур, пять телохранителей нашего красавца Быкова, возможно, из того же «Военторга». Их явление здесь говорило: Леха готовил расправу... Почему же мы тогда, все поняв, не кинулись врассыпную, не пустились в спасительные бега? Вряд бы догнали они нас в наших родных зыйских, до камешка знакомых нам улицах и закоулках... Но, видно, после всего, что было в тот вечер, — нашего выпуска, нашей победы, нашего свободного парения на Лисьей горе, — к позорному бегству мы просто были не способны. Да и страха мы не чувствовали. Разве могли мы бояться человека, еще час назад трясшегося от страха и униженно, слюняво просившего у нас прощения?.. Так мы и стояли, тоже молча наблюдая, как обходят нас тени, прижимая к Быкову, уже натянутому (чтоб не побить пальцы) движением палача (чтоб не оставить на себе наших следов) свои офицерские перчатки.

— Значит, «за гранью дружеских штыков» нас уродовать станешь? — Сумасшедшая память Борьки Петухова и тут не подвела, сработала четко: «Мцыри» вспомнил! Ну — гений!

— Заткни хаволо! — Кто-то прихватил его сзади за локти. И тогда выступил вперед я, подтверже уперся в бугорок под ногами; я затеял всю эту историю, и мне первому отвечать:

— Бей, сволочь! Бей, мешок с дерьмом из американской тушенки!

Леха шагнул ко мне и откинулся всем телом назад — для удара.

Но удара я не почувствовал, боли тоже — наоборот, легкость свободного, параллельно земле полета. И, врезавшись в землю, тут же вскочил — под новый удар, для нового злого крика. Но крик мой вдруг захлебнулся в чем-то горячем, соленом, мгновенно затопившем нос, рот, глотку, и, чтоб горячее красное не хлестнуло на рубашку, навек испортив ее, я машинально со-

рвал с головы забытую пилотку, пилотку скелета Феди, и прижал ее к лицу...

Моя кровь! Кровь человека. Кровь всех живых существ на земле. Несравненное творение природы — великий жизненоситель... Пока ты есть в нас, пока ты движешься, потоком в аорте и капельками в малых капиллярах, — мы живы. Остановилась, иссякла, и нас нет...

Тогда, в ту ночь, я, гордившийся раньше своим крепким носом, который не разбивали даже в самых жестоких драках, впервые понял эту простую истину. Потом, через много лет, жизнь мне снова напомнит о ней.

Второй раз — тоже в июне, в мой уже двадцать седьмой Троицын день, на буровой 711, в Башкирии...

Все у нас как-то лихо заладилось с утра. Пробурили одним рывком пять метров, «взяли деньги», потом быстро, без задержек, подняли из скважины инструмент — почти сотню «свечей», спаренных десятиметровых бурильных труб. Сменили сносившееся, с истертыми шарошками долото, поставили новое и начали спуск. Иван Трубников, наш бурильщик, только покривал от радости: полторы минуты — «свеча», полторы минуты — «свеча»! Если так пойдет, мы еще пяток метров рванем, всем другим вахтам свечу вставим. За тонкими щелястыми досками, которыми была снизу обшита буровая, выл степной ветер, хлестал из скважины нам под ноги глинистый раствор, а мы с Николой Лядовым, два помбура, метались у ротора, подавали с «подсвечника» и навинчивали трубы. И буровая колонна почти без остановок неслась вниз, и не было обычной усталости от борьбы с железом — была легкость и счастье удачной работы!.. Но когда оставалось спустить всего с десяток «свечей», верховой ветер качнул систему. Иван Трубников не успел вовремя смайнать лебедку, я поскользнулся, «свеча», вихнувшись, вырвалась из мокрых рукавиц и врезалась в меня, припечатывая к замерзшей сзади слоновьей чугунной башке вертлюга. «Все, кранты», — успел подумать я... Но тот же глинистый раствор, на котором я поскользнулся, меня и спас — унес вниз мои ноги, и труба только шаркнула резьбой мне по лбу, а вертлюг, разодрав затылок, не успел сплющить голову — из-под смятой фуражки хлестнула, мешаясь с желтым раствором, красная кровь — моя кровь.

Я не помню, как они, мои ребята, вахта моя, бегом, меняясь друг с другом, несли меня три километра в поселок, как там накладывали швы... Когда-нибудь я напишу (если раньше не придет мое последнее кровавое искупление), я напишу о том, как проснулся ночью, разбуженный безудержным из открытого окна щелканьем соловьев и прорывающимися сквозь него звука-

ми недалекого баяна, как поднялся, бережно придерживая перебинтованную толсто голову пальцами, которые сразу стали красными, крозь еще сочилась, пропитывая слои бинтов и ваты, как пошел на зов соловьев, а больше баяна, как увидел моих ребят, всю вахту, сидящую на скамейке в больничном саду, как Иван Трубников задержал руки на клавишах, как ребята сдвинулись, пуская меня рядом, и как рванули шепотом свою любимую, бригадную:

Потому что день рожденья
Только ра-аз в го-о-ду!..

Когда-нибудь, может, я напишу и про третье мое искупление кровью. Пока самое страшное, страшное своей внешней беспричинностью. Оно пришло еще через десять лет, когда ударила меня, закрутила в неистовом вихре любовь. Ясно, не первая, и, возможно, не главная. Но любовь, не знающая пресыщения и сна, страсть, не ведающая усталости и открывшая такие таящиеся во мне силы, которые были не известны доселе даже мне самому. О, как я был здоров, как легок и счастлив. И когда через две недели мы решили на время расстаться: мне надо было сделать срочную работу — и я, придя в заброшенную свою комнатенку, вложил в пишущую машинку чистый лист и пошел в ванную умыться перед началом, — на белый кафель ванны капнула из моего носа маленькая красная капля. Потом другая... Я намочил полотенце, положил его на лицо, лег на кровать. И — сладко задремал. Очнулся от нехватки воздуха — кровь булькала в моем горле, стекала с полотенца, лужей стояла на полу. Я поднялся, но успел дойти только до двери — упал. Я лежал и с безразличным спокойствием наблюдал, как кровь течет по груди, по рукам, расплзается по половицам, вытекает под дверь. Я смотрел, как вытекает из меня моя жизнь...

Потом дверь открылась сама. Но спасла меня не моя любовь, учувшая беду и кинувшаяся на выручку, нет, — меня спасла соседка, простая продавщица из мясного отдела, пришедшая взять с меня старый долг. Спасибо вам, люди, живущие рядом с нами!..

И тогда, лежа с двумя капельницами, — вливание делали сразу в обе руки, — я и подумал, что за все лучшее в жизни человек расплачивается главным ее носителем — кровью! И за счастье свободы, и за счастье труда, и за счастье любви!

Но вначале и прежде всего — за счастье свободы!..

... — Ну, этот заткнулся, — сказал Быков. — Долго будет помнить нашу дружбу.

Я вылил из пилотки натекшую кровь, хотел

сказать, что нет, не заткнулся, что все запомню, но из губ вылетели, лопаясь, только кровавые пузыри, а движение мое остановил один из подручных, прихватив сзади за шиворот.

Быков двинулся на Борьку Петухова.

Борька закрыл лицо руками, но Быков ударил снизу, в солнечное сплетение любимым своим апперкотом, который он мне, хвастаясь, не раз показывал. Борька согнулся, потеряв дыхание: опустил руки. И тогда Быков сокрушил его крюком в челюсть, и Борька упал, царапая ногтями землю, все еще не в силах продохнуть...

— Давай кончай,— просипел один из дружок, самый большой, тот что стоял за Петуховым.— Светает.

— Один момент,— сказал Быков, снова поднимая свой кулак — уже на Серегу.

Но странно: самый из нас слабый на вид Серега Часкидов, к тому же защищавшийся только одной рукой, другую он зачем-то прижимал к животу, видно, оберегая печень, желтухой маленький болел, наш Серый держался дольше всех. А может, дело было не в его стойкости — просто Быков не хотел заваливать его сразу, а бил расчетливо, скользко, что было особенно больно и оставляло синяки,— мстил ему за те две позорные пощечины... Серега качался, но не падал, стоял...

— Кончай в натуре... Горим мы! — не выдержал еще один из прихлебателей.— Вдруг кто увидит.

И Быков замахнулся для решающего удара. И тут в полумраке уже наступившего рассвета — долго же он нас уродовал, гад! — из-за угла вылетела какая-то долгая нелепая фигура и повисла на быковской занесенной руке. Быков качнулся от неожиданности, а мы — и я, и поднявшийся на коленки Борька, и Серега с его начинающим уже синеть и опухать ликом, — разинули рты: на руке Быкова висел Ленька Шакалов! Мой сердечный, до конца преданный друг... Значит, ему тоже не спалось, и он бродил за нами следом, томимый теплой ночью и радостью конца учебы, шастал по улицам, не решаясь подойти к нам, боясь помешать, показаться лишним... Милый, смешной, верный Шакал!

Растерявшийся сперва Быков, узнав его, зло хохотнул, но в злобе его уже чувствовалась истеричность, и, развернувшись, свободной левой врезал Леньке в его слабый тощий живот. Тот дрыгнул длинными ногами, без звука ткнулся носом в пыль. За все вот это... Быков наклонился, чтоб поднять и бить Леньку дальше, но Серега Часкидов, один глаз которого совсем заплыл, остановил Быкова криком:

— Не тронь его, мерзавец!

А «большой», выставив вперед кировские часы-бочата на волосатом запястье, взмолился:

— Закругляйся, Леха... Ну и колотушка у тебя. Как иконы, салаг разрисовал.

— погоди, парень,— я наконец сплюнул, вытолкнул из горла комок, мешавший мне говорить.— Оставь его нам. Закругляться рано.

— Еще захотел, старый друг? — усмехнулся Леха, уже снимая перчатки и отступая от нас, чтоб присоединиться к дружкам.— Мало тебе?

— Мало! — закричал я и со всего маху, со всей силой своей вlepил ему в толстую щеку, в его четкий тяжелый профиль, вlepил кровавую свою пилотку. Вот где она пригодилась, сердечная! Боевая солдатская пилоточка из зеленого выцветшего ХБ...

Быков рванулся ко мне с нутряным каким-то стоном. Но, увидев уже окончательно вставшего на ноги Борьку и сжавшего кулаки Часкидова, и меня, тоже готового к отпору, а главное, услышав топот своего убежавшего боевого охранения, словно споткнулся, отдрал от щеки пилотку, оставившую на его барской коже кровавый, теперь никогда не смываемый след, повернулся и кинулся наутек.

— Куда же ты, сука? — заблажил Борька Петух.— Ты же клялся нас по одному не лупить? Продал свое слово! Стой!

Но Быков бежал, не оглядываясь, ворочался в беге только его толстый зад.

Тогда врезал в его спину Серега, один глаз которого уже совсем заплыл:

— Ты кого испугался, чудо-боксер? Колотушка великая!.. Трех пацанов? Ты же моща, а нас всего трое. Всего трое — куда ты, фашист?

Эти слова будто ухватили за спину и остановили Быкова: а верно, кого он испугался? Трех изуродованных мальчишек, которых начисто вырубят три его хороших удара?.. Он разъяренно скривил окровавленную щеку и шагнул к нам. Я невольно поглядел кругом, ища глазами хоть какой-нибудь камень, хоть какое-нибудь оружие, но площадка под уже угасшим фонарем была пуста.

И тут восстал из пыли забытый нами наш заступник Ленька Шакал.

— Иди, иди сюда, угнетатель,— растянул он в гримасе ненависти и боли свой большой рот.— Нас всего четверо... Ну. Шагай прытче, гнида военоторговская!

И Быков стал... Да, из него, будь он иной закваски, мог выйти толковый военачальник. Потому что военачальник — это не обычный человек, дающий увлечь себя страстям, даже таким, как ярость, — это командующий, пусть над собой, но командующий, трезво оценивающий обстановку, не теряющий голову и, если бьющий, то бьющий наверняка, до победы... А мог ли он сейчас победить этих четверых: пусть уже избитых сопляков? Победить в оди-

ночку, без защитников? Бабушка надвое сказала. Да и светло уже, скоро люди, свидетели появятся. Не лучше ли отступить?.. Лучше!

Вот так наверняка подумал он, снова поворачиваясь и пускаясь догонять пятерых, не зная, что сейчас это не отступление, а просто бегство — поражение, за которым никогда не будет победы.

Мы торжествующе завывали ему вслед.

— Стой! — раздалась сзади, перекрывая наш вой, отработанная военная команда. — Стой, Быков!

Сзади нас, вывернув, видно, из-за того же угла, что и Ленька Шакалов, задыхался от бега наш военрук Юрий Павлович, Юрка-Палка. Он успел уже разглядеть нас, наши побитые рожи, увидел улепетывающего Быкова и тех, что, грохоча обутками, подбегали к Моральскому мосту, — увидел и все понял:

— Стой, Быков!

Но тот, услышав этот крик, только оглянулся и припустил еще быстрее, его сапоги тоже застучали по мосту. Мы сейчас могли бы кинуться в погоню. Но это было бесполезно: быковский дом, «Военторг» его матери, стоял всего в полста метрах от моста, и он успел бы скрыться за его стенами. А будить мать, поднимать шум — это уже лишнее. Пусть дрожит там, ожидая расплаты. Все равно он проиграл — струсил, сбежал, а кто убегает с места боя, тот и повержен.

Юрка-Палка вытащил носовой платок, промокнул им слабый пот на лбу и на щеках, заправил за ремень выбившийся пустой рукав.

— Я весь вечер что-то неладное чувял, последний час как на иголках сидел. Но застольничал, разговоры разговаривал; вместо того, чтоб сюда бежать... Обленился, видать. Рано в мирное время поверил. А может, постарел?..

Он сокрушенно вздохнул, вытащил папиросу, дунул в нее, чтоб слабые табачинки не угодили в рот, щелкнул зажигалкой.

— Давно я догадывался, — сказал, — что этот обалдуй и его мамаша-торговка — нелюди. Но чтоб до такой степени... Чтоб под таким прикрытием темной силы калечить мальчишек, — эт-то слишком! Но ништяк — завтра я его с родительницей обоих на крюк подвешу!

— Не надо, — сказал Серега, отстранив Леньку Шакалова, который уже как равный прикладывал к его синякам листы подорожника, предварительно послонявив их. — Они же нас не трогали, просто слепые исполнители... И Быкова не троньте. С ним все кончено. Он исчез, потерялся.

— Нету его больше. — Борька Петух по примеру Юрки-Палки тоже закурил папироску, мундштук которой от разбитых губ до табака сразу пропитался кровью. — Сокрушили мы его.

— Отставить! — рявкнул Юрка-Палка. — Курить при учителе, совсем распустились.

Борька испуганно бросил папироску. И во время.

Из Зыйского Криуля вывернули, обнявшись, вступили на поле недавнего побоища еще два

наших учителя, самых главных, самых любимых — физик Яша-Пазуха и «немец» Вася Широчайший.

Они тоже возвращались из школы, горящие огни которой мы видели с Лисьей горы, и Вася выступил в белом рассвете, чернея своим новым костюмом, величественно, как бог...

Да! Я забыл сказать, что в этот вечер (все-таки праздник, да и деньги, видать, подкопились) наш Вася впервые сменил свою боевую гимнастерку и потрепанные, с мешками на коленях галифе на цивильный костюм, и до того чопорно-значительный стал, вовсе недосыгаем, будто сам Зевс... Но сейчас пиджак его был небрежно расстегнут, а галстук, по-старомодному, чуть не бантом, толсто и коротко повязанный, слез в сторону. Зато Яша-Пазуха даже сейчас после бессонной ночи, как всегда, не потерял формы — на костюме ни складочки, в глазах строгость.

— Это что за номера? — спросил он, разжимая объятия, в которых держал своего великого, но явно расслабившегося коллегу. — Почему не спите, и «физики» ваши, по-моему, не тае...

Мы дружно повернули наши «физики» в сторону, чтоб хоть не все раны были на виду, но нас спас Вася, который вдруг стал давать прогнозы и характеристики, хотя раньше по мудрости своей никогда этого не делал, зная, видно, всю тшету данного занятия.

— Подожди, Яша, — сказал он, еще больше вытягиваясь в небо на своих длинных ходулях. — Я им хочу слово произнести!.. Вы, Петухов, несомненно талантливы, но не очень смелы в решениях и у вас нет цели, большой цели... Вы, Пылаев, наоборот, бога за бороду пока не хватаете, но в вас чувствуется целеустремленность... Выводы делайте сами... Верным другом людей останется Шакалов. Он — друг Горацио, прост, поэтому будет счастливее вас... Ну, а о тебе, Сережа, у меня даже слов нет, ты уже сейчас че-ло-век! Но... но что это с твоими глазами? — Вася Широчайший удивленно вперился в Серегину синюю рожу сквозь толстые линзы своих очков. — Ты упал?

— На кулак он упал! — закричал Яша-Пазуха. — Они, лешаки, дерутся без ума, а вы, Василий Александрович, им гимны поете. Фингалы это!

— Что за фингалы? — не понял сперва Вася, а когда до него дошло, воскликнул, трагически опять, ясно, из Александра Сергеевича: — «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет!»

— Какие страсти? — психовал Яша-Пазуха. — Элементарный мордобой!

Но тут осадил Яшу Юрка-Палка, до того молчавший:

— А ты, Яков Иосифович, забыл, сколько сам в пацанах фингалов этих вынылчил? Ну, гу-

ляли парни, поцапались из идейных соображений. Могут быть у них свои идеи?

— Должны быть! — снова воскликнул Вася. — О-бя-за-ны!

— Теперь помирились, домой идут. К мамкам. И мы, пожалуй, тоже к ним двинем. — Он обнял своей единственной рукой Васю Широчайшего. — Пошли, товарищи учителя. До нового года, товарищи ученики!

— Пошли, — согласился Вася. — Только нет у меня мамы. Не дождалась...

И они двинулись дальше. Под гору.

А мы — на свою Зыю. Но за ближним углом Борька Петух притормозил:

— Слушайте, робя, — ехидно сказал он. — А наши-то великие наставники не в себе вроде. Вина вроде хватили. «Золотого, как небо, Аи!»

Мы с Ленькой Шакалом хихикнули, и только Серега Часкидов остался серьезным.

— Ну и что? — закричал он, вытаскивая из-за пазухи свое «золотое» свидетельство и разглаживая его. (Так вот почему он защищался только одной рукой: не хотел, чтоб свидетельство выпало, чтобы Быков и дружки растоптали его своими сапогами!). — Над кем смеетесь, уроды? Они такого врага сокрушили, это вам не кретин Быков... Они первый мирный, наш, пусть худенький, выпуск отмечали, свое возвращение к жизни, к работе праздновали. А вы... — А чо мы? Чо мы? — заблажил Борька, пускающая кровавые пузыри. — Ничо мы не видели! — Вот хитер-бобер, опять вывернулся. — Это тебе померещилось. От сотрясения извилин после быковских кулаков.

Но вдруг он смолк. Снизу, издалека, от реки, до нас долетела песня. Пели мужские голоса и тоже, как и мы, о море. Но если в нашем репертуаре были английские переводные песенки о дальних странах, о седых проспиртованных мореходах, о девушках из портовых таверен, песенки, рожденные нашей тоской-печалью по огромному чужому миру, по неведомой фантастической любви, то песня мужчин внизу была, хоть в ней звучала тоска и любовь, была рождена совсем другим. Они пели о русском моряке, который поскитался за войну по неродным краям, «в любых морях тонул и штормовал, но...»

Но не оставил там души ни крошечки, Ей-ей!

Она для нас... она для нас...

Она для Насти-Настеньки моей!

Она для милой Настеньки моей...

Это пели наши родимые учителя-фронтовики.

А над Красным Камнем всходило солнце. Сейчас — я знал — из ворот наших улиц хозяйки выгоняют в пасево коров, а к водонапорной колонке, прихрамывая и упершись худой грудью, как в хомут, в ручку самодельной «тачанки», едет за водой мой отец — поливать чахлые от страшного, без дождей, солнца первые всходы

картошки... Единственный раз ошиблась в своих пророчествах старая колдунья Часкидиха, Серегина бабушка: пережил смертную тоску мой батя. Хоть израненный, хоть после плена, хоть на год позже, но вернулся домой...

И этот восход солнца над мирным Моим Городом, эти тщетные, но великие попытки моего отца помочь природе, эта грустная и счастливая Песнь Возвращения моих учителей, а не наши маленькие, преходящие боли и победы, не наша борьба за власть — были тогда главным. И — вечным!

...Но все же — так ли были мелки, так ли бесследны и наши детские дела-делишки, если они и сейчас, через много-много лет, живут в памяти и совести, заставляя сжиматься сердце и не спать по ночам?

Виктор СУВОРОВ

Отца фотокарточка
Старую желтую
Нашел в сундуке.
Глаза напряглись —
Крупные руки лежат,

тяжелые —

Молот кузнечный держали всю жизнь.
Не знали покоя они
В буднях суровых,
И скуки не знали...
Тянулись к огню:
Ковали серпы
И для конниц подковы,
Для танков горбатых
Ковали броню.
До смерти дышали
И дымом, и жаром,
И хватким клещам оставались верны...
Отца фотокарточка
Желтая, старая...
Стерлось лицо,
Только руки видны.

Опять встаёт передо мной
В жаре полынная равнина,
Телега, бочка с лигроином
И мерин с потною спиной,
С телегой рядом баба-кучер
В плену своих горчайших дум.
Я за повозкою скрипучей
В деревню к бабушке бреду.
Во рту моем ни крошки хлеба,
Воды ни капельки с утра...
Враз впереди поблекло небо! —
Я покачнулся у бугра.
Проскрежетав, телега встала,
Проворно баба из мешка
Бутылку полную достала
Густого с пенкой молока.
«Возьми, попей. Давно из дома?
Шагать-то степью нелегко...»
И мне, мальчишке городскому,
Казалось чудом молоко!..
Дорога нудная светлела,
Кузнечик пел среди тишины.
Печально баба та глядела
С пригорка в сторону войны.

«ПРИСТУПАЮ К ДЕЙСТВИЯМ...»

Юрий
БОРИСИХИН

Н. В. Струтинский

Советский разведчик Николай Струтинский размышляет о боевом пути своего уральского друга — Героя Советского Союза Николая Кузнецова, о чести, доблести и славе.

...У него приятное лицо с неизменным выражением доброжелательности — так бывает с людьми, раз и навсегда выбравшими себе жизненный идеал и следующими ему с нерушимым постоянством. Да, Николай Владимирович Струтинский, боевой соратник легендарного разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова, не изменил идеалам дружбы, которая связывала этих двух незаурядных

людей. И хотя Кузнецов был старше Струтинского чуть не на десять лет (разница возрастов по той поре солидная), скромность, сдержанность и находчивость украинского хлопца вызвали неизменное восхищение разведчика.

Увековечить имя русского друга, донести, отстоять правду о жизни героя — вот цель, которой Струтинский верен все тридцать с лишним послевоенных лет. Он устанавливает место и обстоятельства гибели Николая Ивановича, организует его перезахоронение, принимает самое деятельное участие в создании памятников Кузнецову — в Ровно и Львове, пишет книги о боевом пути уральского собрата.

...Я прилетел во Львов под Новый год, сюда зима еще не добралась, пахло дождем до полудня. Николай Владимирович вез узкими улочками, чтобы я смог почувствовать прелесть этого старинного города.

— На Урале уже снег? — спросил он и не скрыл в интонации заветности.

— Еще какой! Белизна по белому, — подзадорил я.

— Тосковал иногда Николай по снегу. И сильно... Мне кажется, если уралец по снегу не побродит, у него походка разлаживается. А власть над походкой — первое дело разведчика.

Быстро протекло время бесед. Сейчас вот думаю: значительность таких людей, как Струтинский, еще и в том, что ими не только хранится правда о былом, она еще и согрета страстью донести ее до приходящего поколения. Ибо страстная правда больше говорит сердцу, чем уму, а память сердца прочней.

Н. В. Струтинский. Я понимаю, о чем вы просите. Читатели вашего журнала подростки — особый народ. Бывает, выступаешь, а они притихнут, но чувствую: не интересно им. Я про погоню, про перестрелки, а они, сорванцы, не подключаются. И вдруг кто-нибудь тихонько спросит: «А вот уточните, Николай Владимирович...» И такое спросит... Любят они точность о ге-

рое. Детали любят... Им мало сказать, что Кузнецов был отчаянно смел, доказать надо. Смелость — это умение действовать мгновенно. Думать надо до или после. Однажды под деревней Хотынь группа Кузнецова, возвращаясь с задания, попала в засаду националистов. В какие-то секунды, чуть не вихрем, Николай Иванович врывается на позицию врага и в упор бьет из пистолета. Бандиты опешили и разбежались. Кузнецов был очень спортивен — быстр, силен, гибок. Смелость обеспечивалась прекрасными физическими возможностями. Не будь он легендарным разведчиком, он был бы, может, великим спортсменом.

Корр. А донести до подростка надо духовный смысл подвига...

Н. В. Струтинский. Конечно! Но задача эта не из легких. И обращаться надо к собственному детству за главным советом... Тогда я не задавал вопроса, почему вся наша семья — отец, Владимир Степанович, братья — Жорж, Ростислав, Василий, мама — Марфа Ильинична, племянница Ядзя стали партизанами. Да, бедно жили... Правда, нынче бедность понимают как материальные нехватки. Весь ужас бедности — в бесправии. Нужду можно перебыть, и часто кусок хлеба в семье был праздником. Но сознание, что ты как человек не стоишь ничего — а именно так вели себя по отношению к нам паны — невыносимо...

Помню детское чувство — глубокий интерес ко всему русскому. Может, сказывалось влияние матери, она была русской, отец — поляк.

Панов ненавидели. Конечно, среди них случались порядочные люди, и в отношениях между собой они блюли определенную этику, но мне никогда не забыть звон грошиков, брошенных нам, как нищим, за тяжелую работу.

Революция в России была солнцем, к которому мы потянулись... Это трудно объяснить, что такое свобода. Но верно говорят — нет ее слаще.

Правда, в комсомол меня не приняли. Курьезный случай — один мой знакомый на танцах оскорбил девушку, я попросил извиниться. Он отказался, я и врезал ему... Признали на собрании ячейки меня хулиганистым парнем. Любопытно, нечто подобное случилось и в судьбе Николая. На последнем курсе техникума Кузнецов резко раскритиковал секретаря комсомольской организации за двурушничество, а позже, тоже на танцах, отчитал подтрунивавшего над девушкой секретарского дружка... Восемнадцатилетнему

Paul Pinboch, Oberleutnant

Николаю вменили в вину, что он принадлежал к кулацкой семье, исключили из комсомола... Но он перенес страшный удар стойко. Вернулся домой, поступил в коммуны «Красный пахарь», не гнушался самой черной работы — возил дрова, сено, был скотником. Позже, в 1930 году, по апелляции в ЦК ВЛКСМ его восстановили в рядах Ленинского комсомола. Говорят, человек вырастает по мере того, как растут его цели. И не ради красного словца ответил Николай Кузнецов матери, когда она утешала его после исключения из комсомола: «Буду стоять насмерть за правду...»

Он почитал правду, его коробила и оскорбляла фальшь, ложь.

Можно себе представить, какую пламенную ненависть породил в его сердце фашизм с его просто нечеловеческим цинизмом, жестокостью, коварством, низостью. Фашизм стал и моим личным врагом. Сердце пламенело мщением. Мы не ждали призывов, да и не могли они дойти до нас. Хутор — 800 десятин земли. Далеко от дорог.

Корр. Как же «хулиганистому» Николаю Струтинскому попала в руки первая винтовка?

Н. В. Струтинский. Вручили, как говорится, при весьма любопытных

обстоятельствах... Ночью мы отправились к дому сына хуторского помещика. Растолкали батрака и строго пригрозили: «Пусть отдаст винтовку, иначе спалим усадьбу». Помню, для пущей важности я даже пальцем пригрозил.

Мы понимали, что вступили на путь опасный: впервые я сам создал ситуацию, в которой могли загреметь выстрелы. Я сказал хозяину: «Слышал? Возьми винтовку за ствол и подай в дверь. Следом — мешок с патронами...» Не меньше, чем чудом, показался мне выползающий из проема двери приклад... Еще одну винтовку выменял за костюм. И надел-то его чуть ли не первый раз в жизни, а пощеголять не пришлось... Кузнец знал, зачем я пришел такой торжественный. «Очень хороший костюм», — похвалил он одежку. «Раздевайся», — сказал я весело... Конечно, не сильно весело, но уверенно, потому как с оружием мы были боевой единицей! Скоро устроили засаду и отняли в честном бою у немцев пулемет, винтовки, пистолет, патроны...

Из леса почти не выходили. Большие деньги за нас обещали. А всего-то было нас семнадцать хлопцев. Мне шел двадцать первый год...

Корр. И вот вы встречаетесь с Кузнецовым...

Н. В. Струтинский. Я уже был в отряде Медведева, когда туда прибыл Николай Иванович. Сменялись в отряде — при посадке Кузнецов угодил в болото. Так мокрый и знакомился с командиром... Я наблюдал за ним с восхищением — статный, красивый, остроумный. Я-то не знал, что он и за нами, местными, наблюдает. Ему нужен был помощник. Как-то он отозвал меня в сторонку. Меня поразила сердечность, с которой он расспрашивал, в каких городах бывал, где живут друзья, родственники. Его интересовали малейшие черточки быта... Я старался вовсю. И, видимо, столько жара и любви вкладывал в рассказы о своей родине, что Кузнецов невольно проникался этим чувством и начинал говорить об Урале. Сильно его любил... Много лет спустя я побывал в Свердловске, на Уралмаше, в Талице и поражался, какими точными и выразительными были его рассказы о родных местах. Вообще, я думаю, на человека можно положиться в той степени, насколько дорог ему родной дом, Родина.

Я сразу почувствовал в Николае верно человека. Помню, тут же подарил ему сапоги. Холода наступали, а он, как мне показалось, был обут несколько легкомысленно. Бравировал немного. Такой грешок вошел за Кузнецовым.

Корр. Николай Владимирович, нынешние подростки тоже любят немного бравировать. Особенно на мотоциклах... Заметна и драчливость. И когда видишь это, не хочется называть их смелыми... Мужество знает цель! Как вы, разведчики, относились к опасности!

Н. В. Струтинский. Знаете, опасно было все. Опасно не так кинуть головой, не так перейти улицу, не так спросить. Немец имел право стрелять без предупреждения по любому подозрению. И это в городе, по мирному жителю. А если дело касалось разведчика? Возможность быть обнаруженным удешевлялась. И не просто смерть ждала в таком случае, а невыносимые пытки в гестапо, про изощренность которых ходили мрачные легенды...

Кузнецов мог взять только мастерством. Дар перевоплощения был ему дан как талант. Он неустанно тренировался. Отрабатывал мимику лица, жесты, походку. А когда заметили, что Кузнецов во сне часто говорит по-русски, начал избавляться от естественной, но теперь смертельно опасной привычки. Научиться контролировать себя даже во сне — это уже выше обычных человеческих сил. Кузнецов сумел показать себе молчать во сне...

Хотя сверхбдительность немцев несколько преувеличена. Удостоверения мы готовили сами, печати я вырезал собственными руками, была у нас и машинка с немецким шрифтом. Однажды на спор с Кузнецовым я заправил нашу машину по фальшивому талону на бензин... Конечно, это был, наверно, ненужный риск. Но в молодости так трудно удержаться! Да, у Николая были и гордость, и тщеславие. Знаете, и такие качества разведчику необходимы, их можно пустить в дело. И вот почему: среди фашистской верхушки высокомерное поведение было естественным.

Настоящий характер — всегда сложный характер... Но как важно понять другого, не мешать ему быть собой. В этом секрет прочной дружбы. Я не все принимал в Николае, но все — уважал...

Давайте проанализируем ситуацию, когда Николай Кузнецов был на приеме у Эриха Коха. Он не выстрелил в гауляйтера. Что это? Расчет? Трусость? Минутная слабость? Ведь шансы попасть еще раз на прием к Коху практически равнялись нулю. И к тому же Кузнецов, не выстрелив, не выполняя задание — привести в исполнение смертный приговор палачу, срывал тщательно подготовленную операцию...

Итак, Кузнецов в кабинете. Кох — за столом с множеством кнопок. Это — мгновенная сигнализация. На полу — тренированные псы. За

спиной — автоматчики. Малейшее движение — смерть... Да, Кузнецов не успевал произвести выстрел. Не хватало доли секунды, быть может. Он смог вычислить эти недостающие доли секунды... Такое обостренное чувство разложенного на дольки мгновения бывает у людей, упорно и долго готовящихся к такому сложнейшим ситуациям. Ну и, конечно, у одаренных людей...

И все же Николай жалел, что не смог убить Коха. Он понимал, что при более тщательной тренировке можно выхватить пистолет и за меньшее время... Требования совести и долга бывают иногда выше, чем может человек практически...

Конечно, в отряде отнеслись с пониманием к неудаче. Но понимание пониманием, а на неудачу надо реагировать. Начальник разведки А. Лукин подходил ко мне с вопросом: «Что с Кузнецовым? Предстоит новое задание. Полагаете, что не дрогнет?» — «Надеюсь как на самого себя!» — сказал я тогда. На операцию нас отпустили. Да, дела в партизанском отряде были поставлены так, что доверяли, но и строго проверяли...

Николай благодарил меня за дружескую поддержку — она, знаете, необходима бывает людям и с железной волей. И мы пошли на новое задание, и я снова восхищался его доблестью.

Корр. Дobleсть! Не призабыли ли мы, что вкладываем в это понятие! О героях и героизме говорим громче и чаще. Приведу пример из спорта — пусть на вершине бывали многие, но для тебя она — первая, и ты хотя бы на короткое время сам перед собой чувствуешь себя маленьким героем...

А доблестным назовут первого. Есть ли такое, что отличает Николая Кузнецова от других разведчиков! Что стоит за его доблестью! В чем секрет его легендарности!

Н. В. Струтинский. Дobleсть — нравственное мужество. Духовная стойкость — вот наиболее впечатляющее качество Николая Ивановича. Путь его как разведчика вовсе не был усыпан лаврами и розами. Смотрите — неудача в бункере Коха, затем неудавшееся покушение на штатенпрезидента генерала Даргеля, заместителя Коха по политической линии. Кузнецов-то сам для себя считал их промахами! Сразу две крупных ошибки смогли бы выбить из колеи любого. Но Николай не сломлен. Скоро он организует блестящую операцию покушения на генерал-майора Ильгена и личного шофера Эриха Коха — капитана Грану. Бесстрашие Николая Ивановича в этой операции просто пора-

зительно. Он шел на врага с открытым забралом. Да, славна героями русская земля. Но не каждое имя вошло в легенду. Я часто думаю, почему так любит народ Николая Кузнецова? Мне кажется, именно за ту личную смелость, душевную стойкость, которая отмечала народных героев — Островского, Матросова, Маресьева. И еще: за Кузнецовым стоял Урал, по-своему тоже любимец России. Я немного повторюсь, но когда увидел его суровую природу, то многое из того, что для меня было тайной в характере Кузнецова, я понял. Горы, пусть и не самые высокие, но древние и гордые, реки — пусть и не самые большие, но в половодье бурные и своенравные, лес, хоть и не самый могучий, но светлый и кражистый. И я молчаливо просил прощения у Урала.

Корр. Прощения! За что!

Н. В. Струтинский. Единственная размолвка произошла с Николаем — и такая горячая... Однажды мы ехали по городу в машине, и Кузнецов попросил остановиться. Некоторое время он отсутствовал. Когда пришел, Ян Каминский спросил:

— Где вы были?

И неосторожно назвал имя одного нашего связанного.

Кузнецов вспыхнул на меня.

— Почему сказал, куда я ходил? За это и шлепнуть можно...

Я оторопел: между друзьями — и такой тон. Выскочил из машины и так хлопнул дверцей, что полетели стекля. Он догнал меня:

— Извини, Коля, извини.

Но я сгоряча написал заявление, что с Кузнецовым работать не могу... И во Львов Николай Иванович отправился с Каминским и Беловым. Кто знает, будь я рядом, судьба бы, может, позволила мне заслонить друга. Маленькая горячность, но как себе простить?

Письмо-завещание Николая Кузнецова вскрыли во Львове, уже после войны. Там были такие слова: «...перехожу к действиям. Я люблю жизнь, я еще молод. Но если для Родины, которую я люблю как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это».

В этих словах — весь Кузнецов...

Корр. Как полезно услышать завещание сегодняшнему подростку! Ему входить в жизнь, ему строить будущее!

Как важно, чтобы юное поколение чаще прикасалось к духовному и героическому наследию народа.

Часто слышатся нарекания — трудная пошла молодежь, в чем-то даже неуправляемая...

Н. В. Струтинский. А вы собственную юность вспомните — все в ней было управляемо? Как становимся постарше — ворчим, самих себя не помним, все норвчим со стороны на подростка посмотреть. Позволю себе несколько цитат. «Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна», «Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже недалек». «Эта молодежь раздрана до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы! Никогда они не будут походить на молодежь былых времен...» «Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие...» Знакомые мотивы, не правда ли? Так вот: первое высказывание принадлежит Гессио-ду — XIII век до нашей эры, второе и третье — жрецам, жившим 4000 лет назад, и четвертое — Сократу, V век до нашей эры...

Может показаться, что молодежь во все времена была ужасной. Но если быть точнее, высказывания мыслителей относятся не к тому, какой была молодежь на самом деле, а говорят об отношении к ней.

Не нужно смотреть на подростка со стороны. Конечно, в чем-то они неудобны — и чрезмерно самостоятельны порой, и дерзки. А из какого же теста, простите, мы выгуем настоящую личность? Из мягкого, податливого, во всем сговорчивого? Где бы мы брали в таком случае Кузнецовых, Матросовых, Маресьевых? Подростки — юная, цветущая ветвь наша. Давайте судить о них по законам юности, а не зрелости. Придет к ним умудренность, опыт. Надо попытаться понять нашего подростка. Смотрите, как он перегружен в школе! Какое колоссальное количество информации — через телевизор, радио, книги — переваривает юное существо. И все это эластичная психика юноши выдерживает. Затем мы, взрослые, назидаем — учись, трудись, будь полезным... Назидаем монотонно и очень конкретно, а высших идеалов — нравственных и духовных — или почти не касаемся, или касаемся вяло. И потому, видимо, что сами витаем с большим удовольствием в вещах мате-

риальных — работа, деньги, престиж...

Считают: к подростку надо идти с открытым сердцем, чистой совестью, гражданской серьезностью, дружеской доверчивостью и уважительностью. Быть добрыми — мудрость взрослых...

Корр. Николай Владимирович! В феврале — праздник Советской Армии. Часто в этот день восемнадцатилетние воины, вчерашние подростки, принимают присягу, клянутся в верности воинскому долгу. Много хороших слов говорят им в этот час. Не сомневаемся: и сегодня нету на земле солдата крепче русского. Каким было бы ваше напутствие ему!

Н. В. Струтинский. Пока есть армия, будет и разведка. Судьба и современного разведчика схожа с судьбами Абеля, Зорге, Кузнецова — они уходят, чтобы оставить на Родине имя, которое потом, много лет спустя, может стать легендой, а может, и нет...

Но оставить имя — не значит потерять его...

Давайте же толковать понятие «разведка» — шире. Юность вообще входит в жизнь как разведчица. Все вновь! Здесь-то и нужен пример героев. А какие черты характера наиболее необходимы в преодолении жизненных сложностей?

Думаю, подвиги Николая Кузнецова показали нам преданность, стойкость, — вот к чему должен стремиться молодой человек, если он хочет заявить себя личностью.

Да, наиболее определяющая личность черта — стойкость, способность к преодолению ради идеала, которому предан.

Служба солдатская — преодоление, учеба — преодоление, труд — преодоление. Высшее, данное человеку преодоление — подвиг во имя Родины.

Теплый ветер

по стеклам бьет...

**Герман
ИВАНОВ**

Апрель

Теплый ветер по стеклам бьет.
Мягко плавится кромка льда.
В серых бусинках воробьев
Провисающие провода.
В окнах, лужах, на скатах крыш
Отражается звонкий день.
И хохочет вздохом малыш,
Лихо шлепая по воде.

Страда

Пришла страда — забота стародавняя,
Работа — от зари и до зари,
И на покосы ближние и дальние
Чуть развиднело — вышли косари.
Еще туман слоился над низинами,
Когда, переплетая голоса,
По-над рекою тоненько задзинькали
По лезвиям шершавые бруски.
И засверкала сталь звонкоголосая
В густой траве с коротким вскриком:
— Ах!

Широкими и чистыми прокосами
Высвечивая каждый новый мах.
А дали ведро долгое пророчили.
И, сколько взгляд летел, вперегонки
По лбам лугов размашистыми строчками
Бежали крутобокие валки.
И было мне в невыразимой слитности
С землей и небом просто и легко.
И пахло сено крепкой домовитостью,
Краюхой хлеба.
Теплым молоком...

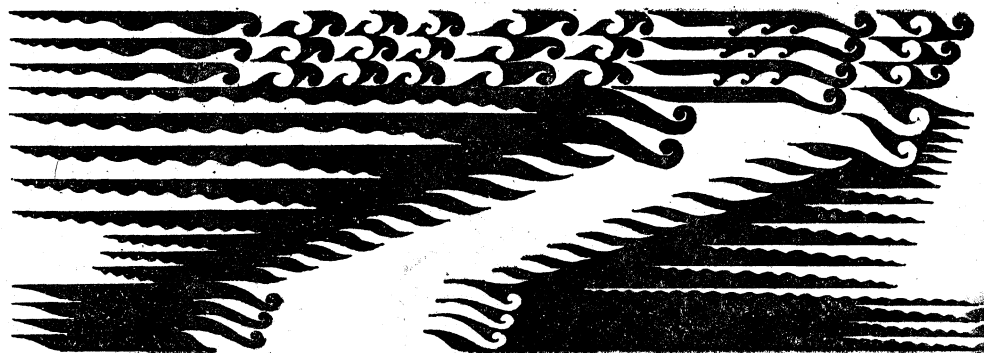
Опять на юг уводит осень
Прозрачный звон своих шагов,
И первый снег зима приносит
На крышах дальних поездов.
Осины шепчут непрестанно
Своим негромким языком:
— Мы засыпаем.
— Мы устали.
Таков закон. Земли закон.
Но эти сосны, эти ели
Среди багрянца здесь и там
Еще сильнее зазеленели
Назло грядущим холодам.

**Михаил
КЛИПИНИЦЕР**

Письмо

Казалось, и забыть бы можно...
Землянка, осень, гильзы свет.
Молитвенно и осторожно
Он распечатывал конверт.
Читал, и становился строже,
И мерз, хоть печка — докрасна.
Тогда он промолчал. А позже
Сказал нам:
— Все. Ушла жена.
Предать любовь, забыть солдата —
Тот грех вовеки не прощен.
Не верь, что пуля виновата.
Он был неверностью сражен.

**Федор
АРХИПОВ.**

На танцах

Как некогда
нескладными подростками,
покашливая чинно в кулаки,
в свой сельский клуб,
в кепчонках,
с папиросками,
матерые приходят рыбаки.
Садясь в углы,
от света затененные,
меж стульев,
как в излучинах траншей,
они глядят на танцы современные,
хотя в душе не одобряют шейк.
Все слушают
напевы радиоловы
и с грустью вспоминают
вновь и вновь
свою,
войной захлестнутую молодость,
несложенную первую любовь.
Скользят по стенам,
колыхаясь, тени...
И кажется мужчинам, что опять
юнцами, полаяя от смущения,
они на круг выходят танцевать.

**Виктор
СУВОРОВ**

Я помню, как мальцом голодным,
Ругая тьму и ветра шквал,
По полю длинному холодному
В разбитых валенках шагал.
И выплывал из ближней чащи
Навстречу мне мосластый бык —
Он вез порожний хлебный ящик
И скрип саней тоскливым был.
Кричал знакомый возчик громко:
«На хлебозаводе нет муки!..
Чего ты плачешь?.. На, соломки —
Обуток прорванный заткни...»

В кармане карточки потрогал:
«Ни с чем опять идти домой...»
А дома снилась мне дорога
Окутанная плотной мглой.
И снились мне дымки поселка,
И у столба пятнистый бык,
И в лавке старенькой на полках
Буханки теплые впритык,
Там лампа медная дышала
На ржавый — в изморози — гвоздь,
Дни продавщица отстригала
Большими ножницами вкось!

**Юрий
КАЗАРИН**

Дорога войны

Мы уходим в солдаты. Дорога все глубже,
вот — по грудь, вот — по плечи — и скрылись вдали...
В тополях придорожных, в поворотах и лужах
отражаются зарева и журавли.
Глубока ли дорога? — До дна не достанешь.
Что-то выйдет на берег и вернется домой,
Кто-то нынче простился с родными местами —
И дорога сокроет его с головой...

**Анатолий
НАЗАРОВ**

Тополек

Трансформаторная будка
Из литого кирпича,
Загудронена и жутко
Дышит, токами звуча.
А на крыше, непонятно,
Как из легкого пушка
Тополек пророс и жадно
Потянулся в облака.
Ветви борются артельно
Против ветра и снегов
И написано «смертельно»
Под корнями у него.

*Рисунки
В. Меринова*

Что в имени твоем?

**Георгий
ВОРОНОВ**

Каждый минерал, горная порода имеет свое имя. Дается оно почти произвольно — названия связаны с физическими и химическими свойствами, внешними признаками, именами первооткрывателей, ученых, писателей. Бывает, они связаны с наименованием населенных пунктов, горных хребтов, рек и прочих географических объектов.

На уральской земле найдено около тысячи минералов.

150 из них — в Ильменских горах, причем 30 — впервые в мире, девять встречаются только в Ильменах, 50 — редчайшие на Земле, четыре — единственные только в нашей стране.

Впервые здесь был обнаружен красивый светло-серый, с мелкими темными крапинками слюды камень. Менге, первым нашедший его, назвал ильменским гранитом, а ученый Густав Розе, совершивший в начале прошлого столетия путешествие по Уралу, дал ему новое имя — миаскит, по названию протекающей здесь реки Миасс. Кстати, из этой редкой горной породы построено здание станции Миасс Южно-Уральской железной дороги.

В честь Ильменских гор названы два редко встречающихся на земле минерала — ильменит и ильменорутил. Последний обнаружен в прошлом веке в виде черных кристаллов в гранитных пегматитах Никольских ко-

пей. А черный, с ярким металлическим оттенком ильменит — в изверженных породах. Его иногда зовут титанистым железняком и используют в металлургической промышленности для производства особых сортов стали. Любопытно, что он оказался аналогом доставленных с Луны образцов грунта.

В Ильменах протекает речка Санды-елга, что означает «белая». В районе ее А. Н. Заварицкий около шестидесяти лет назад нашел сандыит, в состав которого входят полевой шпат, нефелин, гранат, апатит.

Г. П. Барсанов около озера Ишкуль открыл минерал смолисто-черного цвета — ишкулит.

В 1828 году Каммергер обнаружил в Ильменах минерал, который он назвал канкринитом. Через сто лет Д. С. Белянкин, встретив этот минерал в Вишневых горах близ Каслей, переименовал его в вишневит. Сейчас в «Геологическом словаре» значится то и другое имя этого минерала.

А. П. Карпинский в одной из своих первых работ 1869 года описал богатую гематитом вишнево-красную породу, найденную около деревни Мулдакаевой. Имя породы — мулдакаит. Через пять лет в 12 километрах от станции Кыштым он нашел другую породу, которую назвал барзавитовой породой, действительно со-

стоящей преимущественно из барзювита и корунда. В 1897 году польский ученый И. А. Морозевич описал ее и дал ей новое название — кыштымит.

Близ Свердловска находится город Березовский. Здесь в 1848 году возник первый в России рудник по добыче золота.

Густав Розе в сороковых годах XIX столетия нашел и описал новую породу из Березовского рудника, определив ее как жильный гранит. Через 37 лет А. П. Карпинский опроверг такое утверждение, доказав, что эта порода — совершенно измененный жильный гранит, состоящий из кварца и светлой калевой слюды. Служившую издавна поисковым признаком на золото, ее назвали березитом.

Полсотни километров отделяет Свердловск от родины Павла Петровича Бажова города Сысерти, в прошлом центра богатого горного округа. Здесь в 1833 году Густав Розе в россыпях обнаружил новый темно-ваго-серый с металлическим блеском камень — сысертскит.

Город Невьянск известен тем, что здесь 15 декабря 1701 года начал работать завод, который считают дедушкой уральской металлургии. По имени этого завода одна из разновидностей платины названа невьянскитом. Имя это дал минералу У. Х. Валластон. Он в 1825 году, исследуя образцы платины из россыпей Невьянского района, обратил внимание на то, что после растворения платины в царской водке остаются минеральные частицы светло-серого цвета, на которые кислота не действует.

По горе Листвяной, что в районе Невьянска, наименована порода красивой зеленой окраски — лиственит — прекрасный поделочный камень, известный в камнерезной промышленности как невьянский мрамор.

Именем одного из крупнейших городов Среднего Урала — Нижнего Тагила найденный в этом районе изумрудно-зеленый минерал нарекли тагилитом. Здесь же, в Белых горах, был обнаружен белогорит.

В Туру впадает небольшая река Ис, в бассейне которой есть золотоносные и платиновые прииски. На них и была выявлена порода исит.

К западу от Свердловска, там, где проходит географическая граница между Европой и Азией, расположен город Ревда, в прошлом бывший центр Ревдинского горного округа.

В середине прошлого века М. Данилов впервые близ Ревды открыл окисленные никелевые руды — ревинскит. Этот бледно-зеленого цвета с голубоватым оттенком минерал французский геолог Гарнье назвал гарниеритом. Так эти два имени сейчас и бытуют в минералогической литературе. Кроме ревинскита, в районе Ревды найден ревинит.

Многие камни получили, как гово-

рится, временную уральскую прописку. По реке Нейве, на которой стоит Невьянск, порода, содержащая альбит и роговую обманку, была названа нейвитом. Однако ряд ученых посчитали такое имя неудачным и предложили изъять его из употребления, и термин не получил широкого распространения.

Недолго носила имя бобровкит разновидность железистого никеля. Он добывался вместе с самородной платиной в верховьях реки Бобровки в Нижнетагильском районе. Позже нарядный камень, добываемый в окрестностях города Невьянска, у села Аятского, камнерезы называли аятским порфиром.

В книге «Путеводитель по Уралу», изданной в Екатеринбурге в 1899 году, перечисляется около 70 минералов, полезных ископаемых, встречающихся в Богословском горном округе, на Северном Урале. Многие из них названы именами здешних мест.

Когда интересуешься у краснотурьинских специалистов-горняков, какие минералы и горные породы носят местные имена, то они в первую очередь называют турьит. Однако в «Геологическом словаре» сказано, что турьит — это жильная порода, состоящая из слюды, гранита и кальцита, и получила она имя по Турьему мысу, что на Кольском полуострове.

Выходит, местные горняки ошибаются? Нет, дело в том, что в прошлом веке Р. Герман открыл в горняцком поселке Турьинские Рудники минерал, состоящий из закономерного сочетания нескольких различных типов водных окислов железа, и назвал его турьитом по имени Турьинских Рудников.

Геологическая литература, минералоги в прошлом нередко упоминали этот минерал. Известный ученый и исследователь подземных сокровищ Северного Урала Е. С. Федоров в книге «Богословский горный рудник» так характеризует его:

«...Турьит обладает буро-красным цветом, подобным цвету красного железняка и еще более цвету некоторых сортов красной медной руды».

В 1937 году на минералогическом совещании в Москве было решено создать при Академии наук комиссию, в обязанности которой входили бы утверждение и регистрация новых минералов, чтобы повысить качество описаний вновь открываемых и претпоставлять появлению неправильных, плохо обоснованных и лишним названий.

Видимо, уральский турьит как раз и оказался лишним названием. И о нем стала умалчивать современная минералогическая литература, а в памяти местных горняков название это осталось.

В 1957 году геолог Е. С. Нестерова (Петрова) изучала отдельные

особенности руд Турьинского района. Однажды на Ново-Фроловском месторождении меди ей повезло: она обнаружила в известняках среднедевонского возраста два минерала, не знакомые ей. Один оказался уже описанным, другой же совершенно новым, не известным науке. Исследования показали, что эта белая с сероватым оттенком и матовым блеском крупная порода хорошо растворяется только в кислоте при подогревании. Она не что иное, как новый водный борит кальция.

Незнакомому минералу требовалось свое имя. Исследовательница решила назвать его по месту находки — фроловит.

В светлых, слегка зеленоватых песчинках Сосьвы близ поселка Сосьвы был найден впервые новый минерал темно-зеленого цвета, представляющий из себя разновидность глауконита, содержащую марганец, — марсятскит.

Профессор из Женевы Л. Дюпарк специально приехал на Северный Урал, в Турьинские Рудники, к Е. С. Федорову, работавшему в то время здесь, чтобы ознакомиться с его геологическими исследованиями.

Женевского ученого заинтересовала не только федоровская система изучения края, но и сами уральские места. Он занялся исследованиями. В результате — находки нескольких новых минералов и горных пород. На речке Гаревой был обнаружен новый вид жильной породы — гареваит, а на сопке Гладкой — гладкаит.

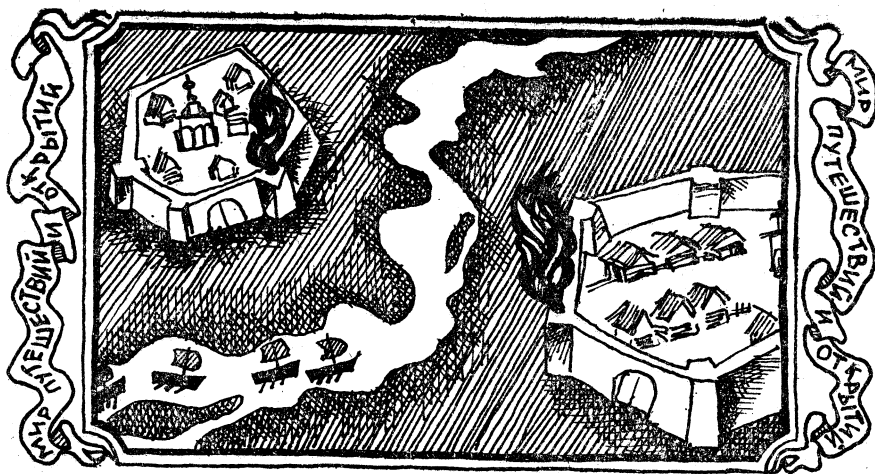
На горе Косьянский Камень Дюпарк обнаружил новую породу косьвит, а на горе Тылай — тылайт. Магматическую темную породу с шелковистым блеском на свежих изломах, найденную в Николо-Павдинской даче, наименовал павдитом.

Группу основных магматитов в 50-е годы предложили называть кытлымитами, по имени поселка Кытлым, находящегося километрах в восьмидесяти к западу от Краснотурьинска.

Около старинного селения Палыгорек Кунгурского района Пермской области был найден в середине прошлого века интересный минерал палыгорскит. Он порист, легкий, настолько легкий, что плавает в воде.

Многим камням дал имя Урал. И его самого исследователи запечатали в названиях нескольких камней. Сине-зеленому камню, широко распространенному по всему земному шару, немецкий ученый Г. Розе еще в 1829 году, во время его поездки с А. Гумбольдтом по Уралу, дал имя уралит. С Уралом связаны и названия ряда других минералов и горных пород — уралитит, уралолит, уралортит.

Вита — знак огневой

**Юрий
ПЛАШЕВСКИЙ**

В первой трети XIX века жил в Петербурге Василий Николаевич Берх (1781—1834), полковник морской службы. В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова приведены его псевдонимы — Б-х. В., В-Б-х — и указано, что упомянутый Берх был автором работ по истории и географии.

В 1803—1806 годах В. Н. Берх участвовал в кругосветном плавании на корвете «Нева» под начальством Ю. Ф. Лисянского. Помимо прочих своих сочинений, он оставил четырехтомное «Жизнеописание первых российских адмиралов, или опыт истории российского флота». На Берха ссылается А. С. Пушкин в начале «Медного всадника»: «Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. Н. Берхом». Эта книга — «Подробные известия о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге», изданная в 1826 году, не потеряла своего значения и сейчас. За пять лет до ее издания В. Н. Берх выпустил еще одно сочинение — «Путешествие в города Чердынь и Соликамск» (Санкт-Петербург, 1821 г.).

Экземпляр этой книги есть в фонде научной библиотеки Академии наук Казахской ССР.

В. Н. Берх умел видеть и слышать, умел интересно рассказать. Вот он пишет о реке Колве, восточном притоке Камы. В трех верстах от деревни

Ветлан, на западном берегу реки Колвы, — знаменитая Девья гора.

«Нигде не видел ничего подобного этому Девьему камню. Прямая стена 50 сажен длиной и 30 сажен вышиною. Издали кажется, что на сей стене есть карнизы... На вершине Девьей горы — следы старого городища. На вершине горы, рассказывают, жила Дева, управлявшая чудским народом. Славилась умом и миролюбием... Чудская девица сидела в хорошие дни на вершине своего камня и сучила шелк; когда же у ней опрастывалось веретено, то бросала оно на Бобильский камень, в подарок тамошним девицам».

И из шестста забытых слов вдруг брызнет яркая, буйная старина, и повеет временем иным...

«Чердынцы, — пишет В. Н. Берх, — отправляясь ежегодно на Каму и Печору, имели обыкновение кидать в сии реки калач, приговаривая: «Матушка-Кама, матушка-Печора, вот тебе гостинец, дай мне благополучно достигнуть до дома».

Священники, узнав сие, начали спрашивать на исповеди, не даривал ли реку? — и запрещали поступать так.

«Не даривал ли реку?» — и от одних этих слов сразу вдруг матушка-Кама да матушка-Печора становятся живыми, добрыми, и почуетесь вдруг древнее язычество, которого не смогли вывести из тех северных бескрайних лесов века христианства.

А в деревне Ветлан Василий Николаевич пожелал послушать сказитель-

ницу. Ему представила крестьянку Настасью Тимофеевну Девяткову, «в целой округе нет женщины, которая бы так искусно повивала и рассказы вала повести, как она».

Что значит «повивать повести»? Ну, конечно же, — придумывать, сочинять, рождать!

Глагол «витать» в селах Соликамского района до сих пор употребляется в повседневной речи. Он означает вскармливать материнским молоком. Соликамская крестьянка и сегодня может сказать: «Ничем я робенка не прикармливала, все на груди витала...»

Есть и глагол витаться, из того же ряда. Он означает: пребывать где-либо, находиться. «Бабушка-то думала, что водяной у нас в озере витается».

Из этих примеров видно, что слово повивать (в значении «рождать»), витать, витаться (в значении «вскармливать», «жить», «находиться») принадлежат к очень древнему, может быть, — дохристианскому слою языка. Об этом говорит и употребление выражения «повиты» (в значении — «рождены») в «Слове о полку Игореве», оказавшегося непонятным для многих исследователей.

Об этом говорит и совсем недавняя находка в Новгороде. Она была сделана в сезон раскопок 1975 года археологической экспедицией Московского университета, руководимой членом-корреспондентом Академии наук СССР В. Л. Яниным. Сообщение об этой находке настолько интересно, что наиболее существенное стоит процитировать полностью:

«В раскопе близ Новгородского кремля, — читаем мы, — на глубине более 6 м обнаружены остатки одного из самых древних поселений. В слое XI—XII вв. найдено несколько берестяных грамот. Одна из них представляет огромный интерес... В ней ростовщик вел запись имен должников. Любопытно, что в грамоте указан ряд неизвестных донные имен: Добровит, Негорад, Хрипан. Эта грамота, относящаяся к 70-м годам XI в., представляет собой цельный документ в виде текста из семи строк, которые повествуют о связях Новгорода с широкой округой... Помимо того, найдено много предметов быта, металлических и костяных украшений, оружие, в том числе наконечники копий. Среди находок — хорошо сохранившиеся гусли с автографом гуслияра. История знает пока что имена лишь двух гуслияров, живших в ту эпоху: легендарного Бояна, впервые воспетого в «Слове о полку Игореве», и былинного Садко. Теперь стало известно подлинное имя народного сказителя и певца древности — Словиши».

Особенно интересно имя Добровит. Оно совершенно ясно и состоит из двух слов: Добро и вит (корень слова витать — жить). Означает оно, естественно, — Доброжил, — человек доброй, славной жизни.

Берестяная грамота из Новгорода, на которой впервые открылось нам древнерусское имя Добровит, старше «Слова о полку Игореве» лет на сто, а то и больше. У человека, носившего его, наверное, было еще и другое, официальное, церковное, христианское имя. Одно из тех, что писались в книги, произносились на церемонии, звучали в церкви. Но ростовщик, к которому он пришел занимать деньги, записал в свою грамоту (долговую книгу!) — то, под которым он был известен в повседневной жизни, среди соседей и близких, — Добровит.

Это — из берестяной грамоты XI века. Но корень **вит**, как составная часть славянских имен, уходит, оказывается, дальше, в глубь времен. Европейские хроники зафиксировали на своих страницах одного из первых польских князей по имени Семовит, современника моравского Святополка. А это — IX век.

Корень **вит** входит в название одного из наиболее древних общеславянских божеств. Это Святовит, верховный бог, обитатель самого высшего яруса славянского пантеона, олицетворение мужской силы, воинской доблести, а также плодородия и изобилия, известный в более позднюю эпоху под именами Сварога и Стрибога, как указывает на это академик Б. А. Рыбаков.

Святовиту был посвящен сложный идол, воздвигнутый в IX веке на реке Збруч, северном притоке Днестра. Он был поставлен там, где некогда сходились границы расселения нескольких славянских племен — тиверцев, волян, бужан. Четырехгранный по форме, он имел три горизонтальных яруса, символизирующих небо, землю и преисподнюю. «Можно восхищаться тем, как древний славянский художник, — пишет Б. А. Рыбаков, — сумел в единой монолитной скульптуре выразить одновременно и частное и целое: целиком, очевидно, являлась идея единого божества всей вселенной...»

Каменный жертвенник, посвященный Святовиту, был обнаружен в 1908 году при раскопках в Киеве, внутри древнейшего городища. Его также датировали примерно VIII—IX веками.

Анонимный автор VIII века, перечисляя славянские племена на юге Балканского полуострова в первой половине VII столетия, называет, среди прочих, драгувитов (другувитов). Этот этноним отчетливо распадается на две части: **драгой** и **вит** (жизнь).

На правом берегу Днепра, недалеко от Киева, есть древняя крепость Витичев, раскопанная академиком Б. А. Рыбаковым в 1961—1966 годах. Здесь при раскопках, на самой вершине Крепостной горы, была найдена башня для сигнального костра — виты. Если печенеги подходили к тому или другому броду, то сигнальные

костры, зажженные в Каневе и Витичеве, мгновенно оповещали киевского князя...

Само название Витичев (современное Витачева), очевидно, происходит от славянского слова «вита» или «вица», означающего «оповещение огнем». На полпути между Витичевом и Киевом есть река Вита с несколькими городищами около нее, которые, быть может, являлись промежуточными станциями для передачи сигналов из Витичева в пасмурную погоду, когда прямой видимости не было.

Значит, «**вит**», «**вита**» в прямом

значении это — военная тревога, огонь, сигнализирующий об опасности, огневой сполох, поднимающий древнего воина на битву.

У В. Дала, в его словаре, к слову **повивать** даны выражения, прямо означающие «жить». Вот, например, пословица: «повитали и мы в чужих краях, и долгов понажили». Или еще образец: «повитой дурак» (то есть, — отъявленный, поясняет Даль). Этот эпитет также совершенно ясен: речь идет о человеке, которого считают как бы врожденным дураком, кого и вразумить-то невозможно.

Здравствуй!

**Валерий
РОЩАХОВСКИЙ**

Встречаясь со знакомыми мы говорим: «Здравствуй!» В этом привычном приветствии звучат доброжелательность, пожелание здоровья. Это же слышится в традиционном армейском: «Здравия желаю!». Те же чувства вложены в слова «Доброе утро!» и «Добрый вечер!». Есть и язык жестов.

У многих народов издавна существует обычай, здороваясь, подавать друг другу правую руку. Этот обычай очень давних времен, когда имело особый смысл показать, что в руке нет оружия, что человек имеет лишь мирные намерения.

С давних пор существует также обычай при встрече близких людей обмениваться поцелуями, это — символ сердечного расположения, почтения и радости.

У многих восточных народов поцелуи, однако, вообще не были известны. Китайцы и японцы были глубоко шокированы бесстыдным поведением европейцев, которые публично целовались при встречах и расставаниях, даже если это были супруги. В середине XIX века, когда китайские лингвисты впервые занялись переводами европейской литературы, им пришлось специально изобрести новый иероглиф, означающий поцелуй.

На разных континентах и в разных странах есть и другие жесты и обычаи, выражающие признание к встреченному другу или знакомому. Например, когда аборигены Новой

Зеландии встречают своего приятеля, они сближают свои лица, чтобы коснуться друг друга кончиками носов. У африканского племени араваков существует свой особый ритуал: знакомые, повстречавшись, прежде чем поздороваться, поворачиваются друг к другу спиной.

Арабы, приветствуя гостя или знакомого, кладут правую руку на чело, а левую прижимают к груди, показывая тем самым, что приветствуют и выказывают радость умом, и сердцем. Жители Индии и некоторых других стран Востока при встрече скрещивают руки на груди и склоняют головы в знак своего уважения.

Пожалуй, наиболее сложный ритуал при встрече существует у жителей острова Тонго. Когда тут встречаются знакомые, они останавливаются на расстоянии, покачивают головой, топают ногой и пощелкивают пальцами. Между прочим, в чем-то похожий ритуал приветствия существовал некогда у европейской знати: поклоны, расшаркивания, притоптывание...

Рисунок
С. Малышева

Амбарная музыка

Рассказ

**Леонид
ФРОЛОВ**

Рисунки
С. Сухова

Бригадир Гомзиков собирал по деревне кошек.
— Что, Иван Сергеевич? — смеялись женщины. — Кошачью ферму открываешь в Полежаеве? Молочную или мясную?

— Эксперимент покажет, какую лучше, — отшучивался бригадир и уже всерьез добавлял: — Спасу от крыс не стало на зерносушилке. Вот попробуем армию на армию напустить, — чья сильнее...

— Думаешь, экспериментальная победит?

— Да если Тишку к ним в командиры определим, они и не такое войско одолеют.

Тишка Соколов — от горшка два вершка — сидел на завалинке и куксился: опять старший брат убежал без него за ягодами. Алика Маркова, чужого человека, взял, а его, Тишку, оставил. И это брат называется.

На коленях у Тишки грелись три котенка — лапы и головы перепутаны, не поймешь, где чья. Тишка гладил этот теплый мурлыкающий клубок и ниспосылал на голову обманщика-брата всевозможные кары.

Тишка вполуха вслушивался, о чем перекикивался с женщинами бригадир Гомзиков, и понял, что тот мимо него не пройдет.

Гомзиков и в самом деле свернул с дороги на луговину и направился к Тишке.

Тишка, чтобы не тревожить котят, не подъялся, поздоровался с бригадиром сидя.

Гомзиков потянулся к котяткам:

— Ну, Тишка, вот это у тебя молодцы, так молодцы... Почему бы им не потрудиться на пользу колхоза? Почему бы не двинуть их на крысиный фронт?

Тишка накрыл котят подолом рубахи:

— Не дам!

Иван Сергеевич Гомзиков нахмурился:

— Ох, защитник какой выискался... Котят ему, понимаешь ли, жалко, а колхозное зерно не жалко? Ты, Тишка, подкулачником растешь, не колхозником. У тебя зимой снегу не выпросить. Ты вот нынче в первый класс пойдешь, так с тобой, скупердяем, никто и сидеть рядом не будет...

Совсем застыдил Тишку. Тишка уже и не рад был, что заступился за котят. Но им ведь не то, что с крысой, с мышью еще не управиться... Как же Гомзиков-то, взрослый человек, не поймет этого?

— Ну, ладно, Тишка,—неожиданно сдался Гомзиков,—своих жалко, так пробегись по деревне — чужих собери. Да мелюзгу не трогай, тащи на сушилку котят покрупнее, побоевитей.

Сушилка белела за рекой. Ее построили прошлым летом, и она не успела еще заветреть, из ошкуренных бревен до сих пор выкипала смола. Тишка вместе с братом не раз бегал туда собирать щепки для самовара и всегда примечал, что обманно-чистые слезы смоляной накипи кого-нибудь, но обязательно притянули к себе: то они клейко пленили мохнокрылую бабочку, то длинноногого паука, то комара-пискуна, умудрившегося прильнуть почему-то крылом. А крыс эта смола не испугала, хоть и говорят, что они боятся хвойных деревьев, никогда не селятся в ельнике.

Кошки были запущены в помещение сушилки. Гомзиков с Тишкой — оба с исцарапанными руками — сидели на крыльце. От реки, трепетно стуча крылышками, время от времени налетали стрекозы-коромысла, садились на прогретые солнцем стены.

Гомзиков жаловался Тишке, как большому:

— Порог, понимаешь, переступаю, а они изпод ног — врассыпную. Да здоровущие, как поросята. Мне даже страшно сделалось...

Тишка и сам не то, что побаивался, но чувствовал себя неуютно, когда видел крыс. Они вызывали в нем чувство гадливости. Остромордые, с длинными чешуйчатыми хвостами, с голыми, будто ошипанными, ушами, они с перепугу могли броситься человеку под ноги и до полусмерти испугать кого хочешь.

Тишка однажды пришел к матери на ферму, и та отправила его в кормозапарочную за концентратами. Тишка едва дверь открыл, как из деревянного ларя выскочила крыса, да не разобравшись, где что, кинулась Тишке прямо под ноги. Пробежала по босой ступне, будто крапивою ожгла. Тишка выронил ведро, которое собирался нагрузить запаренными концентратами, а крыса, испугавшись звона, с налета ударилась в дверь и унырнула в образовавшуюся у косяка щель. Тишка долго стоял ни живой, ни мертвый, сердце почти у горла колотилось. Он потом в кормозапарочную, прежде чем войти, кулаком стучал. А ногу, будто в проказе она, целую неделю керосином смазывал.

Он вот и теперь сидел на лесенке у сушилки и спиной ощущал неприятный холодок, будто дверь могла ни с того, ни с сего открыться и выпустить на улицу крыс.

— Год, видно, тяжелый будет,—рассуждал уже сам с собой Гомзиков.—Оттого они так и активизировались.

— Какой тяжелый? — не понял Тишка.

— А вот примечай,—поднялся Гомзиков и указал рукой на березу.—Если листья у нее осенью начинают желтеть с верхушки, то весна будет ранняя, а если снизу, то поздняя. Значит, кормов надо запастись больше.

Береза действительно сулила долгую зиму, пестрела листьями только снизу, вершина у нее стояла нетронута-зеленой.

— Или вот много паутины на «бабье лето» летает...—продолжал поучать Гомзиков.—Это тоже к холодной зиме... И Томилиха мне сказывала — она примечает по пчелам,—говорит, матка уже перестала в улье яйца откладывать... А перед теплой зимой она еще и в сентябре кладет...

По всему выходило, что крысы не напрасно совершали набег на зерносушилку — чуяли приближение затяжной суровой зимы.

И Гомзиков не мог найти на них никакой управы. Они прогрызли дыру в полу, обходили хитроумные ловушки, избегали приманки в капканах. Плотники зашьют дыры брусом, крысы в другом месте прогрызут пол — и прямым ходом к мешкам с зерном. Все мешки распороты. Пшеничные дорожки тянулись до самых нор.

— Напасть, да и только,—разводил руками Гомзиков.—Они ведь повадились, так все подчистую сожрут... Ну-ка, представь себе, что плодятся через каждые три месяца, да рожают по десять-пятнадцать штук — армия, другого слова не подберешь... Все, все сожрут...

Тишка прислушивался, что творилось в помещении сушилки. Но там было тихо. Видать, армия призадумалась, почуяв появление кошек. Что там ни говори, но кошек было предостаточно — Тишка четыре раза бегал за ними в деревню, да двух котят принес с собой Гомзиков.

Утром кошки, жалобно мяуча, стабунились у порога и, когда Гомзиков открыл дверь, они напористо ринулись к выходу. Их невозможно было удержать.

Гомзиков включил свет, ощерившиеся крысы нехотя потянулись к норам. Зерно снова было рассыпано по всему полу.

— Ох, камень надо было прихватить... Я бы их камнем.— Славка, старший брат Тишки, был настроен воинственно.

— Да чего бы ты камнем сделал? — охладил его пыл Гомзиков.— Мы вон с Тишкой шесть кошек к ним подсадили — и то никакого толку. Видал, как рванули к выходу? Наверно, не одну эти крокодилы изувечили. Заметил, как зубы скалили? С такими не всякая кошка сладит.

Тишка жался к Гомзику, а Славка не оробел, деловито исследовал дыры в полу, приюхиваясь, будто кот, суя в темные выгрызы пальцы, словно собираясь ухватить крысу за хвост и вытащить ее на белый свет.

— Травить надо! — убежденно заявил он.

Гомзиков усмехнулся:

— У меня, Славочка, в поле комбайны работают, я не могу их останавливать.

Ох уж этот Гомзиков! Он всегда так: сначала что-нибудь скажет, а потом начнет объяснять. В прошлый раз по-заячьи напетлял вокруг затяжной зимы. Теперь так же неясно крутит вокруг комбайнов.

— Так разве одно другому мешает? — не удержался Славик.

— А как же? — в свою очередь удивился Гомзиков.— Я фуражное зерно сушу, на корм скоту. Если яды в него попадут, то и скот отравиться может. Конечно, в незначительной дозе не страшно, но тут же, сами видели, что творится... Тут крысидом фукать и фукать у каждой дыры — их же армия... А фтористым натрием еще опаснее, чем крысидом... Куда ни кинь, везде клин... Одна надежда была на кошек.

— Может, еще раз попробуем? — предложил Тишка.— Вон у Егорихи кот такой злыдень, на собаку и то бросается.

— Давайте еще раз попробуем, — согласился Гомзиков и неожиданно засмеялся.— Я вот на сушилку бежал, так у Егорихина дома козу видел с рогатиной на шее. Как ни тянется между жердей — рогатина ее в огород не пускает... Вот и крысы бы нам так обхитрить.

Славик сразу задумался. Но Тишка-то братца знал — ничего ему путного в голову не придет. К Алику Макарову надо бежать. Уж если он беспроволочный телеграф изобретает, то и насчет крыс может чего-нибудь придумать.

У Алика голова варит.

Но и от кошек отказываться нельзя. Егорихин кот не зря в деревне прозван Агрессором. Уж он-то от крыс не отступит.

Но и Агрессор, к сожалению, сплеховал. Он сконфуженно встретил Гомзикова у порога сушилки. На носу у него запеклась кровь. Правое ухо безжизненно переломилось надвое. И когда Гомзиков включил свет, ощеренные крысы со вздыбленными загривками опять лениво потрусили к норам.

— Разбой среди бела дня, — только и сказал Гомзиков.

Алик Макаров даже не стал в сушилку и заходить.

— Я могу консультацию и отсюда дать.

— Едрена-матрена, да ты хоть посмотри, какие они дырищи выгрызли, — уговаривал его Славик.— Ты посмотри, какие потери от них колхоз несет...

— Я могу представить и без осмотра, — Алик достал из кармана расческу, взволнил ею «коровий» зализ, набриолиненный дома. Зубья у расчески подернулись жирным блеском.

На голоса вышел из сушилки Гомзиков.

— Что за шум, а драки нет? — спросил он, подозрительно оглядывая ребят. Они были как нахохленные воробьи: Славка рвался в помещение сушилки, чтобы в натуре продемонстрировать зазванному сюда башковитому гостю все, что высмотрел вчера сам, Алик же — в отутюженных брючках, в сверкающих гляцем ботиночках — высокомерничал, упирался и, как казалось Тишке, набивал себе цену.

Тишка обрадовался тому, что Гомзиков вышел к ним на крыльцо.

— Вот Алик Макаров, — сказал он.— Он придумал уже... Он...

Алик и в присутствии Гомзикова продолжал важничать.

— Да вот, позвали, — кивнул он на Тишку и Славика.— Говорят, крыс вы тут расплодили.

— Точно, — подхватил Гомзиков.— Усиленно занимались селекцией... Не изволите ли взглянуть?

— Да нет, зачем смотреть, — то ли не понял издевки, то ли сделал вид, что не понял, сказал Алик.— Мне и так все ясно.

— А то взглянули бы, — настаивал Гомзиков.— Особо породистых я отлавливаю и, как свиньям, подвязываю на шею деревяшку, чтобы ее грызли, а не пол. Это благотворно воздействует на нервную систему, сказывается на привесах.

Алик стоял насупленным, играл желваками.

— Мне что? Я могу и уйти, — сказал он.

— Да ты, Алик, чего? — вмешался и Славка.— Скажи Ивану Сергеевичу, чего нам говорил.

Алику этого было достаточно. Он повернулся к Гомзику:

— Иван Сергеевич, я думаю, на крыс можно подействовать музыкой.

— Это что, как в той сказке про скрипача, который всех крыс за собой в море увел?

Гомзиков по-прежнему не скрывал насмешки. Но Алик-то — Тишка знал это! — тоже не лыком шит.

— Да нет, — сказал он спокойно. — Та сказка не опирается на научные сведения... Крысы, наоборот, не любят музыки и за скрипачом никуда не пойдут...

— Ну, так зачем же и огород городить? — опять не сдержал ухмылки Гомзиков.

Алик прочертил носком ботинка черту.

— Знаете, Иван Сергеевич, — сказал он. — Дело в том, что крысы очень болезненно реагируют на музыку. У них даже случаются от нее эпилептические припадки.

— Чего, чего? — не поверил Гомзиков.

— Иван Сергеевич, я ничего не придумал, — сохраняя достоинство, сказал Алик и опять провел ботинком полукруглую линию по земле, — я читал научную работу английского психолога Мойры Вильямс...

— Какого, какого психолога? — переспросил растерянно Гомзиков.

— Английского.

Гомзиков недоверчиво pokrutil головой.

— А на каком языке написано? — уточнил он.

— На английском. Но я читал в переводе на русский.

— Ага, значит, пишет он все-таки на своем, не на нашем?

Тут уж и Славик не утерпел:

— Иван Сергеевич, а чего? Рус не верит — дай проверить...

Гомзиков захохотал:

— Ну, ученые головы, заморочили вы меня английским психологом: тащите вашу амбарную музыку... Какая она: буги-вуги или трали-вали?

— Да нет, — возразил Алик. — Самая мелодичная...

Гомзиков, конечно же, после этого еще больше засомневался в успехе «амбарной музыки»:

— А-а, валяйте... Толку не будет.

Он знал, что вот если бы сушилку приподнять, как на курьих ножках, на каменных сваях, то крысам было бы не пройти. Он знал, что грызунов можно травить крысидом, углекислым барием, фтористым натрием. Он знал, что на них можно ставить капканы, что их можно заманивать в хитроумные ловушки. Но чтобы их можно было выживать из амбара музыкой... Бред!..

Алик заставил нести проигрыватель Тишку, а сам важно пошатываясь впереди. Проигрыватель был нелегок, Тишка то и дело переменял руки, но не пищал. Главное, Алик согласился помочь Гомзикову. Теперь бригадир прекратит издевки над ребятами: он, лобастый, ничего не сумел придумать, а они, школьники, избавят колхозную зерносушилку от всякой твари.

Славик уже орудовал на сушилке — под прищотом Гомзикова тянул электрошнур с розеткой к дощатому столу, на котором намеревались установить проигрыватель, Гомзиков скептически похмыкивал:

— Валяйте, валяйте... Чего вот из вашей затеи выйдет... Опозорите вы своего англичанина... или... как ее... англичанку...

— Мойру Вильямс, — подсказал Алик.

Гомзиков повторять ее имя не стал: затея зряшная, и имя запоминать ни к чему.

Пластинки Алик подобрал действительно мелодичные. Под такую музыку «буги-вуги» не спляшешь и никакую горластую дребедень не споешь. Хорошие пластинки.

Они вышли на улицу, оставив проигрыватель развлекать крыс. Вот жалко только, что пластинка, хоть и долгоиграющая, имеет конец, и надо будет переставлять иглу.

От реки тянуло сырой горечью черемушника, прелью крапивы. Над водой, слышно было, щебетали стрижи, готовившиеся к отлету на юг.

Музыка проникала сквозь толстые стены зерносушилки глухо. И Гомзиков снисходительно поглядывал на ребят:

— Нет, парни! Пустое дело... Вот если бы к каждой норе поставить по громкоговорителю да «буги-вуги» включить, может, чего и вышло бы. От «буг-вуг» меня и то оторопь берет, и их, наверно, хоть они и нахалы, проняло бы...

Гомзикову — Тишка догадывался — хотелось заглянуть в помещение сушилки.

— Там они, поди уж, на пластинку взгромоздились, — предположил он, — и спят под музыку... А может, в проигрывателе дыру грызут, охота ведь и пластмассу испробовать...

Он явно провоцировал ребят заглянуть в помещение.

— А вдруг они танцы сейчас устроили...

— Надо подождать, чтобы до них до всех дошла информация о музыке.

Гомзиков прикрыл ладошкой смехок, но согласился ждать. Тишка видел, что бригадира невозможно тянет в сушилку предчувствие забавы: дверь открывается, а крысы, снова ощерившиеся, готовые и на человека броситься, нехотя трусят к дырам...

Гомзиков выкурил папиросу, хлопнул себя по коленям:

— Ну, пошли!

Тишка затаил дыхание.

Гомзиков рванул дверь, нашарил на стене выключатель и, когда свет неровно замерцал под потолком, удивленно присвистнул:

— Ну и ну...

Крыс в помещении не было. Нет, они не валялись на полу в эпилепсии, они просто-напросто не вылезли из своих нор.

Бригадир обескураженно почесал затылок. Тишка, победителем смотрел на него: ну, что, мол, чья, Иван Сергеевич, взяла? Но Иван Сергеевич против Тишки и обернул Тишкино торжество:

— Вот видишь, Тишка, — сказал он поучающе. — Книжки надо читать. Ты вот по-английски не читаешь, и никакого средства мне предложить не смог... А этот, — он кивнул на Алика, — сразу...

Проигрыватель стоял на грубо сколоченном дощатом столе, и из него лилась обволакивающая нежная мелодия.

— Надо же, — удивлялся Гомзиков. — Такая хорошая музыка, а им, паразитам, не по нутру...

Голос у него игриво подрагивал. И Тишка вдруг обнаружил, что не только голос, но и глаза у Гомзикова какие-то неестественные, словно он вот-вот вскочит и обрадованно закричит:

— А здорово же я провел вас, ребята!

Тишка решил обойти сушилку вдоль стен: а вдруг у какой-нибудь дыры крыса сидит и дожидается, когда свет погасят. Он, свет-то, и так не яркое, но крыса караулит, когда люди уйдут.

И, боже ж ты мой, что Тишка увидел? На каждую дыру сетка проволочная приколочена. То-то Гомзиков их разыграл... При таком свете и не увидишь: темнеет дыра и темнеет, а проволока слилась с темнотой...

— Тишка, да ты вон в том углу посмотри, там не забито, — сказал Гомзиков и протянул руку к закоптившемуся оконцу. Насмешки в его голосе не было. Вот и пойми его. То прячет глаза, а то, когда уж вроде бы над ребятами можно и посмеяться, говорит серьезно.

— Я там две дыры не успел забить — вы притащились с музыкой... А на остальные решетки набил и крысиду нафукал...

Тишка чуть с кулаками на него не наскокил: Гомзиков же сам утверждал, что крысидом, когда фуражное зерно сушишь, пользоваться опасно.

— Так у меня ж с решетками, ребята, — оправдывался Гомзиков. — Они же сюда не проникнут... Крысид, знаешь, как действует? — спросил он у Тишки. — Она в норе в нем вывозится, начнет шерсть облизывать — и готова... Если бы не решетки, она бы, конечно, не успев облизаться, сюда выскочила и залезла б в зерно... Тогда — да, опасно...

— Но две-то дыры не заколочены?! — вскричал Тишка.

— Не успел, — развел руками Гомзиков.

— А если бы из них выскочили?

— Ну, ребята, я на вашу музыку понадеялся...

Вот и пойми его, всерьез он говорит или смеется над ними.

Алик отключил проигрыватель от электросети, молча собрал его и толкнул ногой дверь. Славка устремился вслед за ним.

— Ребята, да вы на меня не сердитесь, — Гомзиков встал в дверях, и Тишка не знал, как мимо него проскользнуть, ткнулся с одной стороны, с другой, не пройти. — Ребята, вы напрасно обиделись, я против вас ничего не имею, — уговаривал их Гомзиков.

— Ага, не имею, — пропищал сзади Тишка. — А сам все время посмеивался.

Гомзиков обернулся к Тишке:

— Милые мои, так слыханное ли дело — музыкой крысам на нервы действовать... Спервоначалу-то сомневался...

— Спервоначалу, спервоначалу, — передразнил его Тишка. — А сам и эти две дыры заколотить?

— Заколочу, — чистосердечно признался Гомзиков и вздохнул. — И крысиду в дыры нафую...

— Ну, вот видишь, — Тишка чуть не ревел. Было обидно, что уж такое верное дело — из книжек вычитанное! — и то поставлено под сомнение.

Гомзиков был как никогда серьезен.

— Тишка, — сказал он грустно, — дыры-то я, конечно, заколочу, но они ведь, собаки, и в другом месте их прогрызут... Так я в сушилку и музыку проведу... Кто его знает, может, и выгоним...

Тишка видел, что глаза у бригадира не вралли.

«Уважаемая редакция!

Мы, инженеры-дорожники, тоже следопыты. Иногда приходится прокладывать дороги в малопроходимых местах: в болотах, в лесах. Хочу предложить «Следопыту» несколько стихотворений.

*С уважением Евг. КАРАСЕВ,
инженер-строитель,
г. Омск».*

Ниже печатаем стихи Евг. Карасева.

Студенческий отряд

Июль по переулкам бродит.
Играет духовой оркестр.
Студенческий отряд уходит
В последний трудовой семестр.
Идет строительный отряд
Сдавать нелегкие зачеты.
Вслед смотрит отставной солдат:
Да, что-то есть в них от пехоты!

Здравствуйте, здравствуйте, что, не узнали?
Вы ведь меня очень часто встречали:
Там, где колеса в трясине тонули,
Там, где дорогу в село мы тянули,
Там, где синицы так тренькали звонко,
Где под катками трещала щебенка,
Там, где песок золотистый, сыпучий,
Ветром гонимый вдруг дедался тучей.
Там, где болота в тиски нас сжимали,
Там, где деревья стеною стояли,
Там, где не выдержать хилым и слабым,
Там, где работал когда-то прорабом.
Там, где мы хмурились, где улыбались,
Но не сдавались, не сомневались!

Мы уходим все дальше постигать свой урок,
Где-то тихий проулок, где-то отчий порог.
Где-то город с огнями, где-то сын и жена, —
Там, собрав свои моды, ждет сигнала весна.
Мы уходим все дальше — вслед за нами пурга,
Мы уходим, как раньше шли бойцы в тыл врага.
Мы уходим все дальше, а снежинки летят...
Мы уходим все дальше, чтоб вернуться назад...

«Коллежский асессор Пушкин»

**Борис
ЧЕЛЫШЕВ**

Пестрый дом Варфоломея

Дома, как и люди, не похожи друг на друга. У каждого своя биография, своя жизнь, свое лицо. Есть еще одно, что связывает воедино дома и людей: дом холоден и пуст без человека, только благодаря ему приобретает он значение, а порой и бессмертие.

Дом № 92 по улице Фрунзе в Кишиневе. Он ничем не отличается от десятков таких же старых домов, что доживают свой век на кишиневских улицах. Только памятная доска и выделяет его, делает в наших глазах необычным, особенным:

«Дом боярина Варфоломея. Здесь на балах и вечерах часто бывал
А. С. Пушкин.»

Большой пост занимал во времена Пушкина боярин Егор Кириллович Варфоломей: он был генеральным откупщиком в Бессарабии, занимал несколько общественных должностей. Человек крутой, часто несдержанный, а хозяин хлебосольный. «Случалось ли нам заходить к Егору Кирилловичу утром, когда он возвращался из Верховного совета, — рассказывал друг Пушкина Владимир Петрович Горчаков, — Егор Кириллович непременно оставлял нас у себя обедать; зайдешь ли, бывало, вечером, так от ужина не отделаешься: Егор Кириллович уверял нас, что нам следует остаться у него то потому, что он заказал плацинду, то потому, что Мария Дмитриевна сама пригостила каймак».

Написав как-то записку Горчакову, Пушкин включил в нее такие стихи:

Фото Б. Чельшева

*Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь,
Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома, как бездельник,
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей.*

В двухэтажном доме со многими комнатами, внутренними лесенками, просторной залой часто собиралось кишиневское общество. Комнаты были обставлены богато, но страшно безвкусно. В зале, разрисованной, по выражению А. Ф. Вельтмана, «как трактир», висела, например, люстра-плафон. На ней доморощенный живописец нарисовал, как мог, обнаженную богиню Юнону. Она опиралась рукой на глобус, на котором изображена была деревенька Мунчешты, принадлежавшая хозяину.

В стихотворном послании Ф. Ф. Вигелю Пушкин, перечисляя достопримечательности Кишинева, упомянул и «пестрый дом Варфоломея», подразумевая под пестротою и безвкусие убранства комнат, и разношерстную компанию гостей.

В доме Варфоломея по любому поводу давались балы, устраивались вечера. Хозяин встречал гостей, сидя на диване с чубуком в губах, потурецки подогнув под себя ноги. Некогда он с таким же чубуком в руках стоял на запятках коляски яского господаря Мурузы, был его чубучным. А вот, поди ж ты, выбился в люди, стал важной персоной! Но откупщик чувствовал: почва под ним шатающаяся, неплохо бы выдать дочь за влиятельного русского чиновника, его сильная рука отвела бы несчастье...

Пушкин бывал частым гостем в доме Варфоломея, плясал со всеми старинную молдавскую мититику, вслушивался в слова песни «Аре-мэ, фриже-мэ!», что в переводе на русский с молдавского означает: «Режь меня, жги меня!». Его веселил и хозяин, встававший иногда с дивана и начинавший танец, нравилась его дочь — молоденькая красавица Пульхерица. «Добрая, таинственная девушка нравилась ему, — писал Вельтман, — нравилось и гостеприимство хозяев. Пушкин посвятил несколько стихов Пульхерице, которые я, однако же, не припомню».

Позднее исследователи обнаружили в записной книжке поэта несколько стихотворных строк, которые, как полагают, посвящены дочери Варфоломея:

*Если с нежной красотой
Вы чувствительны душою,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжело помнить вам
Жертву тайного страданья —
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья.*

Вечера бессарабского откупщика давали иногда повод молодому поэту писать острые и едкие эпиграммы. Они тут же подхватывались обществом.

А дом Варфоломея продолжал сиять огнями, греметь музыкой. И плясало, пело кишиневское боярство, чиновничество. Веселилось, пока не прогорел откупщик, не распродали его дома, крепостных. А тот, в который захаживал молодой Пушкин, был продан за долги в казну...

Рисунок Александра Агина

Мы не знаем ни дня, ни месяца, в каком родился этот художник. Известен лишь год — 1817-й. Известен и отец — блестящий кавалергардский офицер А. П. Елагин. Неудобно было псковскому помещику дать сыну от крепостной девушки дворянское имя, поэтому и отсекли две начальные буквы от фамилии Елагин и получилось — Агин. Такой же усеченной дворянской фамилией наградили и его брата Василия.

Росли братья среди крепостных в деревенской глуши. Полюбили искусство и потому на свой страх и риск ушли в Петербург: оба поступили в Академию художеств. Александру посчастливилось — он попал в класс знаменитого Карла Павловича Брюллова. Окончил академию со званием «рисовального учителя».

Но учителем рисования Агин не стал. Он посвятил себя иллюстрации. До нас дошли его талантливые ри-

сунки к лермонтовскому «Демою», к повестям Ивана Панаева, к поэме Тургенева «Помещик». Подлинным шедевром иллюстративного искусства явились его рисунки к «Мертвым душам».

Обращался Агин и к творчеству А. С. Пушкина. Причем темой для своего рисунка он взял не пейзажные стихотворения поэта, не прозу или роман «Евгений Онегин», а стихотворение «Воевода».

В Саратовском художественном музее имени А. Н. Радищева я обнаружил малоизвестный набросок рисунка к стихотворению «Воевода». На нем Агин изобразил момент, когда воевода явился из похода и, увидев, что жены нет в спальне, отправился в сад на ее розыски.

Карандашный рисунок Агин выполнил в классической манере, в какой работал его учитель Брюллов: и композиция, и очертание фигур почти одной линией говорят о том, что молодой художник еще не освободился от условно-классической манеры изображения.

Таков и был набросок А. А. Агина, желавшего, как видно, в 40-е годы проиллюстрировать одно из стихотворений великого поэта. Мы не знаем, обращался ли позднее художник к другим произведениям Пушкина. Дело в том, что масса его рисунков и на листах, и в альбомах пропала и до сих пор не найдена.

Несколько новых строк

6 августа 1824 года в Могилеве по Шкловской улице гуляла публика. Мало кто обращал внимание на почтовую коляску, впереди которой шел невысокого роста молодой человек, очень странно одетый: офицерская фуражка, красная шелковая рубашка русского покроя и шинель внакидку. Чернявый молодой человек прошел улицу, поворотил к почте. Значит, приезжий.

Офицер Лубенского полка Александр Распопов зашел на почту спросить: кто приезжий. Смотритель равнодушно ответил: едет из Одессы коллежский асессор Пушкин.

Удивлению и радости молодого офицера не было предела. Ведь имя Пушкина гремело по всей России, стихи его читались, переписывались. А тут вот он — сам! Не медля ни секунды, Распопов побежал к гуляющим офицерам, своим друзьям. И Пушкин тут же был «взят в полон».

Гусары гулять умеют: они устроили настоящий пир в честь поэта, даже хотели на радостях сделать ему ванну из шампанского. Пушкин, услышав об этом, посмеялся, замахал руками:

— Друзья мои, душевно благодарю, действительно было бы отлично, я не прочь пополокаться в шампанском, но спешу, ехать надо.

Заметим: у поэта еще в Одессе была взята официальная подписка никуда не выезжать, нигде не останавливаться, а следовать прямо на новое место ссылки — в село Михайловское.

Свой рассказ об этом эпизоде в журнале «Русская старина» А. Н. Распопов закончил так:

«Это было в 4 часа утра. Мы всей гурьбой проводили его на почту, где опять вспырнули шампанским и, простившись, пожелали ему счастливого пути».

...В Центральном Государственном архиве Молдавской ССР в фондах «Бессарабских губернских ведомостей» хранятся чьи-то воспоминания о Лубенском гусарском полку.

В них есть и рассказ о пребывании Пушкина в Могилеве. Точно такой же, какой был опубликован в «Русской старине», а в 1974 году перепечатанный в двухтомнике «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников».

Неизвестный автор рукописи рассказывает и нечто новое.

«В тридцатых годах Распопов однажды встретился с Пушкиным у Энгельгардта. Там был Сперанский и граф Канкрин. Пушкин рассказал им, как гусары хотели выкупить его в шампанском. Вспоминали и о гусарах Лубенского полка...»

Дело подпоручика Ильинского

Исай
КАПЛАН

Среди петрашевцев, приговоренных к смертной казни, которую заменили затем каторжными работами, был молодой, но уже известный писатель Ф. М. Достоевский. В конце января 1850 года его доставили в Омскую каторжную тюрьму, где писатель провел четыре года. Здесь он познакомился с человеком, которого осудили за отцеубийство. Виновность свою тот отрицал, и писатель верил ему. Позднее Ф. М. Достоевский рассказал о нем в «Записках из мертвого дома».

«...Не выходит у меня из памяти один отцеубийца. Он был из дворян, служил и был у своего шестидесятилетнего отца чем-то вроде блудного сына... У отца был дом, был хутор, подозревались деньги, и сын убил его, жадная наследия. Преступление было разыскано только через месяц. Сам убийца подал заявление в полицию, что отец его исчез неизвестно куда... Наконец, в его отсутствие полиция нашла тело... (убийца) не сознавался, был лишен дворянства, чина и сослан в работу на двадцать лет. Все время, как я жил с ним, он был в превосходнейшем, в

И еще один интересный момент. А. Н. Распопов, племянник директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта, посетил, оказывается, Пушкина незадолго перед его смертью:

«После роковой дуэли, когда Пушкин был на смертном одре, Распопов вошел к нему. Тот, увидя его, улыбнулся, кивнул головою, но сейчас же закрыл глаза и тихим протяжным голосом сказал: «Прощайте».

веселейшем расположении духа. Это был взбалмошный, легкомысленный, нерассудительный в высшей степени человек, хотя совсем не глупец. Я никогда не замечал в нем какой-нибудь особенной жестокости... Разумеется, я не верил этому преступлению».

Во второй части книги «Записок», появившейся в печати позже, Федор Михайлович писал, что мнимый убийца оказался прав.

Писатель П. Мартьянов в своих воспоминаниях рассказал о пребывании Достоевского в Омской каторжной тюрьме. В них он и упомянул «отцеубийцу из дворян», сообщив интересную деталь. Оказывается, этим дворянином был подпоручик Ильин, служивший в Тобольском линейном батальоне. (Забегая вперед, заметим, что в фамилии подпоручика была допущена ошибка.)

Советский литературовед Б. Рейзов в статье «К истории замысла «Братьев Карамазовых» пришел к выводу, что именно тобольский подпоручик стал прототипом Дмитрия Карамазова. Он писал: «Во-первых, в черновиках «Братьев Карамазовых»

город, в котором проходили все описываемые в романе события, назван вначале Тобольском... А во-вторых, в набросках романа писатель давал Мите фамилию Ильинский».

Действительно, кто знаком с романом «Братья Карамазовы», заметит много общего у главного героя произведения и тобольского подпоручика. То же ложное обвинение, та же судебная ошибка.

...Литераторы, историки, почитатели таланта Ф. М. Достоевского постоянно обращаются к наследию писателя, к историческим материалам и документам, стремятся узнать что-то новое о его творчестве.

Несколько лет назад вместе с омским журналистом А. Лейфером мы попытались разыскать в Тобольском архиве дело о подпоручике Ильинском. Нами была найдена переписка тобольского губернского прокурора с окружным стряпчим. Хотя эта находка не раскрывает существа дела, она, на наш взгляд, имеет определенную ценность. Приведем один документ:

«Строго предписываю вам,— писал губернский прокурор в октябре 1846 года,— настоять в тобольской градской полиции на скорейшем удовлетворении требований комиссии Военного суда, учрежденной при линейном Сибирском батальоне № 1, от 9-го сего октября за № 450 о присылке для спроса и очных ставок с подсудимым подпоручиком Ильинским... некоторых лиц гражданского ведомства»...

Чем интересен этот небольшой документ? В нем приводятся некоторые новые факты. Во-первых, именно Ильинский, а не Ильин, как это сказано в воспоминаниях Мартынова, ложно обвинялся в убийстве отца. Назван номер Сибирского линейного батальона, в котором служил Ильинский. И наконец, новым является и то, что судила его комиссия военного суда, учрежденная при этом батальоне.

А это, в свою очередь, указывает исследователям пути дальнейшего поиска материалов о прототипе Дмитрия Карамазова.

Выговор за... память о Л. Н. Толстом

**Виталий
ЧЕМЛЯКОВ**

Учащиеся старейшего учебного заведения Уфы — мужской гимназии, из стен которой вышли драматург и кинорежиссер Е. В. Червяков, писатель Б. Д. Четвериков, выдающийся геолог, академик А. Н. Заварицкий, несмотря на суровый режим и бдительный внеклассный контроль, чутко откликались на все события общественной жизни России.

Гимназисты приняли деятельное участие в революционных событиях 1905—1907 гг. Так, в ответ на кровавую расправу царя с мирным шествием питерских рабочих 9 января 1905 года вспыхнула объявленная старшеклассниками гимназии ученическая забастовка.

Об умонастроениях тогдашнего юношества наглядно свидетельствует и хранящийся в архиве Башкирской АССР протокол заседания педагогического совета Уфимской мужской гимназии, состоявшегося 9 ноября 1910 года. В этом документе, в частности, сказано:

«Слушали заявление г. Директора о факте нарушения учениками VIII, VII а/б и VI классов правила гимназической дисциплины. 8 ноября перед 3-м уроком ученики VIII класса через одного из своих товарищей заявили директору, что, потрясенные известием о смерти автора «Детства», «Отрочества» и «Юности», «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира», они не в состоянии продолжать занятия, и ушли с уроков. В 12 часов, видя VIII класс пустующим, ушли с уроков и ученики VII а/б и VI классов. При обсуждении заявления г. Директора выяснилось нижеследующее:

Как известно, смерть Л. Н. Толстого вызвала в обществе чрезвычайно приподнятое настроение, которое, конечно, частью непосредственным ознакомлением учеников с этим фактом через газеты, частью влиянием семьи, не могло не передаваться и учащимся старшего класса, которые, не будучи в состоянии бес- сознательно отнестись к этому со-

бытию, выразили свое участие в общем соболезновании единственным, по их мнению, возможным путем прекращения текущих занятий, как это делается в общественных учреждениях при известии о какой-либо национальной утрате.

Педагогический совет уверен, что если бы не внецерковное положение гр. Толстого, то память его была бы почтена обычной панихидой в гимназической церкви в присутствии всех учащихся и учащихся, и тогда ученики VIII класса (а из подражания им и их младшие товарищи VII и VI классов) не имели бы никакого основания выразить свое чувство в какой-либо иной форме. Таким образом в инкриминируемом нарушении школьной дисциплины значительную долю влияния приходится отнести на счет общественного настроения...

Педагогический совет... не нашел возможным оставить этот факт без серьезного воздействия... а потому постановил: просить г. Директора гимназии сделать ученикам VIII, VIIа, VIIб и VI классов выговор от лица Педагогического Совета с предупреждением, что малейшее нарушение правил гимназических, в совокупности с данным поступком, повлечет за собой серьезное взыскание».

ВСТРЕЧНИКИ

Повесть

Владимир
САВЧЕНКО

Рисунки
Е. Стерлиговой

*Не желающий делать ищет
причину, желающий сделать —
средство.*

АРАБСКАЯ ПОСЛОВИЦА

I. Суета вокруг баллона

— ... Все заблокировано. Лаборатория опечатана, уцелевшие спят. Труп Мискина в холодильнике. Близкие ничего не знают. Хорошо, что это случилось вечером, после рабочего дня, — иначе изолировать происшествие было бы трудно.

— Плохо, что это вообще случилось, — внушительно заметил крепкий голос на другом конце провода.

— Это само собой. Но я с точки зрения практической.

— Доложите план.

— Забросим кого-нибудь на полсутки назад: Возницына или Рындычевича. За секунду до взрыва Емельян Иванович будет отвлечен... окликом, телефонным звонком, просто возгласом — так, чтобы он повернул голову в сторону. И взрыв его не заденет. Самое большее, снимет скальп. Потеря небольшая, там у него и снимать-то нечего. Зато впредь будет наука: не пренебрегать техникой безопасности.

Владимир Иванович Савченко родился в 1933 году в Полтаве. По профессии — инженер-электрик, работал в научно-исследовательских институтах, автор научных работ и восьми изобретений в области полупроводников и микроэлектроники.

Писать фантастические рассказы начал еще будучи студентом МЭИ. Первую книгу — «Черные звезды» — выпустил в 1960 году. Произведения В. Савченко печатались на русском и украинском языках, переводились за рубежом. Особенно широко известен его роман «Открытие себя», вошедший в 25-томную «Библиотеку современной фантастики» и переведенный к настоящему времени на английский, болгарский, литовский, немецкий, польский, румынский и французский языки.

*В. Савченко — член Союза писателей СССР.
В нашем журнале выступает впервые.*

— Э, нет! — возразил крепкий голос. — Это не план. Никаких взрывов более. Вы что — такой взрыв в лаборатории!

— Извините, Глеб Александрович, но иначе невозможно. Иначе никак! Вы же знаете методику: реальность исправляется на самый минимум. Это и по науке, да и практически полезно: несчастный случай сохраняется в памяти его потенциальных жертв как осознанная возможность — чтобы дальше глядели в оба, не допускали...

— Артур Викторович! Я это знаю, понимаю и целиком «за» — во всех случаях, кроме одного. Академик Мискин должен быть возвращен к жизни целым и невредимым. То есть ни он, ни другие участники опыта не должны подвергнуться опасности, которая неизбежна при новом взрыве. Следовательно?..

— Да... черт побери! — гладкое лицо Артура Викторовича, моего шефа, багровеет.

Я кладу параллельный наушник (параллельное слушание и даже запись на пленку всех переговоров по телефону или по радиации у нас в порядке вещей — необходимо для экономии времени) и машу на Багрию газетой: остыньте, мол. Он сверкает на меня глазами... Слишком высокое начальство Глеб Александрович, товарищ Воротилин, чтобы на него повышать голос; да к тому еще наш куратор и перед всеми заступник. Артур Викторович прав, но и тот тоже: все-таки академик Мискин — не утопший пьянца.

...Вчера вечером в одной из лабораторий Института нейрологии ставили опыт на собаке. Какие-то зондовые проникновения в ганглии, в нервные узлы, — смесь акупунктуры и вивисекции; я в таких вещах, по правде сказать, не очень, мне они и ни к чему. Опыт ставил сам Мискин, директор института, великий нейрохирург и лютей экспериментатор. Как нейрохирург он в самом деле величина мирового класса — из тех, чьи операции над нервными центрами близки к божественному вмешательству: и слепые прозревали, и парализованные отбрасывали костыли. Если мы не поправим дело, завтра что-то такое напишут в некрологе о нем.

Опыт вели микроманипуляторами в камере под высоким давлением инертно-стимулирующей смеси; собака была предварительно вскрыта и укреплена там. Баллон, в котором была эта смесь, и рванул, когда Мискин слишком нетерпеливо-резко крутнул его вентиль. Предельно заряженные баллоны, как и незаряженные ружья, стреляют раз в год. Емельяну Ивановичу снесло полчерепа; собака в камере погибла от удушья. Остальные двое — лаборантка и инженер-бионик, ассистент Мискина, — отделались ушибами.

С недавних пор любая подобного сорта информация о несчастных в нашей зоне передает-

ся прежде всего (милицией, «Скорой помощью» — всеми) именно Глебу А. Воротилину — негласно и лично. Он наделен (тоже негласно — это первая специфика наших работ) правом либо предоставить делу идти обычным порядком, либо, взвесив шансы, передать его нам. Больших дел у нас на счету... раз — и обчелся; пока отличались все больше на утопленниках, подтверждали принцип, отработывали методику. Вот, узнав этой ночью о несчастье с Мискиным, Глеб А. рассудил, что «Скорая помощь» там уже не поможет, милиция вполне потерпит, — и дал знать нам.

— Случай, Глеб Александрович, — раскалено произносит между тем в трубку Артурыч, — есть, как известно, проявление скрытой закономерности. И нет более яркой иллюстрации к этому положению, чем данный факт. Вы бы поглядели акты о нарушении ТБ в институте, чего тут только нет! — Багрий потрясает кипой бумаг на столе, как будто Воротилин может их видеть. — И рентгеновские облучения сверх норм, и пренебрежение правилами работы со ртутью, незаэкранированные ВЧ-установки, работы в лабораториях ночами поодиночке. А помните тот случай три года назад, когда сгорела в кислородной камере женщина-врач!..

(Да, было и такое — в подобном опыте, только оперировать нужно было вручную. Заискрился регулирующий давление контактор в камере — а много ли надо чистому кислороду для пожара! Не успели и камеру разгерметизировать... Громкое и печальное было дело, весь город жалел об этой 28-летней симпатичной женщине. Инженер, собиравший установку, получил три года за то, что не додумался поставить электронное реле.

Все это произошло давно и уже необратимо.)

— И за всем неявным образом одна и та же фигура — Мискин! — продолжает Багрий. — Его напор, экспериментаторский азарт и ажиотаж, картинная жертвенность... сам рискует и людей без нужды под удар подставляет. Вот и напоролся — и напоролся, многоуважаемый Глеб Александрович, именно потому, что ему всегда все сходило с рук. Так что я не для своего удовольствия хочу с него скальп снять — для его же пользы. Это оптимальная вариация! А вы и теперь, в такой ситуации, требуете для него поблажек!..

— Разделяю ваше беспокойство, Артур Викторович. Если вы вернете Мискина к жизни, ему будет строго указано. И стрижку снимем, а может быть, и скальп. И тем не менее с вашим планом я не согласен, — голос Воротилина, не утратив ровности, стал еще более крепким. — Никаких взрывов, травм, контузий! Поищите возможность более круто обогнуть реальность. Это вполне в ваших силах. И не теряйте времени. Все! Багрий-Багреев (такова полная фамилия наше-

го шефа) тоже бросает трубку и облегчает душу в выражениях отнюдь не академических.

— Ай-ай,— раздается от двери,— а еще человек из будущего!

Оборачиваемся: в дверях стоит худощавый, но плечистый мужчина с тонким носом и волевой челюстью на удлинённом лице; он улыбается нам, обнажая крупные зубы. Те же и Рындичевич Святослав Иванович — он же Рындя, он же Славик, он же «поилец-кормилец».

Он сразу включается в дела: перематывает и тотчас прослушивает на двойной скорости запись разговора с Воротилиным, одновременно просматривает бумаги об Институте нейрологии, о Мискине... Багрий тем временем меряет комнату короткими шажками, изливает душу в пространство:

— И сюда проник протекционизм! Как же — Мискин, светило и бог, ни один волосок не должен более упасть с его лысины! Но это же не Мискин — это Пугачев Емельян Иванович, Стенька Разин, Чингиз-хан нейрологии. В белом халате на белом коне — вперед во славу науки!..

Я слушаю не без удовольствия: Артурыч в возбуждении умеет говорить красиво.

— А что, можно и без взрыва...— Рындичевич включает магнитофон, снимает наушники.

— Можно-то можно, да какой толк! Та же закономерность проявит себя в следующих опытах — снова что-то случится, да не только с ним.

— Ну, восстановим еще раз, и еще...— невозмутимо ведет Рындя.— Будем отрабатывать методику на Мискине с сотрудниками — не все же на утопленниках. Начальство требует. Наше дело петушиное: прокукарекал, а там хоть не рассветай.

Багрий останавливается, смотрит на него — и переключает свой гнев:

— Циник вы, Святослав Иванович! И кстати, об утопленниках: грубо работаете, опять жалоба на вас. От дамочки, мамыши того мальчишки, ко его вы изволили выпороть на прошлой неделе. Я, мол, его в жизни пальцем не тронула, а тут посторонний ремнем, душевная травма. Хорошо, мол, конечно, что с фарватера их прогнал, но зачем бить! Мой Юрик зимой бассейн посещал, уплыл бы вовремя и сам... Вот так!

— Дура...— Славик темнеет лицом.— Уплыл бы. Всплыл бы — верней, половинки бы его всплыли. Это ж нашли место для игры — фарватер, где то «ракета», то «комета»! Меня не за такое пороли.

— И вырос человек! — поддаю я. Рындя косит глаза в мою сторону, но пренебрегает.

...Трое ребятишек купались в сумерках в уединённом месте; еще в «квача» играть затеяли — нырять да ловить друг друга. Прошла «комета» — одного не стало. Эта махина и не почувствовала на 70-километровой скорости, как ее подводное крыло, заостренное спереди, как

нож, рассекло мальчика. Двое других встревожились, побежали на спасательную станцию. Оттуда дело перешло к нам... Случай простой, Рындичевич сместился на шесть часов — и появился на берегу за четверть часа до «кометы»; разделся, заплыл, выгнал мальчишек из воды, а потенциального покойника отпорол брючным ремнем. Но ведь в окончательной-то реальности ничего и не произошло. Мамаша права.

— На меня пеняете, а сами? — Рындя переходит в наступление.— Ваши-то намерения насчет скальпа академика чем лучше?

— М-м...— Артур Викторович не находится с ответом.— Так, кстати, о нем — какие предложения?

— Облить Емельяна Ивановича перед этим эмалевой краской,— предлагаю я невинным голосом.

Рындичевич, наконец, поворачивает ко мне свое волевое лицо:

— Ты, я гляжу, сегодня в хорошем настроении. Даже слишком.

Я несколько конфужусь. Он прав: выработался у меня за недолгое время «милицейский профессионализм», надо же. С одной стороны, спокойное отношение к несчастьям, которыми мы занимаемся, необходимо для успеха дела, для устранения их; а с другой — это ведь все-таки несчастья. Зубы скалить ни к чему.

А настроение (тоже прав Рындя) в самом деле хорошее. И потому, что сейчас майское раннее утро, розовый восход, предвещающий хороший день. (Это по случаю неприятности с Мискиным мы собрались здесь так рано.) И вообще мне двадцать пять лет, я здоров и крепок телом, в личной жизни несчастий пока не было.

Однако Багрий уже услышал про краску:

— Вот и с краской этой, Святослав Иванович... грубо, грубо! Нет, вам серьезно надо думать над такими вещами, над стилем. Неартистично все как-то у вас получается. Работать надо над собой.

— Как работать-то? Скажите — буду.

— Ну... классическую литературу читать — ту самую, что в школе проходили. Серьезную музыку слушать: Бетховена, Чайковского, Грига...

Славик молчит, но смотрит на шефа такими глазами, что все ясно и без слов: ну, какое отношение могут иметь к работе классические романы и всякие там Бетховены-Чайковские!..

II. Теория из будущего

Со стороны, наверно, не понять, что Рындичевич сейчас получает выволочку (и не первую!) не за провал и даже не за промах, а за самое значительное свое — да и вообще наше — дело, после которого он получил благодарность высо-

кого начальства, а от меня лично титул «поильца-кормильца». Он исправил неудачную стыковку, с которой, увы, началась сборка на околоземной орбите «Ангара-1»: стартовой, перевалочной и ремонтной базы для полета к Луне, к иным планетам,— космического Байконура.

Первой выводили на орбиту двигательно-энергетическую станцию — по частям в силу ее громадности; да и части были такие, что запаса массы для космонавта в кабине не оставалось. То есть стыковкой их автоматически управляли с Земли. И — осечка, да такая, что ставила под угрозу проект: на стыковочных маневрах сравили весь запас сжатого воздуха, силой которого совершались взаимные перемещения частей на орбите. И части станции, не соединившись, расходились, уплывали друг от друга — во Вселенную, в космос, в вечность...

Получилось это по вине руководителя стыковки в Центре управления, человека, в чьем опыте и квалификации никто — и он сам — не сомневался: доктора технических наук А. Б. Булыгина, 45-летнего здоровяка с удлинённой головой, резкими чертами лица, ухоженной шевелюрой и красивыми усами под крупным носом (фотографии обслуженных остаются в нашем архиве). Объекты такой массы еще не выводили — поэтому он решил для опыта «покачать» их на орбите, проверить маневренность; на это ушла половина запаса воздуха. Потом повел стыковку,

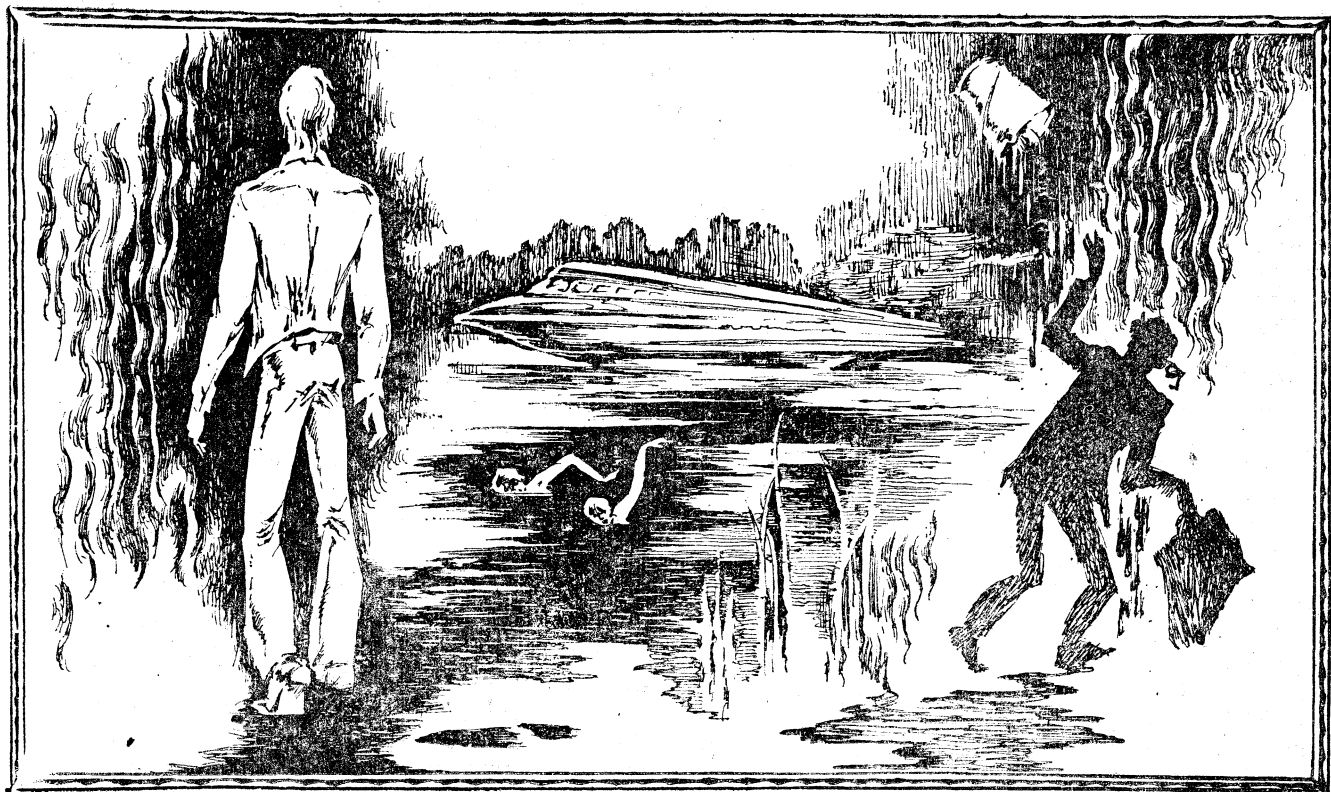
с первого раза не попал — занервничал, повысил голос на одного из операторов. Тот развел части станции чрезмерно резко... а на это и на последующее гашение их скорости еще порасходовали воздух. И... на новое сближение и стыковку оставшегося запаса просто не хватило.

Булыгина, когда выяснилась неудача, «Скорая помощь» увезла в предынфарктном состоянии.

Нам помогло то, что не спешат у нас прежде дела объявлять намерения в космосе. Если бы все узнали — пиши пропало: психическое поле коллективной убежденности, что все обстоит именно так, делает реальность необратимой. А так даже в Центре далеко не все в первый день знали о неудаче.

Багрий с Рындивичевым вылетели в городок. Славик был заброшен на сутки назад с заданием: минимальное воздействие на Булыгина, чтобы он не появился в Центре.

...Потом Артур Викторович предложил десяток вариантов минимального воздействия — вполне пристойных. Но это потом. А там, на месте, может, из-за спешки, может, из-за наклонностей натуры Рынды не придумал ничего лучше детской шкоды с ведерком эмалевой краски. Он пристроил его над дверями квартиры Булыгина так, что, когда тот утром вышел, чтобы отправиться в Центр, оно на него и опрокинулось. И текла по доктору наук голубая эмаль качественного сцепления — и за шиворот, и по

шевелюре, и по усам... только что в рот не попала. Два дня потом отчищали. И этот случай, кстати, тоже вызвал у Булыгина сердечный приступ.

Но в Центре управления за командный пульт стал дублер, заместитель Булыгина,— и исполнил все превосходно. «Ангар-1» сейчас сооружается полным ходом.

Глеб А. Воротилин, помимо благодарности Рынде, добился, чтобы 10% «экономии» (стоимости неудачного запуска и стыковки) перечислили нам. Так что теперь можно разворачивать дело шире; не только в смысле закупок и заказов, но и, главное, ездить всюду, искать подходящих ребят, тренировать их. Пока что ведь нас — трое. А если учесть, что Багрий по многим (и не совсем мне ясным) причинам в нашей команде больше тренер, чем игрок, то и вовсе двое: я да Рындя.

Рындичевич — он, что называется, из простых. Был трактористом у себя в белорусском селе, потом строителем, электромонтажником, слесарем, токарем — на все руки. Инженером стал заочно, сам к своему диплому с юмором относится. Культуры у него, в самом деле, в обрез, от сих до сих. Да к тому еще и самолюбив, мнителен, упрям до поперечности... не подарок.

О себе я не буду, но думаю, что и мои многие качества Артура Викторовича отнюдь не радуют. И если он нас двоих выбрал из многих тысяч, то не за душевные добродетели и не за красивые глаза (это у меня — красивые глаза: голубые с синим ободком; по ним да по светлым волосам меня принимают за уроженца Севера — хотя на самом деле я из Бердянска, что на Азовском море), — а за абсолютную память, главное качество в нашем деле. У Рындичевича она проявилась в том, что он с первого показа осваивал все операции со всеми тонкостями — и тем изумлял наставников; у меня — в том, что я в своем институте микроэлектроники за первый же год прославился как ходячий справочник, реферативный журнал и энциклопедия (хотя я, поступая туда, надеялся прославиться другим). По нашей славе Артуру нас и отыскал.

Абсолютная память — способность запоминать все до малых подробностей и вспоминать это легко и в любой последовательности — не только техническое, что ли, наше свойство; она, по объяснениям Багрия-Багреева, есть вторая (а может, и первая) форма нашего существования.

Мы — Встречники, люди, умеющие двигаться навстречу потоку времени.

Энергетически двигаться против потока времени — нажал кнопку или переключил рубильник и попер — невозможно. Время само — страшная энергия, энергия потока материи, порождающего и несущего миры и все существа.

Маяковский мечтал: «Впрямь бы это время в приводной бы ремень: сдвинул с холостого — и чеши, и сыпь. Чтобы не часы показывали время, а чтоб время честно двигало часы». На самом деле так оно и есть: время движет и часы, и меня, заводящего их, и круговороты веществ и энергии в природных процессах, питающих, «заводящих» и меня, и планеты, и солнца — все. «Энергия покоя» тел $E=Mc^2$ — это и есть энергия движения-существования тел во времени. Попробуй останови — аннигиляция.

...В фантастике мне приходилось читать: заплатит чувак миллион — и отправляется с подругой поглядеть на казни первых христиан или на Варфоломеевскую ночь в натуре. Для пищеварения. Так сказать, возлежа и отрыгивая. Нет, граждане, время — это вам не пространство, «башли» здесь решают так же мало, как и энергия.

Артур Викторович шел по другому пути, не от энергии, не от техники — от человека. Метод его — информационный и уже этим, при всей своей теоретической строгости, ближе к искусству, чем к технике.

Исходная его идея была та, что человек, как и любое существо, **четырёхмерен**. Мало того, он имеет два различных «размера по времени». Первый — это биологический: полусекундный интервал одновременности, под который у нас подогнаны движения, слова, удары сердца. Благодаря этому интервалу мы воспринимаем мир именно таким; если бы, скажем, он составлял тысячную долю секунды, то вместо низких звуков мы воспринимали бы серии щелчков — прощай, музыка. Перед забросом мы принимаем препарат петойля, который затягивает интервал одновременности на несколько секунд, — и это страшное дело, насколько меняется окружающий мир!

Но кроме биологического интервала, одинакового для всех животных, есть и другой, в котором люди прочих тварей заметно превосходят: психический. Память. И вот в этом не только люди от зверей, но и один человек от другого отличен очень сильно.

Память... На первый взгляд кажется, что ее можно уподобить видению в пространстве: как в пространстве чем дальше, тем труднее рассмотреть, так и во времени — чем удаленнее событие, тем труднее вспомнить. Но почему, скажите, особенно хорошо далекое прошлое вспоминается там, где оно происходило, — ведь во времени и это место переместилось наравне с другими? Почему люди в старости лучше всего помнят события своего детства и молодости? Почему вообще можно вспомнить самые давние факты своей жизни с подробностями, даже зримо? А сны, в которых мы видим давно умерших или давно исчезнувших из нашей жизни людей? Здесь много «почему».

И ответ на все один: потому что это с нами было. Все пережитое, когда бы оно ни случилось, хранится в памяти целиком. Все хранится: ушибы, наслаждение едой, встречи, сны... и даже, когда спал крепко, то память о том, что ничего не снилось. Потому что другое название для времени — существование. И подлинное четырехмерное существо «Человек» — а не его мгновенный снимок, не его меняющийся образ, — это длинная, вьющаяся вместе с Землей и по ее поверхности в четырехмерном континууме лента-река его жизни; исток ее — рождение, устье... тоже понятно что.

И, главное, обширность его сознательного существования зависит от интервала и информационной полноты памяти — именно управляемой ее части, подчиненной воле и рассудку.

Это я пересказываю то, что излагал нам на лекциях и тренировках Артуруч. Излагал он много, многому нас научил — и все это было настолько необычно, оторванно как-то от того, что пишу о времени и памяти в современных журналах и книгах (я ведь слежу), что мне в голову закралась одна интересная мысль. Я ее обдумывал так и этак, примерял к ней все свои наблюдения за Багрием — и все получалось, что называется, в масть:

— и эти необычные знания...

— и сама личность Артура Викторовича: его неустрашимость перед любым начальством, полная поглощенность делом, бескорыстность и безразличие, что от данного результата перепадет лично ему; да к тому еще и разностороннейшая эрудиция — от физики до йоги, от актерского искусства до электронных схем, какая-то избыточность во всем: на нескольких бы хватило его сил, знаний, способностей...

— и, главное, одна особенность в действиях: он никогда не ходил в забросы для изменения реальности; в тренировочные со мной или Славиком сколько угодно (без этого мы бы их и не освоили); надо знать поэзию заброса — те чувства, что переживаешь во время его и после, когда изменил реальность, чувства владычества над временем, отрешенного понимания всего, — чтобы понять странность поведения человека, который обучил такому других, а сам не делает:

— А знаешь, почему? — сказал я Рындичевичу, изложив эти мысли. — Он уже в забросе. В очень далеком забросе, понял? И менять реальность сверх этого ему нельзя.

— Из будущего, думаешь?.. — Славик в сомнении покрутил головой. — Хм... Ругаться он больно здоров. В будущем таких слов, наверно, и не знают.

— Так это для маскировки, — меня распалило его сомнение. — Слова-то трудно ли выучить.

В общем, Рындя согласился с моими доводами, и мы решили поговорить с Артуром Викто-

ровичем начистоту, Пусть не темнит. Шеф выслушал нас (меня, собственно) с большим вниманием — и бровью не повел.

— Превосходно, — сказал он. — Потрясающе. Дедуктивный метод... А неандертальцы пользовались беспроводным телеграфом.

— При чем, здесь неандертальцы? — спросил я.

— При том. Проволоки-то в их пещерах не нашли. Чем этот довод хуже того, что, раз я в забросы не хожу, значит, человек из будущего? Прибыл в командировку научить Рындичевича и Возницына технике движения во времени — двух избранных. А вам не кажется, избранные, что вера в пришельцев из будущего — такой же дурной тон и нищета духа, как и вера в космических пришельцев, коя, в свою очередь, лежит рядом с верой в бога? «Вот приедет барин, барин нас рассудит...» Лишь бы не самим. Вынужден вас огорчить, никакого будущего еще нет. Прошлое есть, настоящее есть — передний фронт взрывной волны времени. А будущее — целиком в категории возможности.

— Ну, здарсьте! — сказал я. — Когда я отправляюсь на сутки хотя бы назад, оно для меня — полная реальность.

— Ты не отправляешься назад, в прошлое, друг мой Саша, — шеф поглядел на меня с сочувствием, — ты остаешься в настоящем и действуешь во имя настоящего. Значит, вы еще недопоняли... Все наши действия суть воспоминания. Полные, глубокие, большой силы — соотносящиеся с обычными воспоминаниями, скажем, как термоядерный взрыв с фугасным, но только воспоминания. Действия в памяти...

— ...такие, что могут изменять реальность! — уточнил я.

— А что здесь особенного, мало ли так бывает! Если очевидец вспомнит, как выглядел преступник, того поймают; не вспомнит — могут и не поймать. Он может вспомнить, может не вспомнить, может сказать, может умолчать — интервал свободы воли. У нас все так же: воспоминания плюс свободные действия в пределах возможного. Только, так сказать, труба повыше да дым погуще. Никакой «теории из будущего» здесь не нужно.

И смотрит на нас невинными глазами да еще улыбается.

— Нет, ну, может, нам нельзя?.. — молвил Рындичевич. — Мы тоже свою работу знаем, Артур Викторович: в забросе лишнюю информацию распространять не положено. Тем более такую! Но — мы же свои. И никогда никому... Вы хоть скажите: третья мировая была или нет?

— Конечно, нет, раз засылают оттуда, о чем ты спрашиваешь! — вмешался я. — До того ли им было бы! Вы лучше скажите, Артуруч, вы из коммунистического или ближе?

— Да... черт побери! — Багрич хряпнул по

столу обоими кулаками.— Говорят вам, нет еще будущего, нету!.. Ох, это ж невозможное дело, с какими поперечными олухами мне приходится работать!..

И начал употреблять те слова, какие, по мнению Рынди, в будущем станут неизвестны. Кто знает, кто знает!

III. Сигнал бедствия

— Так! — Багрий смотрит на нас.— Не слышу предложений по Мискину. А время идет, в девять часов в институте начнется рабочий день.

Я молчу. Честно говоря, мне не нравится вариант, который навязывает нам Глеб А.; багриевский явно надежней. Какие же у меня могут быть идеи! А с другой стороны, надо поднатужиться: в заброс идет тот, чей план принят.

— Инспекция,— говорит Рындичевич.— Инспектор по технике безопасности и охране труда от... от горкома профсоюза. По жалобам трудящихся.

— Не было жалоб,— говорю я.— Не жалуются сотрудники на Емельяна Ивановича. Они за него хоть в огонь.

— Вот именно! — вздыхает шеф.

— Ну, тогда — из-за нарушений и происшествий... вон их сколько! — Славик указывает на бумаги.— Явиться в лабораторию за час до происшествия, обнаружить упущение, потребовать немедленно исправить. Там ведь всего и надо этот баллон вынести в коридор, защитить в углу решеткой или досками. А без этого инспектор запрещает работать.

— Это Мискину-то безвестный инспектор по ТБ запретит работать?! — иронически щурится Артурыч.— Ну, дядя...

— Да хоть кому. Имеет право.

Багрий хочет еще что-то возразить, но мешает звонок. Он берет трубку (сразу начинают вращаться бобины магнитофона), слушает — лицо его бледнеет, даже сереет:

— Какой ужас!..

Мы с Рындичевичем хватаем параллельные наушники.

— ...набирал высоту. Последнее сообщение с двух тысяч метров. И больше ничего, связь оборвалась. Упал в районе Гавронцев... — Это говорил Воротилин, в голосе которого не было обычной силы и уверенности.— Рейс утренний, билеты были проданы все...

— Карту! — кидает мне шеф. Приношу и разворачиваю перед ним карту зоны, снова беру наушник. Багрий водит пальцем, находит хутор Гавронцы, неподалеку от которого делает красивую излучину река Оскол, левый приток нашей судоходной.— Где именно у Гавронцев, точнее?

— Десять километров на юго-восток, в долине Оскола.

— В долине — это хорошо, она заливная, не заселена...

— Опять ты свое «хорошо», — горестно сказали на другом конце провода.— Ну, что в этом деле может быть хорошего!

— Да иди ты, Глеб, знаешь куда!.. — вскипел Багрий.— Не понимаешь, в каком смысле я примериваю, что хорошо, что плохо?

— Ага... значит, берешься?

— Успех гарантировать не могу, но и не попытаться нельзя. Главное, причину бы найти, причину!.. Теперь слушай. Сначала блокировка. Карта перед тобой?

— Да.

Никогда прежде эти двое — немолодые интеллигентные люди разных положений и занятий — не называли друг друга запросто по именам и на «ты»; не будет этого с ними и после. Но беда всех равняет, сейчас не до субординации и пиетета.

— Проведи вокруг Гавронцев круг радиусом 15 километров. Здесь должно быть охранение — и чтоб ни одна живая душа ни наружу, ни внутрь. Охраняющие тоже не должны знать, что произошло. Ничего еще не произошло!

— Сделаю.

— Телефонная связь с Гавронцами должна быть сразу оборвана. Дальше: на аэродроме известие о падении БК-22...

(«БК-22, вот оно что! Ой-ой...») Я чувствую, как у меня внутри все холодеет. БК-22 — стосорокаместный двухтурбинный и четырехвинтовой красавец, последнее слово турбовинтовой авиации. Рейсы его через наш город начались этой зимой, я видел телерепортаж об открытии трассы. И вот...)

— ...распространиться не должно. Всех знающих на эти несколько часов отстранить от работы, изолировать. Я сообщу по радиации с места, когда их усыпить.

— Ох! Это ведь придется закрыть аэропорт.

— Значит, надо закрыть. Только сначала пусть прилут сюда два вертолета: грузовой и пассажирский.

— Ясно. Кто тебе нужен на месте?

— Представители КБ и завода, группа оперативного расследования. Но — чем меньше людей, тем лучше. Скажем, так: по два представителя и группа из трех-четырех, самых толковых.

— Уже сообщено. Будут через полтора часа. Бекасов, может быть, через два, он в Крыму. Но... для такого случая полагается еще санитарная команда: вытаскивать и опознавать трупы, все такое...

— Нет! Никаких таких команд, пока мы там. Предупреди всех о безоговорочном подчинении мне.

— Конечно. Теперь слушай: один представитель Бекасовского КБ, хоть и неофициальный, прибудет к тебе сейчас на вертолете. Это Петр Денисович Лемех, бывший летчик-испытатель, ныне списанный на землю. Облетывал «БК двадцать вторые», летал и на серийных.

— Отлично, спасибо.

— И еще. Поступила первая информация о БК-22. Была аналогичная катастрофа с его грузовым вариантом — год с месяцами назад, на юге Сибири. Тоже при наборе высоты сорвался, нагруженный. Там причину не узнали — но это уже намек, что она одна и может быть найдена. Так что настраивайтесь на это.

— А на что же еще нам настраиваться? — усмехнулся Багрий. — На реквием? Это успеется.

— Кто летит?

— Я и Возницын. Рындичевич займется Институтом нейрологии.

На том конце провода помолчали. Я ждал с замиранием сердца, что ответит Глеб А.; в Славика он верит, конечно, больше, чем в меня.

— Смотри, тебе видней. («Уфф!..») Ну, все? Напутственных слов говорить не надо? Я все время здесь.

— Не надо. Дальнейшая связь — по рации.

Багрий-Багреев кладет трубку, поворачивается к нам:

— Все слышали? Вот так, не было ни гроша, да вдруг алтын. Святослав Иванович, ваш план принимаю, хоть и не в восторге от него. Но — время не терпит. Заброс короткий, справитесь сами. Постарайтесь там... — он движением пальцев выразил то, в чем Рындя должен расстараться, — быть тоньше, осмотрительней. Зацепку на минувший день имеете?

(«Зацепка» — это точка финиша в забросе: запомнившееся приятное событие, к которому тянет вернуться, пережить его еще раз.)

— Имею.

— Какую, если не секрет?

— А пиво вчера в забегаловке возле дома пил — свежее, прохладное. И мужик один тараней поделился, пол-леща отломил, представляете?

Артура Викторовича даже передегеривает. Рындичевич смотрит на него в упор и с затаенной усмешкой: вот, мол, такой я есть — с тем и возьмите.

— Эхе-хе!.. — вздыхает, поднимаясь из-за стола, шеф. — Поперечный мы, встречники, народ. Что ж, наши недостатки — продолжения наших достоинств. Ладно, с вами все. А ты, друг мой Александр Романович (это я — и друг, и Романович), настраивай себя на далекий заброс. Может, на год, а то и дальше.

И он убегает командовать техникам общий сбор, следить за погрузкой. Мы с Рындей остаемся одни. Мне немного неловко перед ним.

— Аджедан и анемс, — говорит он обратной

речью, — тсодрог и асарк. («Смена и надежда, гордость и краса...»).

— Слушай, не я же решал!

— Еонишутеп олед ешан, — продолжает он перевертышами, — онченок. («Наше дело петушиное, конечно.») Ичаду. («Удачи!»)

— Онмиазв. («Взаимно.») — Я тоже перехожу на обратную речь.

— Ондиваз ежад, йе-йе. («Ей-ей, даже завидно.»)

— Онтсеч? Нечо ен ебес кат я. («Честно? Я так себе не очень.»)

— Ясьшиварпс. Модаз мылог с еньязебо бо йамуд ен, еонвалг.

Мы говорим перевертышами — и говорим чисто. Ничего, впрочем, особенного в обратной речи нет: по звучанию похожа на тюркскую, прилагательные оказываются за существительными, как во французском языке, а произношение не страшнее, чем в английском.

Кроме того, мы умеем отлично ходить вперед спиной, совершать в обратном порядке сложные, несимметричные во времени действия — так, что при обратном прокручивании пленки видеомэганитофона, на которую это снято, ничего не заподозришь. В тренинг-камере, на стенах и потолке которой развиваются в обратном течении реальные или выдуманные Багрий-Багреевым события и сцены (и часто в ускоренном против обычного темпе!), мы учились ориентироваться в них, понимать, предвидеть дальнейшее прошлое, даже вмешиваться репликами или нажатием тестовых кнопок.

Все это нужно нам для правильного старта и финиша при забросах, а еще больше — для углубленного восприятия мира, для отрешения от качеств. Обнажается то, что смысл многих, очень многих сообщений и действий симметричен — что от начала к концу, что от конца к началу. А у событий, где это не так, остается только самый общий, внекачественный их смысл — образ гонимых ветром-временем волн материи: передний фронт крутой, задний пологий.

В том и дело, потому я и подозреваю в Артурыче человека не от мира сегодняшнего, что его внеэнергетический метод есть прикладная философия, идея-действие...

Мы с Рындичевичем говорим обратной речью — и мы знаем, что говорим. «Главное, не думай об обезьяне с голым задом», посоветовал он. Верно, главное не думать о ней и о белом медведе: о том, что сейчас лежит в пойме Оскола за Гавронцами, что осталось от 140-местного турбовинтового шедевра. И прочь этот холодок под сердцем. Ничего еще не осталось. Правильно хлопочет Багрий об охране и блокировке: нельзя дать распространиться психическому пожару. Пока случившееся — только возможность; укрепившись в умах, она сделается необратимой реальностью.

И я буду о другом: что в умах многих он еще летит, этот самолет, живы сидящие в креслах люди. Их едут встречать в аэропорт — некоторых, наверное, с цветами, а иных так даже и с детьми. С сиротами, собственно... Нет, черт, нет! Не с сиротами! Он еще летит, этот самолет, набирает высоту!

— Ну, вернись,— Рындя протягивает руку,— вернись таким же. Заброс, похоже, у тебя будет ой-ой. Вернись, очень прошу.

— Постараюсь.

Все понимает, смотри-ка, хоть и из простых. Заброс с изменением реальности — покушение на естественный порядок вещей, на незыблемый мир причин и следствий. Изменение предстает сильным — и не без того, что оно по закону отдачи заденет и меня. Как? Каким я буду? Может статься, что уже и не Встречником.

Мы со Славиком сейчас очень понимаем друг друга, даже без слов — и прямых, и перевернутых. Эти минуты перед забросом — наши; бывают и другие такие, сразу после возвращения. Мы разные люди с Рындичевичем — разного душевного склада, знаний, интересов. Для меня не тайна, что занимается он нашей работой из самых простых побуждений: достигать результатов, быть на виду, продвигаться, получать премии — как в любом деле. Потому и огорчился, позавидовал мне сейчас... И все равно — в такие минуты у нас возникает какое-то иррациональное родство душ: ближе Рынди для меня нет человека на свете, и он — я уверен! — чувствует то же.

Наверно, это потому, что мы Встречники. В забросах нам приоткрывается иной смысл вещей; тот именно смысл, в котором житейская дребедень и коллизии — ничто.

IV. Расследование

Грузовой вертолет с нашим оборудованием и техниками отправили вперед. Затем пассажирским МИ-4 летим в сторону Гавронцев и мы с Багрием. Третьим с нами летит Петр Денисович Лемех — плотный сорокалетний дядя, длиннорукый и несколько коротконогий, с простым лицом, на котором наиболее примечательны ясные серо-зеленые глаза и ноздреватый нос картошкой; он в потертой кожаной куртке, хотя по погоде она явно ни к чему, — память прежних дней.

До места полчаса лету — и за эти полчаса мы немало узнаем о «БК двадцать вторых»: как от Петра Денисовича, так и по радию.

— Не самолет, а лялечка,— говорит Лемех хрипловатым протяжным голосом.— Я не буду говорить о том, что вы и без меня знаете, в

газетах писалось: короткий пробег и разбег, терпимость к покрытию взлетной полосы — хоть на грунтовую, ему все равно, экономичность... Но вот как летчик: слушался отлично, тяга хорошая — крутизна набора высоты почти как у реактивных! А почему? От применения Иваном Владимировичем сдвоенных, встречно вращающихся на общей оси винтов да мощных турбин к ним — от этого и устойчивость, и тяга. Нет, за конструкцию я голову на отсечение кладу — в порядке! Да и так подумать: если бы изъяны в ней были, то испытательные машины гробились бы. А то ж серийные...

Сведения по радию от Воротилина: самолет выпущен с завода в конце прошлого года, налетал тысячу сто часов, перевез более двадцати тысяч пассажиров. Все регламентные работы проводились в срок и без отклонений; акты последних техосмотров не отмечают недостатков в работе узлов и блоков машины.

— Вот-вот... — выслушав, кивает Лемех.— И у того, что в Томской области загремел в позапрошлом апреле, тоже все было чин-чинарем. Полторы тысячи часов налетал — и все с грузом. Эх, какие люди с ним погибли: Николай Алексеевич Серпухин, заслуженный пилот... он уже свое вылетал, мог на пенсию уходить, да не хотел. Дима Якушев, штурман, только после училища...

— А почему там не обнаружили причину? — перебивает шеф.

— А он в болото упал. А болота там знаете какие — с герцогство Люксембургское. Да конец апреля, самый разлив... Место падения и то едва в две недели нашли. Это ж Сибирь, не что-нибудь. Над ней летишь ночью на семи тысячах — и ни одного огонька от горизонта до горизонта, представляете?

— Ну, нашли место — а там что? — направлял разговор Артур Викторович.

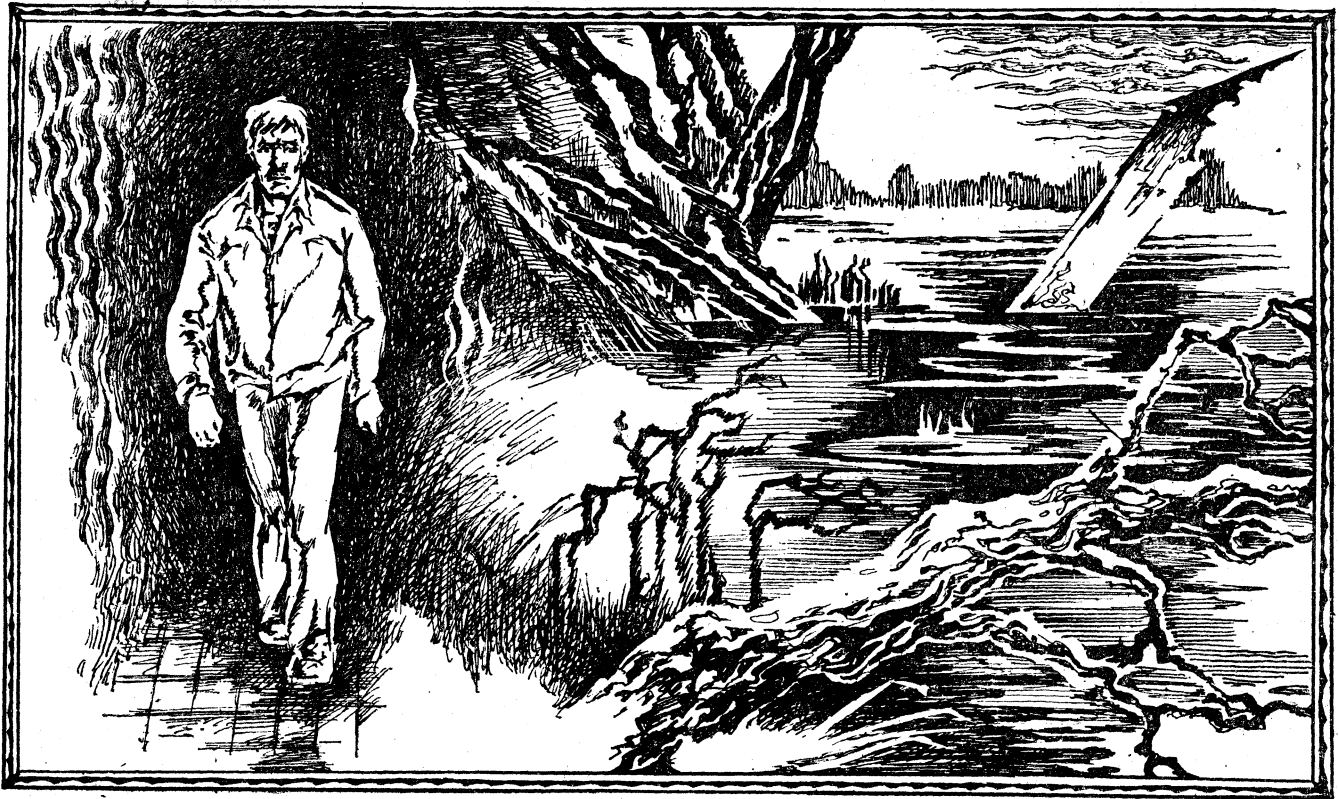
— А там... — Лемех поглядел на него светлыми глазками.— Хвостовое оперение из трясины торчит. Да полкрыла левого отдельно, в другом месте. Ни вертолету сесть, ни человеку спуститься некуда. С тем и улетели... Нет, но здесь на сухом упал — должны найти.

— Грузовые и пассажирские «БК» разные заводы выпускают? — спрашиваю я.

— Один. Пока один только завод и есть для них. Отличия-то пассажирского варианта небольшие: кресла да окна, буфет, туалет...

Мы немало еще узнаем от Петра Денисовича: и что чаще всего аварии бывают при посадке — да к тому же больше у реактивных самолетов, чем у винтовых, из-за их высокой посадочной скорости; затем в статистике следуют разные аэродромные аварии (обходящиеся, к счастью, обычно без жертв), за ними — взлетные, и только тогда — совсем редкие аварии при наборе высоты или горизонтальном полете.

Мы подлетаем. В каком красивом месте упал

самолет! Оскол — неширокая, но чистая и тихая река — здесь отдалается от высокого правого берега, образуя вольную многокилометровую петлю в долине. Вот внутри этой петли, среди свежей майской зелени луга с редкими деревьями, — безобразное темное пятно с бело-серым бесформенным чем-то в середине; столбы коптящего пламени; ближние деревья тоже догорают, но дымят синим, по-дровяному.

А дальше, за рекой, луга и рощи в утреннем туманном мареве; высокий берег переходит в столбовую равнину в квадратах угодий; за ними — домики и сады Гавронцев. И над всем этим в сине-голубом небе сверкает, поднимаясь, солнце.

Я люблю реки. Они для меня будто живые существа. Как только навернутся два-три свободных дня да погода позволяет, я рюкзак за плечи — и па-ашел по какой-нибудь, где потише, побезлюдней. Палатки, спальные мешки — этого я не признаю: я не улитка — таскать на себе комфорт; всегда найдется стог или копна, а то и в траве можно выпастись, укрываясь звездами.

И по Осколу я ходил, знаю эту излучину. Вот там, выше, где река возвращается к высокому берегу, есть родничок с хорошей водой; я делал привал возле него... Но сейчас здесь все не так. В том месте, где высокий берег выступает над излучиной мыском, стоит среди некошеной травы наш грузовой вертолет, а вокруг деловая

суэта: разбивают две большие палатки — одну для моей камеры, другую для гостей, выгружают и расставляют наше имущество.

Мы приземляемся.

— Слышал? — говорит мне Артурч, выскакивая вслед за мной на траву. — Самолет выпустили одиннадцать месяцев назад. Вот на такой срок, то есть примерно на годовой заброс, и настраивайся. Выбирай зацепку — хорошую, крепкую, не пиво с таранькой! — и просвет. Дня в три-четыре должен быть просвет. Туда, — он указывает в сторону излучины, — тебе ходить не надо, запрещаю. От суеты здесь тоже держись на дистанции... Общность, глубина и общность — вот что должно тебя пропитывать. Годовой заброс — помни это!

Да, в такой заброс я еще не ходил. И Рындичевич тоже.

Вскоре прибывают еще два вертолета. Из первого по лесенке спускаются трое. Переднего — невысокого, с фигурой спортсмена, седой шевелюрой и темными бровями, по которым только и можно угадать, какие раньше у него были волосы, — я узнаю сразу, видел снимки в журналах. Это Иван Владимирович Бекасов, генеральный конструктор. Ему за пятьдесят, но живые, энергичные движения, с которыми он, пойдя, знакомится с нами, живая речь и живые темные глаза — молодят его; весь он покрыт

шершавым крымским загаром — наверно, выдернули прямо с пляжа где-нибудь в Форосе.

Он представляет нам (Багрию, собственно; по мне Бекасов скользнул взглядом — и я перестал для него существовать) и двух других. Высокий, худой и сутулый Николай Данилович (фамилию не расслышал) — главный инженер авиазавода; у него озабоченное лицо и усталый глуховатый голос. Второй — белокожее лицо с румянцем, широкие темные брови, красивый нос и подбородок — Феликс Юрьевич, начальник цеха винтов на этом заводе; вид у него угрюмо-оскорбленный, — похоже, тот факт, что именно его выдернули на место катастрофы, его угнетает.

Подходит Лемех. Бекасов его тепло приветствует, а о том и говорить нечего: глаза только что не светятся от счастья встречи с бывшим шефом.

— Какие предполагаете причины аварии? — спрашивает Багрий.

— Поскольку при наборе высоты, то наиболее вероятны отказы двигателей и поломки винтов, — отвечает Бекасов. — Такова мировая статистика.

— Ну, сразу и на винты! — запальчиво вступает начцеха. — Да не может с ними ничего быть, Иван Владимирович, вы же знаете, как мы их делаем. Пылинки не даем упасть.

— Нет, проверить, конечно, нужно все, — уступает тот.

— Не нужно все, сосредоточьтесь на самом вероятном, — говорит Багрий. — Время не ждет. Вот если эти предположения не подтвердятся, тогда будете проверять все.

— Хорошо, — внимательно взглянув на него, соглашается генеральный конструктор и после паузы добавляет: — Мы предупреждены о безусловном повиновении вам, Артур... э-э... Викторovich. Но не могли бы вы объяснить свои намерения, цели и так далее? Так сказать, каждый солдат должен понимать свой маневр.

Чувствуется, что ему немалых усилий стоит низведение себя в «солдаты»; слово-то какое выбрал — «повиновение».

Под этот разговор приземлился второй вертолет. Из него появляются четверо в серых комбинезонах, они сразу начинают выгружать свое оборудование. Одни приборы (среди которых я узнаю и средних размеров металлографический микроскоп) уносят в шатер, другие складывают на землю: портативный передатчик, домкраты, какие-то диски на шестах, похожие на армейские миноискатели, саперные лопаты, огнетушитель... С этим они пойдут вниз. Это поисковики.

— Мог бы и даже считаю необходимым, — говорит Багрий. — Прошу всех в палатку.

В шатре в дополнение к свету, сочащемуся сквозь пластиковые окошки, горит электричество; на столе у стенки тот микроскоп, рядом толщиномер; распаковывают и устанавливают еще ка-

кие-то приборы. По приглашению Бекасова все собираются около нас. Стульев нет, стоят. Стулья — не в стиле шефа: пока дело не кончится, сам не присядет и никому не даст.

Артур Викторович сейчас хорошо смотрится: подтянут, широкогруд, стремителен, вдохновенное лицо, гневно-веселые глаза. Да, у глаз есть цвет (карие), у лица очертания (довольно приятные и правильные), а кроме того есть и темные вьющиеся волосы с седыми прядями над широким лбом, щеголеватая одежда... но замечается в нем прежде всего не это, не внешнее, а то, что поглубже: стремительность, вдохновение, гневное веселье мощного духа. Этим он и меня смущает.

— Случившееся настраивает вас на заупокойный лад, — начинает он. — Прошу, настаиваю, требую: выбросьте мрачные мысли из головы, не спешите хоронить непогибших. Да, так: ничто еще не утрачено. Для того мы и здесь. Случай трудный — но опыт у нас есть, мы немало ликвидировали случившихся несчастий. Совладаем и с этим. Главное, найти причину — для этого здесь вы...

— Как — совладаете? — неверяще спросил Лемех. — Обрызгаете там все живой водой, самолет соберется и с живыми пассажирами полетит дальше?

Вокруг сдержанно заулыбались.

— Нет, не как в сказочке, — взглянул на него Багрий. — Как в жизни. Мы живем в мире реализуемых возможностей, реализуемых нашим трудом, усилиями мысли, воли; эти реализации меняют мир на глазах. Почему бы, черт побери, не быть и противоположному: чтобы нежелательные, губительные реализации возвращались обратно в категорию возможного!.. Я не могу вдаваться в подробности, не имею права расказать о ликвидированных нами несчастьях — ибо и это входит в наш метод. Когда мы устраним эту катастрофу, у вас в памяти останется не она, не увиденное здесь — только осознание ее возможности.

Артур Викторович помолчал, поглядел на лица стоявших перед ним: не было на них должного отзвука его словам, должного доверия.

— Приведу такой пример, — продолжал он. — До последней войны прекращение дыхания и остановка сердца у человека считались, как вы знаете, несомненными признаками его смерти — окончательной и необратимой. И вы так же хорошо знаете, что теперь это рассматривается как клиническая смерть, из которой тысячи людей вернулись в жизнь. Мы делаем следующий шаг. Так что и катастрофу эту рассматривайте пока как «клиническую»... Вы — люди деятельные, с жизненным опытом, и сами знаете о ситуациях, когда кажется, что все потеряно, планы рухнули, цель недостижима; но если напрячь волю, собраться умом и духом, то удаётся ее

достичь. Вот мы и работаем на этом «если».

— Но как? — вырвалось у кого-то. — Как вы это делаете?

— Мы работаем с категориями, к которым вопрос «как?» уже, строго говоря, неприменим: реальность — возможность, причины — следствия... Вот вы и найдите причину, а остальное мы берем на себя.

— Так, может, и тот самолет соберется... ну, который в Сибири-то? — с недоверием и в то же время с надеждой спросил Лемех.

— Нет. Тот не «соберется»... — Артур Викторович улыбнулся ему грустно одними глазами. — Тот факт укрепился в умах многих и основательно, над таким массивом психик мы не властны. А здесь все по свежему... Так, теперь по делу. В расследовании ничего лишнего: съемок, записей, протоколов. Только искать. И идут лишь те, кто там действительно необходим. Это уж командуйте вы, Иван Владимирович.

Тот кивнул, повернулся к четырем поисковикам:

— Все слышали? За дело!

Я тоже берусь за дело: достаю из вертолета портативный видеомэг и, подойдя к обрыву, снимаю тех четверых, удаляющихся по зеленому склону к месту катастрофы. При обратном прокручивании они очень выразительно попятятся вверх. Мне надо наснимать несколько таких моментов — для старта.

Потом, озабоченный тем же, я подхожу к Багрию и говорю, что хорошо бы заполучить с аэродрома запись радиопереговоров с этим самолетом до момента падения.

— Прекрасная мысль! — хвалит он меня. — Но уже исполнена и даже сверх того. Не суетись, не толчись здесь — отрешайся, обобщайся. Зацепку нашел, продумал? Просвет?.. Ну, так удались вон туда, — он указывает на дальний край обрыва, — спокойно продумай, потом доложишь. Брысь!

И сам убегает по другим делам. Он прав; это обстановка на меня действует, атмосфера несчастья, — будоражит, понуждает что-то предпринимать.

Я ухожу далеко от палаток и вертолетов, ложусь в траве на самом краю обрыва, ладони под подбородок, — смотрю вниз и вдаль. Солнце поднялось, припекает спину. В зеркальной воде Оскола отражаются белые облака. Чуткий ветерок с запахами теплой травы, земли, цветов... А внизу — пятно гари, искореженное тело машины. Крылья обломились, передняя часть фюзеляжа от удара о землю собралась гармошкой.

Те четверо уже трудятся: двое поодаль и впереди от самолета кружат по архимедовой

спирали, останавливаются, поднимают что-то, снова кружат. Двое других подкапываются лопатами под влипшую в почву кабину; вот поставили домкраты, работают рычаги — выравнивают. В движениях их чувствуется знание дела и немалый опыт.

...Каждый год гибнут на Земле корабли и самолеты. И некоторые вот так, внезапно: раз — и сгинул непонятно почему. По-крупному — понятно: человеку не дано ни плавать далеко, ни летать, а он хочет. Вытягивается из жил, чтобы быстрее, выше, дальше... и глубже, если под водой. И платит за это немалую цену — трудом, усилием мысли; а когда и жизнями.

В полетах особенно заметно это вытягивание из жил, работа на пределе возможного. Например, у Армстронга и Коллинза для взлета с Луны и стыковки с орбитальным блоком оставалось горючего на десять секунд работы двигателя. Десять секунд!.. Я даже слежу за секундной стрелкой на моих часах, пока она делает шестую часть оборота. Если бы в течение этого времени они не набрали должной скорости — шлепнулись бы обратно на Луну; перебрали лишку — унесло бы черт знает куда от отсека. Так гибель и так гибель.

Или вот в той стыковке, на исправлении которой отличился Славик: попробуй оптимально израсходовать тонну сжатого воздуха, да еще при управлении с Земли. А больше нельзя. «Запас карман не тянет». Черта с два, еще и как тянет: запас — это вес.

Так и с самолетами. Аксиома сопромата, возникшая раньше сопромата: где тонко, там и рвется. А сделать толсто, с запасом прочности — самолет не полетит. Вот и получается, что для авиационных конструкций коэффициенты запаса прочности («коэффициенты незнания», как называл их нам лектор в институте) оказываются меньше, чем для наземных машин. Стараются, чтоб меньше было и незнания — берут точными расчетами, качеством материалов, тщательностью технологии... а все-таки нет-нет да и окажется где-нибудь слишком тонко. И рвется. Тысячи деталей, десятки тысяч операций, сотни материалов — попробуй уследи.

И тем не менее уследить надо, иначе от каждого промаха работа всех просто теряет смысл.

...Там, внизу, приподняли кабину — сплюснутую, изогнутую вбок. Один поисковик поднялся сюда за портативным газорезательным аппаратом, сейчас режут. Вот отгибают рейки, поисковик проникает внутрь. Я представил, что он может там увидеть, — дрожь прошла между лопаток. Э, нет, стоп, мне это нельзя! Немедленно отвлекись!

Поднимаюсь, иду к палаткам. Хорошо бы еще

что-то поймать на свой видеомаг. О, на ловца и зверь бежит... да какой! Сам генеральный конструктор Бекасов, изнывая от ничегонеделания и ожидания, прогуливается по меже между молодыми подсолнухами и молодой кукурузой, делает разминочные движения: повороты корпуса вправо и влево, ладони перед грудью, локти в стороны. Ать-ать вправо, ать-ать влево!.. Как не снять? Нацеливаюсь объективом, пускаю ленту. Удаляется. Поворот обратно. Останавливается скандализованно:

— Эй, послушайте! Кто вам позволил?

Я снимаю и эту позу, ошеломленное лицо, опускаю видеомагнитофон:

— Извините, но... мне нужно.

— А разрешение спрашивать — не нужно?! Кто вы такой? Уж не корреспондент ли, чего доброго?

— Нет... — Я в замешательстве; не знаю, в какой мере я могу объяснить Бекасову, кто я и зачем это делаю.

— Тс-с, тихо! — Артур Викторович, спасибо ему, всегда оказывается в нужном месте в нужное время. — Это, Иван Владимирович, наш Саша, Александр Романович. Он отправится в прошлое, чтобы исправить содеянное. Ему делать можно все, а повышать на него голос нельзя никому.

— Вон что!.. — Теперь и Бекасов в замешательстве, ему неловко, что налетел на меня таким кочетом; смотрит с уважением. — Тысячу извинений, я ведь не знал. Пройтись так еще? Могу исполнить колесо, стойку на руках — хотите? Ради такого дела — пожалуйста, снимайте.

— Нет, спасибо, ничего больше не надо.

Конечно, занятно бы поглядеть, как знаменитый авиаконструктор проходит колесом и держит стойку, но мне это ни к чему: эти движения симметричны во времени; только и того, что в обратном прокручивании колесо будет не справа налево, а слева направо. А его ходьба с поворотами да ошеломленное лицо — это пригонится.

— Са-ша! — Багрий полководческим жестом направляет меня обратно на обрыв.

Иду. Почему, собственно, он нацеливает меня на годовой заброс? А ну как сейчас выяснится, что это диверсия, взрывчатку кто-то сунул... хотя у нас такого вроде не бывает. Тогда все меняется, заброс на сутки, даже на часы?.. Нет. Второй самолет упал так, вот в чем завышка. Одной конструкции и с одного завода. Слабина заложена при изготовлении, а то и в проекте.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Тайна шифра

она может быть зашифрована (т. е. следующие 9 букв по алфавиту).

Получим следующую таблицу:

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н
А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й
К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У
О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч
С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ
Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы
А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й

24 марта 1905 года провинциальный Амьен проводил в последний путь своего гражданина Жюля Верна...

75 лет прошло с тех пор. Но книги великого фантаста живы и сегодня, их и сегодня читают и любят в нашей стране и во всем мире.

В этом номере мы публикуем два читательских письма.

Одно из них передал редакции Евгений Павлович Брандис, крупнейший наш специалист по творчеству Жюля Верна.

Фантастико-приключенческую литературу читатели зачастую поглощают бездумно, следя лишь за развитием сюжета. Между тем, разве не интересно представить себя на месте героя такой книги, на основании уже известного попытаться предвосхитить будущие события! Письмо воронежца Г. Воробьевского — пример такой неистребимой любознательности.

Собственно, та же любознательность, стремление докопаться до истины вопреки общепринятому, казалось бы, мнению двигали и автором второго письма.

Возможен ли «Наутилус», описанный Жюлем Верном? Усомнившись в отрицательном ответе, который мы, вслед за вполне солидным журналом «Наука и жизнь», посчитали правильным (см. «Уральский следопыт», 1977, № 12), наш читатель из Владимирской области провел подлинное расследование, проконсультировался у многих специалистов и в конце концов представил аргументы, свидетельствующие о безусловной правоте Жюля Верна.

Надеемся, что письмо Г. Прокопика прочтут с пользой для себя и все те, кто участвовал в нашей викторине-77, и участники новых наших викторин.

Недавно я прочитал роман Жюля Верна «Жангада» («Библиотека приключений», т. 9, М., «Детская литература», 1967).

Больше всего в нем меня заинтересовала разгадка криптограммы, от которой зависела судьба главного героя. Как только я дочитал до того места, где судьбу Жаррикеса постигла неудача в попытках прочитать зашифрованный документ, я прекратил чтение романа и сам занялся расшифровкой этого документа. И представьте себе, расшифровал его за какой-нибудь час, от силы — полтора. Узнал имя настоящего преступника и даже две опечатки выявил во втором слове («виновник»).

Я не сомневался, что и Жюль Верн заставит своих героев расшифровать этот документ таким же способом, тем более, что писатель вплотную подошел к нему, когда поуждал Жаррикеса отвергать те или иные варианты прочтения отдельных буквосочетаний, если разность алфавитных номеров шифрующей и шифруемой букв превышала цифру 9 (стр. 224—225).

Каково же было мое удивление, когда при дальнейшем чтении романа я узнал, что документ так и не был расшифрован, пока Фрагозо окольными путями не узнал имя настоящего преступника. Еще более я удивился, узнав из послесловия, что роман еще печатался в журнале, когда одному студенту удалось прочесть эту криптограмму, и что после этого Ж. Верн подготовил для отдельного издания «более сложную перестановку букв, гарантирующую от преждевременного прочтения документа». Ведь надо думать, что в данном советском издании применена именно эта «более сложная перестановка букв» (разумеется, в переводе на русский). А вот «гарантии от преждевременного прочтения документа» не оказалось...

С самого начала ясно, что, поскольку документ говорит о невиновности Дакосты, он обязательно должен содержать в себе эту фамилию.

Но какое бы число для шифровки документа ни было избрано, разность алфавитного номера каждой буквы этой фамилии с номером шифрующей ее буквы не может превышать цифру 9.

Следовательно, слово «Дакоста» может быть зашифровано не любым сочетанием букв, а лишь весьма ограниченным, удовлетворяющим этому условию.

Напишем столбиком слово «Дакоста», а рядом с каждой его буквой выпишем все буквы, которыми

Над каждым столбцом букв поставлена цифра, составляющая разность алфавитных номеров шифрующей и шифруемой букв.

Теперь в самой криптограмме (стр. 7 или 210 книги) пометим, скажем, карандашной точкой все буквы, которыми может начинаться слово «Дакоста». Это буквы первой строки нашей таблицы, от Д до Н включительно. Буква Д не исключается, т. к. шифрующее число может содержать цифру 0, а в этом случае любая буква шифруется сама собою. Таких помеченных букв будет примерно около трети общего количества букв в криптограмме.

После этого проверяем буквы, непосредственно следующие за помеченными, на их соответствие второй строке нашей таблицы (от А до Й включительно).

Там, где такое соответствие выполняется, проверяем третью букву на соответствие третьей строке и т. д.

Очень скоро мы находим единственное сочетание из семи букв, удовлетворяющее слову «Дакоста». Это сочетание «ЙБНТФФЕ» в четвертой строке документа. Разности номеров букв этого сочетания с номерами букв слова «Дакоста» (указанные в таблице над соответствующими столбцами) составляют ряд цифр — 5134325.

Ряд этот начинается и кончается цифрой 5, поэтому можно предположить, что число-ключ содержит шесть цифр, а с седьмой начинается повторение. Но, чтобы убедиться в этом, я проверил четыре буквы, предшествующие данному буквосочетанию, на соответствие имени «Жоам», они удовлетворяли этому слову. Тогда ряд цифр расширился влево, получилось 34325134325. Тут уже ясно видно повторение цифр,

начиная с седьмой. Значит, число-ключ содержит шесть цифр.

Разбив документ (252 буквы) на усочки по 6 букв, я определил начало и конец этого числа — 432513, после чего без всякого труда прочитал весь документ.

Мне кажется, что если бы Жюль Верн додумался до этого способа расшифровки документа, он бы как-то по-другому закончил роман, сделал бы главы о расшифровке криптограммы еще более захватывающими.

Г. ВОРОБЬЕВСКИЙ

г. Воронеж

Жюль Верн был прав!

Можно ли построить подводную лодку, в точности следуя описанию Жюль Верна? И если нельзя, то почему?

Вопрос этот имеет давнюю историю. Вначале усомнились в «Наутилусе» школьники — члены кружка юных судомоделистов. Несколько лет спустя журнал «Наука и жизнь» (1968, № 3) опубликовал статью инженера-кораблестроителя А. Гроссмана «Комфортабельный «Наутилус» и тесная «Пантера».

Основная идея статьи — «Наутилус» невозможен, он не сможет погрузиться в воду. Что можно было возразить на это? Из книг, кинофильмов мы знали, что подводная лодка — это очень тесное, душное, темное и опасное сооружение. Мы знали это настолько твердо, что сверкающий просторный «Наутилус», этот подводный дворец, воспринимался всего лишь как сказка. Так что даже казалось несерьезным для инженера доказывать невозможность этой сказки. Другое дело — школьники: дети, что с них возьмешь!

Откликов на статью А. Гроссмана в печати не было три года. Эти «годы молчания» сделали свое дело: легковверный читатель (и я в том числе) остался убежденным в безусловной правоте А. Гроссмана. Контингент читателей сменился за эти годы, и мало кто обратил внимание на статью инженера Г. Надъярных «В глубины мирового океана» («Наука и жизнь», 1971, № 5), на связь ее со статьей А. Гроссмана, ошибоч-

ность которой признавалась хотя и публично, однако в коротенькой мало заметной сноске к материалу Г. Надъярных. Во всяком случае, все заинтересованные в вопросе о «Наутилусе» знали о статье А. Гроссмана и до недавнего времени никто — о статье Г. Надъярных.

Эти же «годы молчания» породили, вероятно, и вопрос для викторины-77 «Уральского следопыта», и «правильные» ответы тех читателей, которые знали о статье А. Гроссмана. «Правильно» начал отвечать на вопрос викторины и я, но, чтобы не быть голословным, сделал элементарный расчет и вдруг обнаружил, что «Наутилус» полностью соответствует закону Архимеда.

Незадолго до того я прочитал прекрасную книгу Ж. Пикара «Солнце под водой» — прочитал о действующих, но уменьшенных копиях «Наутилуса», столь же просторных и не загроможденных внутри. Следовательно, некоторая психологическая подготовленность к восприятию факта правоты Жюль Верна у меня была, но, даже несмотря на это, поражен я был необычайно. И не столько соответствием «Наутилуса» закону Архимеда, сколько своим собственным предвзятым мнением, своим заблуждением, своей слепотой.

И тайно возрадовался: редакция «Уральского следопыта» тоже нашла правильный ответ — и предложила этот коварный вопрос читателям: многие ли сумеют в нем разобраться после той статьи?

Но затем последовали известный читателем «правильный» ответ, эмоционально-демагогические обвинения Жюль Верна некоторыми читателями, ссылка на «точные цифры» статьи А. Гроссмана...

Срочно пришлось доставать эту статью, знакомиться с ней... и я узнал в ней ту старую статью, которую когда-то просмотрел, к сожалению, невнимательно. Теперь же я

обнаружил в ней следующее: 1350 тонн железа, утверждает А. Гроссман, займут 115 кубометров объема. В действительности же 1350 тонн железа (столько весит «Наутилус») займут объем около 173 кубометров, потому что у железа удельный вес 7,8, а не 11,74, — как получается из цифр А. Гроссмана.

В дальнейших рассуждениях А. Гроссмана примечательна одна повторяющаяся деталь: автор, рассматривая какой-либо объем — купе, каюту, подводную лодку, — совершенно игнорирует конструкции, ограничивающие этот объем, т. е. вагон, корпус лодки и т. п. По А. Гроссману, эти конструкции не имеют веса и не учитываются при расчетах, поэтому «для компенсации» он требует поместить — обязательно внутри данного объема — тот вес, который в реальных конструкциях сосредоточен на периферии объема: корпус лодки и т. п. Например, объему купе железнодорожного вагона в 10 кубометров автор противопоставляет «ничтожно малый вес» оборудования купе: койки, столик, шкафчик, умывальник. Но сам-то вагон, чего не учитывает автор, весит более 50 тонн, и на долю каждого купе приходится около 5 тонн веса, а это уже не «ничтожно мало»... Подобным же образом автор совершенно спокойно не принимает во внимание около 800 тонн веса одного лишь двойного корпуса «Наутилуса»...

Ошибочно, глубоко ошибочно мнение, будто военная подводная лодка погружается только потому, что в ней тесно, а «Наутилус» для этого слишком пустотел. Закону Архимеда совершенно безразлична «пустотелость» или «загроможденность». Вы можете переплести внутреннее помещения лодки массой трубопроводов, можете металл этих трубопроводов использовать для утолщения корпуса, оставив совершенно свободным объем лодки, — важно лишь, чтобы ее вес был меньше веса вытесняемой ею воды.

Выполняется ли это условие для «Наутилуса»? Безусловно. Его вес, при объеме 1500 кубометров, складывается из следующего:

1. Водный балласт — около 150 т (150,72 т).
2. Наружный корпус — около 400 т (394,96 т).
3. Внутренний корпус — около 400 т. (У Ж. Верна не указана толщина его стенок, но само собой разумеется, что делать ее сильно отличной от толщины наружного корпуса не имеет смысла).
4. Киль — около 60 т (62 т).
5. Переборки, шпангоуты, подпорки, гребной вал, боевой бивень, трюмная палуба — около 150 т.
6. Твердый балласт — например, 200 т (200 т свинца займут объем всего около 18 кубометров).

7. Машины, оборудование, аккумуляторы, обстановка и прочее.

На долю всего этого, чтобы вес лодки был численно равен ее объему,—остается около 140 тонн. Если это кому-нибудь покажется много — можно взять дополнительно твердый балласт. Во всяком случае, это уже не проблема — с помощью 100—200 тонн балласта подогнать вес корабля к нужному: балласт для того и существует.

Но 100—200 тонн — это не те 1350 тонн, которые А. Гроссман требует поместить обязательно внутри «Наутилуса»!

Эти простейшие расчеты,— даже не вычисления, а скорее сопоставления цифр,—показывают полное соответствие «Наутилуса» закону Архимеда. Правда, не для тех, кто считает «пустотелость» синонимом непотопляемости.

С появлением все более глубоководных лодок корпус их будет все более и более упрочняться, т. е. утяжеляться. Настанет — теоретически — такой момент, когда никакого полезного груза лодка уже взять не сможет: вся «пустота» ее уже будет компенсирована весом корпуса. Не случайно сейчас ведутся опыты по созданию корпусов подводных лодок из более легких, чем сталь, металлов и материалов: из сплавов алюминия, из пластиков.

Из более легких. Уже это говорит о том, что конструкторы стараются максимально облегчить подводную лодку, ее корпус, а дефицит веса компенсировать «полезным» грузом мин, торпед и ракет, ибо подводная лодка сегодня — это прежде всего военный корабль, а кому нужен военный корабль без «полезного» груза? Отсюда и возникли миф о неизбежной тесноте в подводной лодке и убежденность в невозможности «Наутилуса».

А 200 тонн мин — это не 200 тонн свинцового балласта. Плотная «упаковка» мин невозможна; кроме

того, мины (как и торпеды, и ракеты) — это переменный груз, т. е. груз, который сравнительно быстро покидает борт корабля. И этот переменный груз в 200 тонн должен будет немедленно компенсироваться таким же по весу балластом — морской водой. Потребуется дополнительные балластные цистерны на 200 кубометров воды вместо лежащих в мирном «Наутилусе» 18 кубометров свинца. Тихого, спокойного свинца...

Потому-то, хотя мы и имеем уже давно (1964 год!) действующие ко-

пии «Наутилуса» — мезоскафы Жака Пикара, хотя и теория подтверждает возможность создания больших просторных подводных кораблей, практически мы такое увидим не скоро. Военные подводные лодки никогда не будут столь же просторными, как «Наутилус».

Г. ПРОКОПИК

г. Вязники
Владимирской обл.

ПРОВЕРЬТЕ ВАШУ ПАМЯТЬ

Публикуем вопросы второго тура нашей викторины. Их авторы — А. Безлатный (Челябинск), А. Благодаров (Петрозаводск), М. Исангазин (Омск), В. Казинский (Свердловск), В. Карабаев и Р. Кадиков (Уфа), А. Киселев (Москва), О. Китаева и А. Судьбин (Свердловск), Т. Кортышева (Ленинград), С. Пошевели (Новочеркасск Ростовской обл.), Г. Пряхин (Бизино Тюменской обл.), Б. Толстикова (Иркутск), А. Щербакова (Пермь), М. Якубовский (Ростов-на-Дону).

Ответы на эти вопросы нужно отправить до 1 июля 1980 года. К школьникам просьба: сообщайте, в каком классе учитесь.

Победители викторины, выявленные по итогам обоих туров, получают по традиции книги с автографами советских писателей-фантастов.

1. «— Камарадо Торжевский... как его... ли эстас саджа хомо,— объяснил сторож.— Толковый мужик, говорю.

— Что же... в эсперанто все существительные оканчиваются на «о»? — Все! — радостно подтвердил просвещенный дед и указал на собаку.— Хундо. А зовут Трезоро. Со-кровище, значит...»

Откуда взят этот отрывок? Как другие писатели-фантасты относятся к эсперанто?

2. Для героев каких НФ произведений не является загадкой Великая Теорема Ферма?

3. Общеизвестна поговорка: «одна голова — хорошо, а две — лучше». Кому из героев фантастики мало одной головы?

4. 33 марта... 31 июня... 34 августа... 3 августа-П... 30 октября... 4 января... 43 апреля... 86 марта... февруарий тридцатый... январь того же года, случившийся после февраля...

Такой календарь возможен, очевидно, только в фантастике! В каких конкретно произведениях?

5. В каких НФ произведениях встречаются контрамоты — существа, чей жизненный вектор направлен в обратную, по обычным меркам, сторону: от смерти к рождению?

6. Школа будущего. Какова она в произведениях писателей-фантастов?

7. Какие НФ произведения начинаются с приведенных ниже неординарных строк: а) «Бабушка!.. Я помню, как она родилась...»; б) «Своего хирурга глотайте быстро и решительно...»; в) «Я приближался к месту моего назначения...»; г) «— Будьте так добры, мистер, не могли бы вы угостить крекером моего драматерия?»

8. «— Папа, дай мне пятнадцать кларков!..» — В каком произведении фамилиями двух известных фантастов названы... денежные знаки вымышленной страны?

9. Предложите ваши вопросы для новой викторины.

СТАЛЬНЫЕ И ПЕРНАТЫЕ

**Руслан
ЛЫНЕВ**

*Рисунки
М. Корякина*

Отношения человека с пернатыми были сложными во все времена. Но особенно они осложнились, когда он и сам научился летать и в чем-то даже превзошел птиц.

перевозок, а в воздухозаборы турбодвигателей стало втягивать вместе с воздухом и птиц, то небезопасными оказались участвовавшие встречи не только с орлами, но и с чайками, воронами, скворцами, голубями.

При современных скоростях сила удара при столкновении самолета с птицей может достигать тридцати тысяч килограммов. Это примерно соответствует попаданию небольшого зенитного снаряда. В ВВС США ежегодно происходит несколько сот таких столкновений. Так, столкнувшись с одной из птиц, разбился реактивный самолет, на котором летел американский космонавт Фримен. Известно немало столкновений с птицами и пассажирских лайнеров, реже — вертолетов.

Сегодня, к счастью, не все эти случаи ведут к трагедиям. Однако повреждения двигателей, плоскостей и других частей самолетов — не редкость. У авиаконструкторов есть даже специальный термин — птицестойкость. Особую заботу вызывает птицестойкость двигателя — части, наиболее уязвимой при столкновении с пернатыми.

Испытания проходят на специальных стендах, где самолет обстреливают из пневмопушки, добиваясь той же силы удара, которая возможна в реальных условиях. Этот обстрел дает конструкторам важные сведения. Но повышать прочность узлов нельзя беспрдельно — это

Таран — не редкость

Однако, научившись, он до сих пор стоит перед проблемой — как летать безопасно. Для птиц же эта проблема не стояла до тех пор, пока в Калифорнии в 1912 году аэроплан не налетел в воздухе на одну из них. Погибли пилот и машина. В то время люди еще не умели грешить в таких делах на «летающие тарелки» и сразу нашли причину. Случай трагический, но тогда его расценили как нечто стоящее в стороне от задач покорения воздушного пространства, от борьбы за скорость, дальность, высоту. Однако уже вскоре к одному случаю добавились и другие.

Пилотов тех времен инструктировали: заметите орла, постарайтесь свернуть, избежать столкновения. При скоростях не больше ста километров это было не трудно. Когда же они возросли до тысячи километров, когда несравнимо увеличались объемы

ведет к утяжелению конструкции, к снижению скорости.

К тому же, кроме технической стороны, у проблемы есть и экологическая, связанная с поведением птиц, миграциями, реакцией на различные средства отпугивания. Помочь авиаторам выяснить эти вопросы взялись орнитологи. Так родилась наука, названная авиационной орнитологией. И уже сегодня ученые располагают рядом данных, пусть неисчерпывающих, но важных для практической работы по уменьшению числа столкновений и снижению их опасности.

Так, например, установлено, что из 760 видов птиц, распространенных в нашей стране, «авиопасны» лишь около десяти, а наименее «птицепопасны» для полетов высоты свыше тысячи метров, время суток — дневное, время года — зима. Вероятность столкновений повышается в пору весенних, а особенно осенних перелетов птиц. 60 процентов всех столкновений происходит вблизи аэродромов, во время взлетов и посадок, при скорости 300—400 километров в час. Однако наиболее любопытным представляется такой вывод исследователей: аэродромы, будь то Внуково или сельский, где пасутся козы, привлекает пернатых.

Опасная кормушка

Ведь что такое аэродром? В сущности, охраняемый заповедник. Просторное поле с многообразием — большая кормушка. Мошары, бабочек, кузнечиков здесь во множестве, а после дождя, чуть пригреет солнце, на взлетно-посадочную полосу выползают дождевые черви. С беззаботностью поистине птичьей птахи слетаются склевывать их.

Нередко птицы с нетерпением ждут прибытия самолетов, чтобы поклевать остатки насекомых, налипших во время приземления на стекла и обшивку. Замечены случаи, когда вороны спешили к взлетно-посадочной полосе, зажав в клюве не сыр, а грецкий орех или кость, украденную на близлежащем мяскобинате. С высоты в несколько десятков метров птицы бросали добычу на бетон. Вскоре на полосе оставались пустая скорлупа расколотых орехов и осколки костей, кстати сказать, также небезопасных для самолетов, идущих на посадку.

Аэродром не только кормушка. Аэровокзал, ангары, поле — подходящие места для гнездовий. Бывает, что гнезда — даже с птенцами! — обнаруживают буквально в нескольких шагах от взлетно-посадочной полосы. Рядом с ревом! С грохо-

том! Известны случаи, когда скворцы — это наблюдали в аэропортах Ашхабада, Керчи, Николаева — гнездились в укромных местах самолетов и сооружали гнезда из... проволоки!

Удивляясь способности птиц не отставать от технического прогресса, отдадим должное и мышам. Они тоже селятся на аэродромах и привлекают хищных птиц и лис. Последние, явившись на пиршество, промышляли не только ловлей мышей и птенцов. На взлетно-посадочной полосе они обнаруживали готовый корм: остатки птиц, сбитых самолетами.

Видя все это, авиаторы пришли к выводу: пора кончать этот птичий базар. Но кончить оказалось не так просто. Очень поучительна в этом плане ситуация, сложившаяся на острове Мидуэй, где персонал американской авиабазы затеял было борьбу против нескольких сот тысяч птиц, гнездящихся на острове, преимущественно альбатросов. Каждый десятый из взлетавших и садившихся здесь самолетов сталкивался с пернатыми хозяевами острова. Убытки исчислялись многими тысячами долларов.

Люди пытались уничтожить яйца в гнездах, но это только всполошило и активизировало альбатросов. Ничего не дало и истребление взрослых птиц всеми доступными человеку средствами. Ни к чему не привели попытки отпугивать альбатросов дымом и шумом. Места гнездований пытались даже перервать бульдозерами. Но в конце концов весь этот размах технической мощи был признан бессильным. Полеты самолетов пришлось подстраивать под время, удобное для птиц, а не для их бескрылых соперников.

Кыш! Кыш! Кыш!

Столь же незначительный результат давали попытки спиливать деревья, на которых гнездились грачи, сбивать птичьи гнезда струями воды из брандспойтов. Лишившись старых гнезд, птицы тут же принимают вить новые. А это — полеты туда-сюда за материалом и с материалом. То есть повышенная опасность протаранить самолет.

Частичный результат давали попытки отстреливать пернатых над взлетно-посадочной полосой. Несколько охотников в принципе могут основательно нагнать на птиц страху. Но и эта мера действует лишь временно. Ей приходится подкреплять другими, более мягкими: стрельбой из ракетниц, дымовыми шашками, громким проигрыванием музыки, записанной на магнитофон,

выращиванием на аэродромах трав, непривлекательных для птиц.

Некоторые зарубежные исследователи предлагают отпугивать нарушителей порядка, демонстрируя им их убитых собратьев, а то и просто, не мудря, травить всякую живность на аэродроме. Только так. Но это не привилось.

Вот сообщение из Англии: общая численность серебристых чаек здесь стала удваиваться каждые шесть лет. «В городах это удвоение происходит через пять лет. С начала семидесятых годов, — сообщается далее, — от жителей городов и поселков все чаще стали поступать жалобы на шум и загрязнение улиц, крыш, стен зданий и памятников, производимые скоплениями серебристых чаек. В 1971 году в одной из школ были прерваны занятия в связи с попыткой ликвидировать колонию, обосновавшуюся на спортплощадке. Пикурия на головы людей, чайки шумно и упорно защищали свои гнезда. Были случаи, когда чайки оказывались разносчиками бактерий, вызывающих острое отравление у человека». И далее: «Попытки выселить чаек из городов пока остаются безрезультатными. В 1976 году в Саут-Шилдсе... была устроена специальная шумовая тревога, однако в результате чайки лишь шире расселились по городу, захватив новые районы».

У нас в стране отмечены случаи, когда гнездование грачей на опорных фермах высоковольтных линий электропередач приводило к значительным потерям энергии и частым авариям из-за того, что птицы используют для строительства гнезд обрезки проволоки, вызывающие короткое замыкание. В Молдавии белые аисты гнездились на опорах ЛЭП, не раз прерывали подачу энергии с Дубоссарской ГЭС. Как видим, пернатые могут мешать не только авиации.

У нас в стране и за рубежом исследован комплекс более гуманных мер, предотвращающих столкновения. Самая распространенная — это отпугивать птиц. Но чем, если их не пугают даже самолеты? А если пугают, то птиц молодых, «не знакомых» с техникой, и потому впадающих при виде ее в панику, что и ведет к беде. Более же опытные — «стреляные воробьи» — держатся спокойнее. Поэтому для них нужны пугала посовременнее.

В Канаде отпугивали, стреляя буквально из пушки по воробьям. Вспышки и грохот давали эффект лишь сначала, но затем птахи быстро привыкали к этой канонаде.

В печати сообщалось еще такое: в одном из канадских аэропортов с голубями, мешавшими полетам, разобрались с помощью ястребов. Порядок якобы был наведен быстро и эффективно.

Но вот в одном из больших аэропортов решили испытать зарубежный метод, обратились в ближайший зоопарк за соколом. Там сказали: «Возьмите. Только наш сокол казенный, у него инвентарный номер имеется. Поэтому, чтобы не улетел, вы его на цепь посадите».

Так и сделали. Посадили на цепь, чтобы птиц распугивал. Те в первое время и впрямь сторонились диковинного стража. А когда поняли, что он цепной и в этом состоянии безвреден, слетелись смотреть, со всей округи.

Обстановка для взлета и посадки только усложнилась. Таким получился первый блин.

Одно же из самых надежных средств пока — это отпугивать птиц записанными на магнитофоне криками тревоги и страха их же собратьев. Этот эффект неотразимо действует не на отдельных птиц, а на стаю в целом, передавая ей чувство тревоги. Испытав его, птицы долго не возвращаются на прежнее место.

Наконец, для обнаружения и отпугивания птиц все активнее пытаются применять радары. Это дало толчок возникновению нового направления — радарной орнитологии.

Изучая маршруты миграции птиц с помощью локаторов, можно получить сведения для прогнозирования «птицеопасной» обстановки, давая о ней предупреждения наподобие штормовых. Сейчас наземные локаторы фиксируют птичьи стаи на расстоянии до ста километров. Этого достаточно, чтобы самолет, получивший предупреждение, мог своевременно изменить высоту, направление полета. Тщательно изучается возможность использования таких частот излучения, которые помогли бы не только заблаговременно обнаруживать, но и отгонять птиц, без причиняя им вреда.

Как ни мал «летный стаж» человечества, он достаточен, чтоб понять: птицы могут серьезно мешать безопасности полетов. Но повысить ее можно, научившись ладить с пернатыми. А ладить — значит обходиться с ними умно, заботливо, справедливо, в общем, по-человечески. Как со всем, к чему прикасается человек.

ПЛЕМЯ ДЛИННОУХИХ

**Игорь
АКИМУШКИН**

*Рисунки
М. Паукера*

До последнего оледенения дикие кролики жили почти во всей Западной Европе, даже в Англии. После оледенения они сохранились лишь в Испании и в северо-западной Африке (в Марокко). Затем люди расселили кроликов сначала в Италии и на средиземноморских островах. На Балеарском архипелаге в миниатюре случилась такая же история, как позднее в Австралии. Пара кроликов выпущена была здесь на волю. Потомки их скоро так расплодились, что местные жители просили римского императора Августа помочь им в борьбе с неуловимыми животными. Никакой помощи не мог оказать им могущественный повелитель всесильной империи, только посоветовал им переселиться на новые земли.

Португальские завоеватели завезли диких кроликов на Мадейру, Азорские и Канарские острова. В Англию вновь кролики попали в XII веке вместе с норманнами. Во Францию, очевидно, они переселились сами.

Первые опыты по акклиматизации кроликов в Австралии были начаты в конце восемнадцатого века. Но гигантская вспышка их размножения случилась позже: после того, как некий Аутин в 1859 году привез из Англии в Австралию 24 кролика. За девять лет до этого один человек был приговорен местными властями к штрафу в десять фунтов

стерлингов за то, что застрелил кролика на земле фермера Робертсона. А еще несколько лет спустя тот же Робертсон истратил пять тысяч фунтов стерлингов, безуспешно пытаясь истребить длинноухих в своих владениях.

Расплодившись, кролики стали национальным бедствием Австралии (ведь в этой стране мало хищников). Они пожирают ее, опустошая луга и поля. Жители Австралии ведут с племенем длинноухих настоящую войну с применением авиации, отравляющих газов и воинских подразделений. Но кролики не сдаются, их удалось лишь несколько отсечь в пустынные районы, отгородившись хитроумными изгородями из колючей проволоки, которые протянулись на тысячи километров (7 тысяч миль изгородей в одном лишь Квинсленде!).

Ежегодно Австралия экспортирует 70 миллионов кроличьих шкур и около 16 миллионов их замороженных тушек. Но не заметно, чтобы кроликов стало меньше...

Первая попытка акклиматизации кроликов в Новой Зеландии, предпринятая в 1838 году, оказалась неудачной. Повторена она была через 26 лет — и здесь тоже началось массовое размножение длинноухих «иммигрантов».

Несмотря на горький опыт Австралии и Новой Зеландии, кроликов поселили в начале нашего

века в Чили и на острове Сан-Хуан у тихоокеанских берегов США.

Даже на ветреном холодном острове Кергулен в Антарктическом регионе прижились и расплодился кролики. Они доедают там остатки и без того скудной растительности, а зимой кормятся морскими водорослями, выброшенными на берег.

Таким образом, современный ареал диких и одичавших кроликов занимает, помимо многих островов, Австралию, Новую Зеландию, Чили, почти всю Западную Европу, включая Англию, часть Норвегии, шведский остров Готланд. На восток простирается он до западной Польши и юга правобережной Украины (сюда завезли кроликов в прошлом веке).

Когда был одомашнен кролик? Точная дата этого свершения не установлена.

Во всяком случае, и в Риме, и в странах средневековой Западной Европы кролики подавались на стол как большое лакомство. В Англии в начале XIV века кролик стоил не меньше поросенка.

Что получил кролик от союза с человеком? Кормушку с едой, защиту от врагов и крышу над головой. А что потерял? Прежде всего — свободу. И мозг у домашнего кролика стал на четверть меньше, чем у дикого. И вес сердца уменьшился на треть. Менее объемным стал и желудок, а кишки — на метр короче. Все органы чувств притупились: зрение и слух, обоняние и вкус уже не те, как у дикого его предка.

А что приобрел человек? Очень продуктивное домашнее животное. Крольчиха в возрасте трех-четырёх месяцев уже может стать матерью. В год матка приносит от трех до шести пометов, в каждом шесть-пятнадцать и больше крольчат.

От каждого кролика можно получить 350—700 граммов пуха в год. Еще и вазов — лучшее удобрение для огородов, парников и садов. Кролик — это диетическое мясо. В нем жиров и белков больше, чем в говядине, баранине и курятине. От одной крольчихи — до 100 килограммов в год (имеется в виду ее потомство). На первом месте в мире по производству крольчатины — Франция (400 тысяч тонн в год), на втором — Италия (180 тысяч тонн), на третьем — США (60 тысяч тонн). В СССР в 1971 году добыто 38 тысяч тонн кроличьего мяса.

Какие существуют породы кроликов?

Фландр или бельгийский великан. Самый крупный в мире кролик: длина его до 90 сантиметров, вес — до 8 килограммов. Родом он, как указывает название, из Фландрии. Главный центр разведения — город Гент. В начале нашего века порода

фландров стала терять лучшие свои качества оттого, что много наиболее ценных производителей покупали и вывозили за пределы страны. Разводят фландров в основном местные рабочие, и главным образом не на убой, а ради удовольствия и развлечения. Это у них своего рода хобби — кто лучших кроликов вырастит и представит на выставки, которые проводятся ежегодно. Для приобретения и содержания дорогостоящих производителей денег у рабочих Гента не было. В этом деле помогло им общество рационального кролиководства «Стиргоф», которое добилось от правительства необходимых субсидий.

Мастью фландров разные: серые, голубые, рыже-желтые, черные и белые.

Венские голубые кролики бывают либо чисто голубыми (сизые) или с легкой серебристостью, как бы с проседью. В пушной торговле предпочтение отдается чисто голубым.

Шампань или французский серебристый. Мех этого кролика ценится еще дороже венского голубого. Родятся серебристые кролики совершенно черными, лишь в возрасте трех месяцев у них появляются серебристые волосы, а еще через месяц превращаются они в совершенно голубых. И чем светлее голубизна шкурки, тем они дороже. Бывают в этой породе и серебристо-коричневые и серебристо-желтые. Все серебристые кролики по требованию стандарта должны иметь равномерную окраску: морда, уши и хвост не темнее всего прочего.

Шиншилла. Его пепельно-голубоватый мех настолько красив, что без всякой подкраски и имитации идет в торговлю и стоит не дешево. Он похож цветом и мягкостью на шкурки настоящей шиншиллы (южноамериканского грызуна, у которого самый ценный в мире мех!)

Русский горностаевый кролик имеет великолепную окраску и часто разводится просто для красоты как декоративное животное. Он весь чисто белый, кроме черных ушей, ног, конца морды и хвоста. Крольчата этой удивительной породы рождаются розовыми или черными. С возрастом они белеют, а черные пятна появляются лишь у пятимесячных. Шестимесячные самые красивые. А к полутора годам их черные пятна рыжеют.

Русского горностаевого кролика иногда называют гималайским по той причине, что будто бы таких кроликов много в Гималаях.

Гаванна. Кролики этой породы похожи на горностаевых, но только они шоколадного цвета, точнее — цвета гаванной сигары. Первоначально называли их «английскими кроликами с огненными глазами», но голландское общество кролико-

водов переименовало их в гаванну, с тех пор и носят они это имя на всех выставках.

Кролик-бабочка. У него такая же редкая и красивая окраска, как у горностаевого. Белый с черными, серыми или желтого цвета пятнами, расположенными симметрично. В тон пятен окрашены у него нос и уши, а вдоль спины — темный ремень.

Бельгийский заяц, или лепорид. При выведении этой породы старались придать кроликам как можно больше сходства с зайцем.

Японский трехцветный кролик окрашен так же, как и некоторые трехколерные кошки: по всему телу у него черно-бело-желтые пятна. Одна половина головы — желтая, другая — черная. Кролик этой редкой окраски никогда не был в моде, и его роль в кролиководстве ничтожна.

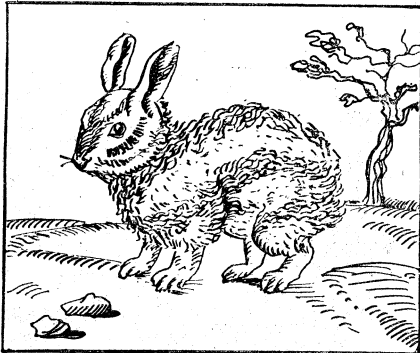
Ангорский пуховый кролик. Вид у него презабавный — пушистый белый комочек. Весь оброс длинной (до 80 сантиметров) шелковистой шерстью. Годовой настриг — до половинки килограмма, а пуха начесывают до 700-граммов в год. Длина пуха — 10—25 сантиметров. Особенно красивая масть у русского ангорского кролика: словно бы зеркальное отражение цветов горностаевого кролика — белый нос, белые уши и ноги, а все остальное черное.

Ангорский кролик прежде был живой игрушкой у дам, как сейчас болонки. Поэтому и называют его иногда «дамским». У нас же эта порода была известна издавна под именем «песочной».

Название «ангорский» не означает, что он был выведен в Ангоре (теперь Анкара — столица Турции). Также и ангорская кошка не оттуда родом. Названы они так по аналогии с действительно ангорскими козами.

Много люди вывели пород кроликов — черно-бурый, рекс, аляска, вуалево-серебристый, советский мардер, английский вислоухий, нормандский, голландский, польский. Всего — 60 пород.

Разводить кроликов — отличное хобби! В нем есть творческий поиск, разочарования, неудачи (не без них) и радость законченного труда.

Загадочный дядя Костя

Это произошло вечером 17 сентября 1917 года. Девятилетний мальчик Вильям, сын финского журналиста Юхо Латукка, делал уроки, когда в их дом на ул. Александровской, 15, что и поныне стоит на южной окраине Выборга, вошли двое: отец с чемоданами в руках и с ним незнакомый Вильяму человек.

— Это дядя Костя,— сказал отец.— Он приехал к нам погостить.

Незнакомец приветливо улыбнулся. Вильям увидел его смуглое лицо, высокий лоб, на верхней губе четко вырисовывались коротко подстриженные рыжеватые усы. Глаза гостя лукаво шурились.

По утрам, когда мальчик уходил в школу, дядя Костя уже сидел за письменным столом. Возвращаясь домой, Вильям заходил в редакцию, где работал отец, и там получал для дяди Кости газету «Тюэ» («Труд»), издаваемую финскими социал-демократами.

Вильям и дядя Костя жили в одной комнате. Они очень подружились. Дядя часами просиживал за книгами, газетами, что-то писал. Бывало, лампа на его столе не гасла всю ночь, а чтобы свет не мешал

Вильяму спать, дядя Костя покрывал абжур бумагой.

Но однажды случилось нечто неожиданное. Вильям увидел, как дядя Костя сбрил усы, достал из чемодана седоватый парик и надел его. Мальчик очень удивился такому превращению, но расспрашивать не осмелился.

Когда 7 октября 1917 года дядя Костя уехал, отец вечером сказал Вильяму, что в одной комнате с ним жил русский большевик Владимир Ильич Ленин.

В 1918 году в записке к Г. В. Чичерину, тогдашнему народному комиссару иностранных дел РСФСР, В. И. Ленин попросил найти место для отца Вильяма Юхо Латукка в советском посольстве в Швейцарии.

После Великой Отечественной войны в восстановленный дом на окраине Выборга приехал советский инженер Вильям Латукка. Здесь он оставил свои воспоминания о веселом, добром дяде Косте, с которым ему посчастливилось прожить почти три недели.

Всеволод КРИВОШЕИН.

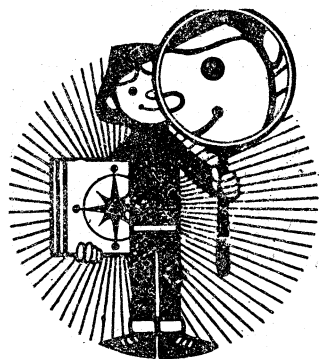
На имя вождя

Первый партийный билет Владимиру Ильичу Ленину был вручен в день его возвращения из эмиграции 3(16) апреля 1917 года на Финляндском вокзале в Петрограде. По поручению Выборгского райкома РСДРП партийный документ за № 600 Ильичу вручил рабочий И. Д. Чугурин.

И еще несколько раз В. И. Ленину вручались партийные билеты во время обмена документов. В марте 1927 года партийный билет № 1 был заполнен Замоскворецким райкомом партии Москвы на имя В. И. Ленина. При следующих обменах билет за этим номером никому не выдавался, он навечно оставлен за Ильичем.

В 1973 году партийный билет № 00000001 был заполнен на имя Ульянова (Ленина) Владимира Ильича и подписан товарищем Л. И. Брежневым. Снимок, запечатлевший это событие, и ручка, которой был подписан ленинский партбилет, хранятся в Центральном музее В. И. Ленина.

Борис ЕФИМОВ.

МИР

НА ЛАДОНИ

Народные памятники

ВОЖДЮ

В траурные дни января 1924 года, когда умер В. И. Ленин, Н. К. Крупская обратилась с письмом «Ко всем, кому дорого имя Ильича!» Она писала:

«Большая у меня просьба к Вам, не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности...

Хотите почтить имя Владимира Ильича, устраивайте ясли, детсады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов, и, самое главное,— давайте во всем проводить в жизнь его заветы!».

Рабочие и служащие Екатеринбурга решили перечислить часть своей зарплаты на строительство Дома крестьянина. Рабочие-льсывенцы, узнав о том, какой памятник создается в Екатеринбурге, сделали в

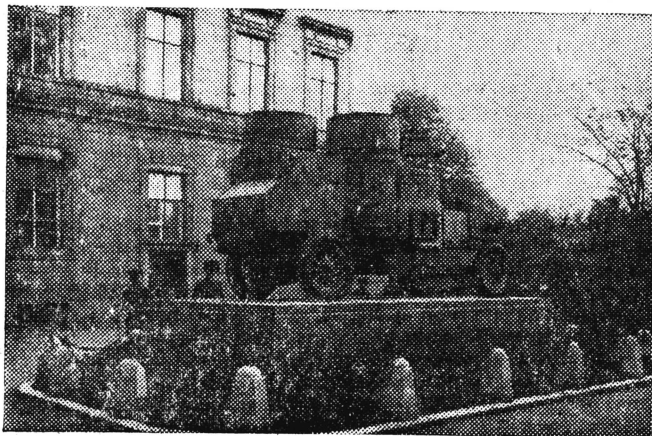
сверхурочные часы эмалированную посуду и прислали ее в дар Дому крестьянина. А перед самым открытием в Екатеринбург приехали каслинские литейщики. Их подарок — бюст В. И. Ленина — занял в Доме почетное место.

В течение 1924—1925 годов подобные народные памятники Ильичу — Дома крестьянина — открываются в Челябинске, Шадринске, Ирбите.

На партийной конференции в Чунарской волости Башкирии решили: ликвидация безграмотности — вот наш памятник вождю.

Трудящиеся Удмуртии решают заложить в те траурные дни в городе Глазово стадион, а в Ижевске — Дом культуры, и назвать их именем В. И. Ленина...

Евгений ЧЕРКАШИН.

40 лет на пьедестале

Легендарный броневик «Враг капитала», с башни которого 3(16) апреля 1917 года прозвучал на площади у Финляндского вокзала в Петрограде пламенный призыв В. И. Ленина к борьбе за революцию социалистическую, перемещен после реставрации в вестибюль Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

До этого броневик 40 лет простоял на низком гранитном пьедестале у входа в музей. Сюда его привели бывшие солдаты-большевики автобронедивизиона, участвовавшие во встрече Ленина на площади у Финляндского вокзала. После долгих поисков они в 1939 году разыскали исторический броневик системы «Остин» в учебном лагере Осоавиахима в поселке Сосновка.

Двухбашенному броневому автомобилю, с которого говорил с народом В. И. Ленин, возвращен первоначальный вид.

На снимке: легендарный броневик «Враг капитала» перед его переводом в здание музея.

Всеволод ИВАНОВ.

В честь детей

Альбомы филателистов пополнились множеством марок, посвященных детям. В пестром хороводе марок: рожденных Международным годом ребенка,— и любимые герои детских сказок, и картины великих художников, и детские рисунки, и плакаты...

На марках Великобритании — любимые детьми всего мира Винни Пух, Братец Кролик, Алиса в Стране чудес. На кубинской марке в единой семье собрались дети разных стран и народов. Стилизованы под детские рисунки яркие и оригинальные марки Венгерской Народной Республики. Марка Люксембурга призывает водителей быть внимательными на дорогах: «Осторожно, дети!» Особой красочностью отличается серия марок, выпущенных в нашей стране. В ней использованы рисунки советских детей.

На снимке: марки, выпущенные в честь Международного года ребенка.

Владимир ШУР.

Самая маленькая школа

Поселок — база геологов Полярного Урала — велик, в нем всего полтора десятка домов. Но школа здесь имеется. Только... Саша, Люда, Юра, Олег,

Сереза и Света — вот и вся школа. В ней три класса, одна учительница, шесть учеников и четыре парты.

На Ямале нет школы меньше. Наверное, нет меньше и в Тюменской области. Наверное, и в нашей стране она самая маленькая. А. может быть, и во всем мире?..

Анатолий ОМЕЛЬЧУК.

Палитра Кустодиева

Замечательный русский художник Б. М. Кустодиев считал костромскую землю своей второй родиной. Именно здесь, после живописного полотна «Базар в Семеновском», удостоенного золотой медали Академии художеств, начался путь этого самобытного художника в большое искусство.

Неброская, приглушенная дыханием близкого севера природа и нетронутая русская старина костромского заволжья на всю жизнь приворожили живописца. В деревеньке Маурино построил Кустодиев деревянный дом в древнерусском стиле и нарек его «Теремок». В мансарде этого дома были созданы десятки замечательных творений, таких, как «Ярмарка», «Гуляние на Волге», серия портретов местных крестьян. Почти каждое лето приезжал сюда художник, предпочитая костромские края соблазнительным вояжам в Париж, Мадрид и Севилью.

К сожалению, «Теремок», переданный Кустодиевым в 1924 году в дар местному волисполкому «для культурных потребностей», не сохранился до наших дней. Зато в районном центре — поселке Островском создан музей Кустодиева. Жена художника Юлия Ефстафьевна, уроженка здешних мест, подарила музею двадцать подлинных работ, написанных Борисом Михайловичем в костромских краях. А сын Кустодиева, тоже художник, Кирилл Борисович, передал музею самую дорогую семейную реликвию — палитру отца.

Виталий ПАШИН.

Читает вслух... машина

В США изобретена читающая машина. Слепые получают возможность прочитать любую книгу или журнал. Нужно лишь положить то, что хочешь прочесть, в машину и слушать. Голос, хотя и искусственный, легко воспринимается.

Научиться пользоваться читающей машиной можно за несколько часов. Напомним, что по небезызвестным выпуклым таблицам Брайля учатся читать больше года. Машина читает любой печатный текст, а число книг, составленных по методу Брайля, довольно ограничено.

Если испытания пройдут успешно, полагают, что читающую машину будут устанавливать в школах для слепых и в библиотеках.

В. ТОЛМАЧЕВА.

Воздушный пират — крокодил

Во время очередного полета из Нью-Йорка в Лондон стюарда внезапно атаковал... крокодил.

Свидетель происшествия рассказывает: «Сидящий рядом со мной мужчина сказал, что он везет в чемодане двух крокодилов. И, открыв чемодан, вдруг воскликнул: «Господи! А

где же другой аллигатор?».

Стюард подбежал, чтобы выяснить, что случилось. Как только он открыл багажный шкаф, крокодиленок вцепился в лацкан пиджака стюарда, и стоило больших трудов оторвать аллигатора.

В. ГРИГОРЬЕВА.

Кто изобрел фотографию?

Все 140 лет существования фотографии описаны довольно подробно. Известны ее изобретатели — Ньепс и Дагерр — им даже поставлены памятники. Но совсем недавно всплыло новое имя. — Геркулес Флоранс, который, оказывается, тоже стоял у истоков светописы.

Открыли его в Бразилии. Сенсационные материалы опубликовали многие фотожурналы. Воспроизводились его первые гелиографии, цитировались дневники, термин «фотография» в них датирован 1834 годом — на пять лет раньше общеизвестного.

Француз Антуан Геркулес Ромуальд Флоранс в 21 год уехал в Южную Америку и там более трех лет путешествовал с русской научной экспедицией.

В архивном фонде ака-

демика Г. И. Лангсдорфа — именно он был руководителем той русской экспедиции 1825—1829 гг. — среди участников назван и «Эркюль Флоранс, художник для снятия видов».

К сожалению, фонд этот не был обработан и даже затерялся в музейных запасах. Лишь через сто лет его обнаружили, и поставили имя Г. Лангсдорфа в ряд выдающихся русских географов-путешественников.

Теперь пришла пора оценить и виды, снятые Г. Флорансом. В его дневниках обнаружена запись: «21 января 1834 г. Вполне возможно фотографировать чертежи с помощью серебра и света». Жаль, что в Европу это сообщение шло... 140 лет.

Евгений БИРЮКОВ

Разговоры с попугаем

Хочу рассказать о дружбе человека и маленького попугайчика. Родился этот попугайчик в неволе, в одной из квартир Свердловска. И его в месячном возрасте подарили моей знакомой — Тамаре Тетериной.

Любовь к маленькому существу сделала чудо. Попугайчик заговорил. Тамара не помнит, что именно и как сказал он первое слово, до того растерялась. Вот тут-то и началась настоящая учеба. Это и поиски настоящей литературы о попугаях, и долгие часы занятий, и даже бессонные ночи, когда Кузьма простыл и заболел. Да, его зовут Кузьма Кузьмич. Попугай так и представляется: «Разрешите представиться, меня зовут Кузьма Кузьмич! Я живу на улице Луначарского, дом пятьдесят семь, квартира тридцать...» Вот с произнесением полного номера квартиры пока заедает. Вся цифра почему-то никак не выговаривается.

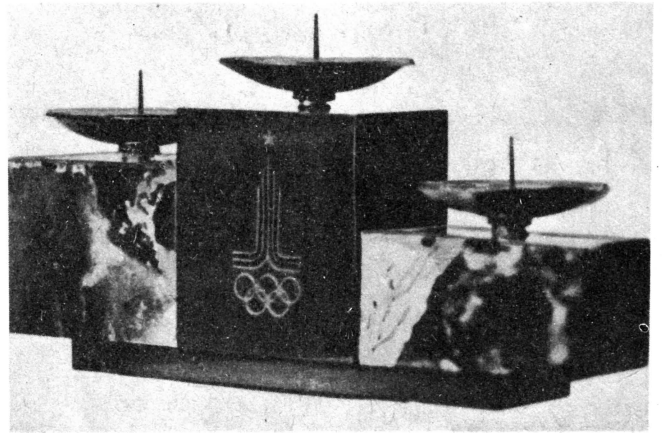
Когда мы с женой приходим в гости к Тамаре, Кузьма садится к жене на плечо и важно говорит: «Давай поговорим». И начинает раскрывать весь запас своих слов и предло-

жений. А в лексиконе более ста слов. «Очаровательные глазки, очаровали вы меня. Аннушка, душечка, добрая душа», — так отзывается он о Тамариной маме и следует значительный поцелуй. Да, да, самый настоящий поцелуй. В новый год Кузя нас всех поздравил: «С праздником, дорогие товарищи!» Как-то зашла соседка к Тамаре. Кузя сел ей на плечо и поведал: «Все птички на веточке, а я бедняжка в клеточке». Сейчас, когда я пишу об этой истории, у Кузи новая проблема: нужна подруга, он даже имя ей выбрал — Кирочка.

Вот такой свердловский Кузя. Идут дни. Продолжается дружба человека с маленьким зеленым попугайчиком. Радио однажды рассказало о московском попугайчике. Свердловский говорун не уступает столичному. Скептикам, которые не поверили в историю с Кузей, напомним словами попугая: «Я живу на улице Луначарского, дом пятьдесят семь, квартира тридцать... Приходите в гости».

И. ТРУФАНОВ

Фото М. Корякина

Самоцветные сувениры

Свердловский завод «Уральские самоцветы» получил почетный и большой заказ: для Олимпиады-80 наладить выпуск олимпийских сувениров.

Среди 25 видов поделок с олимпийской символикой — значки, брелоки, вазы, медали, подсвечники и другие изделия. Все они делаются из лучших самоцветных камней.

На снимках: сувениры завода «Русские самоцветы».

Фото А. Лангева

СЛАВЯНОВСКИЙ «СТАКАН»

Деятельность инженера и изобретателя Николая Гавриловича Славянова, впервые разработавшего и внедрившего дуговую электросварку металлическим электродом, в течение четырнадцати лет была связана с пермскими пушечными заводами в Мотовилихе. Под руководством Славянова построена заводская электростанция, основан электролитический цех, где было сварено более полутора тысяч деталей, самых разнообразных по весу и назначению.

Среди экспонатов Пермского областного краеведческого музея обращает на себя внимание уникальный славяновский «стакан». На дне его выгравирована надпись: «Экспонат на Всемирную электротехническую выставку в г. Чикаго (Америка). Изготовлен Н. Г. Славяновым. Завод Мотовилиха, 1893 годъ.»

Небольшой металлический цилиндр с двенадцатью гранями. Одна за другой вертикально сварены полосы из восьми различных металлов; затем полученный брусок подвергся обработке фрезерованием и шлифовке. На одной из граней четко видны названия металлов: бронза, нейзильбер, медь, чугун, сталь, никель, томпак, колокольная бронза. Вес стакана — 5 кг. 330 гр. Высота — 210 мм.

Таким наглядным способом Славянов доказывал, что его метод электросварки применим для всех металлов. На выставке в Чикаго горному инженеру Славянову была присуждена золотая медаль и диплом, а экспонат по его просьбе был возвращен обратно в Пермь.

Светлана ДИМУХАМЕТОВА
Фото Алексея Нагибина